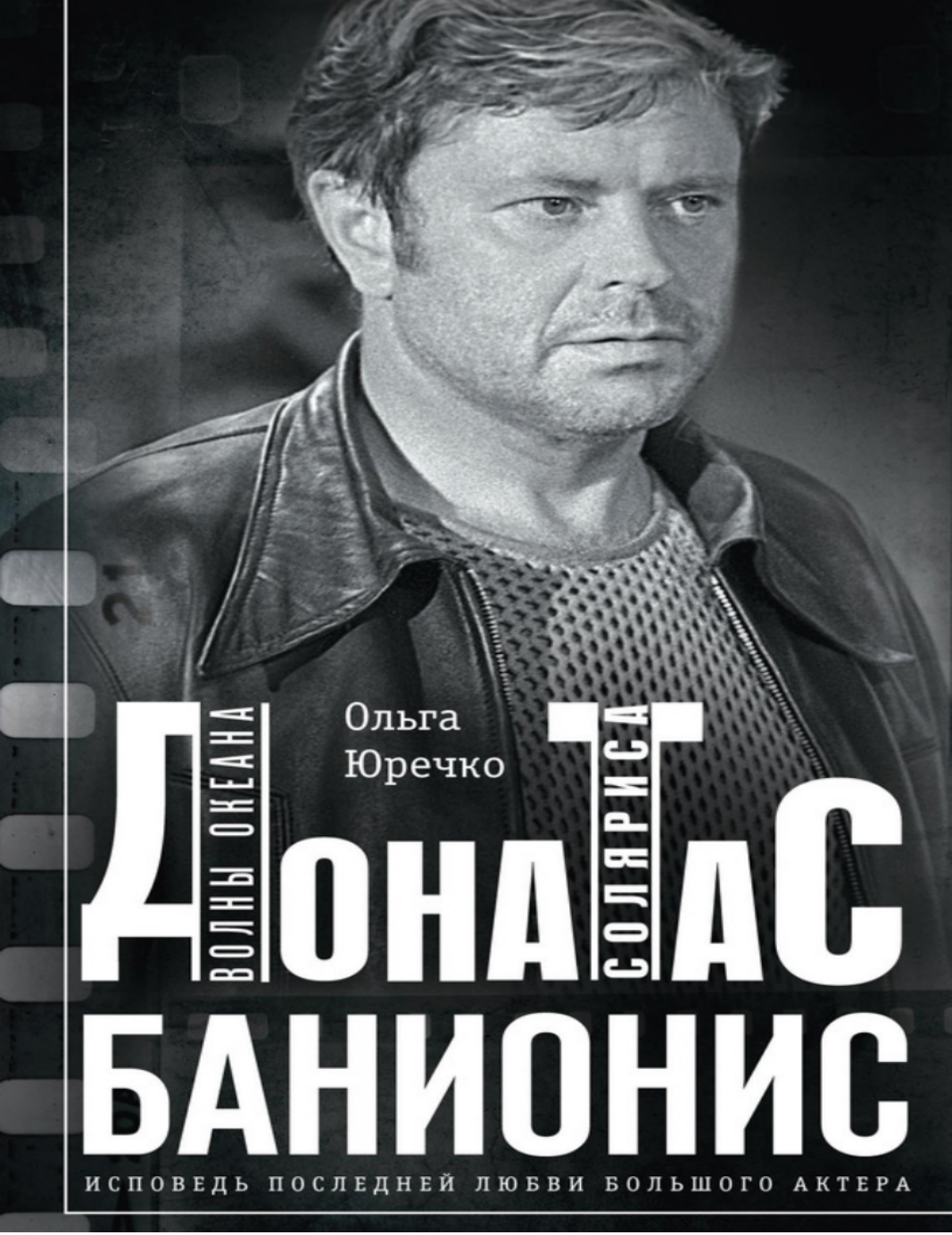

Ольга Юречко

Донатас Банионис

ВОЛНЫ ОКЕАНА

СОЛЯРИС

ИСПОВЕДЬ ПОСЛЕДНЕЙ ЛЮБВИ БОЛЬШОГО АКТЕРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Последняя любовь известного актера Донатаса Баниониса – Ольга Юречко, простая учительница из Минска, жизнелюбивая, сильная духом личность. Она была поклонницей Донатаса с юности, всю жизнь мечтала о встрече со знаменитым актером, и только в зрелом возрасте ее мечте суждено было осуществиться. Совершая очередной велопробег по Европе, Ольга вспомнила о кумире своей юности и, повинуясь сиюминутному, судьбоносному порыву, заглянула в гости к актеру в Литву. За четыре года общения с Донатасом юношеская влюбленность Ольги, пронесенная ею через всю жизнь, переросла в настоящее чувство, основанное на глубокой духовной связи. Но не все было гладко в отношениях двух людей, встретившихся так поздно…

- Ольга Юречко
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6

Ольга Юречко
Донатас Банионис. Волны Океана Соляриса

Я еще не знаю, что будет с нами. Допускаю, что все это плохо кончится. Но мне все равно. Ведь важно только то, что я говорю, а ты слышишь меня. Понимаешь?

Станислав Лем.
Возвращение со звезд

…Мне шестнадцать лет. Солнечный летний день. Смотрю в окно. Ветки дерева, растущего у дома, касаются окон. Золотистый свет солнечных переливов, мелькающий на листьях, завораживает. Все зыбко, неуловимо.

Скорее на улицу. Там цветы: желтые, белые, красные. Вдыхаю запахи лета.

– Пошли в кино, – приглашает подруга.

– Пошли.

В руке волшебный билет-пропуск в Большой зал кинотеатра. Зрители усаживаются. Гаснет свет. Тишина. Ты уже в другом мире. Главную роль в фантастической картине исполняет известный актер. Многое в фильме для меня непонятно, но не могу оторваться от экрана. Невозможно забыть глаза актера. Через много лет произойдет с ним Встреча. А МЕЖДУ ФИЛЬМОМ И ВСТРЕЧЕЙ ПОЧТИ СОРОК ЛЕТ. ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ.

Глава 1

…У меня взрослые дети, работа в школе преподавателем. Где те Париж, Венеция, остров Готланд, Паневежис, прославившийся спектаклями своего знаменитого театра? Только в мечтах. Писатель Александр Грин в своих произведениях воспел веру в осуществление Мечты, сказав, что Несбывшееся зовет к себе. Я верю – значит, все возможно: встречи и путешествия…

Люди путешествуют пешком, на автомобилях, самолетах, кораблях, парусных судах, а я благодарна другому творению рук человеческих – велосипеду. На нем я проехала Францию, Германию, Люксембург, Польшу, Литву, Швецию и Россию. Путешествия наполнили жизнь радостным ощущением открытия нового мира, но в какую-то минуту я осознала, что этот мир не так огромен, как я себе его представляла, и что для меня самые красивые на земле места те, где я родилась и выросла.

…Мой первый велосипед к поездкам на дальние расстояния был не приспособлен, и, чтобы добраться в город на работу из деревни, в которой я жила, приходилось тратить время и силы. Однажды кто-то из коллег посоветовал мне принять участие в международном велопробеге, отправив заявку его организаторам, и во время своего отпуска я присоединилась к его участникам. Правда, пришлось заменить старый велосипед скоростным. Осваивать его, стараясь не отставать от тех, кто годами занимался велотуризмом. Такие расстояния, подъемы и спуски преодолевать ранее не приходилось. Сжав зубы, я терпела. Мой дебют на этом поприще был оценен похвалой, и я поняла, что смогу больше, смогу проехать от Парижа до Москвы. Что у меня и получилось за пятьдесят три дня. *«Эх ты, бродяга,* – сказала я тогда своему велосипеду, ступив на брусчатку Красной площади, – *спасибо, что довез!»*

…Во время одного из велопробегов по Германии я неожиданно для себя приняла решение оставить группу, попутешествовать несколько дней самостоятельно, а потом на автобусе уехать в город, где жил Донатас Банионис. Сорок лет, прошедшие после встречи с ним на экране в *«Солярисе»,* были для меня временем осознанного притяжения к его творчеству. Жизнь проходит, вспоминаешь родителей, друзей, тех, кто тебе дорог, и почему-то фильмы, на которых мы выросли: *«Мертвый сезон», «Гойя», «Бегство мистера Мак-Кинли».* Он был не просто кумиром, кем-то большим для нас. Человеком, которому веришь и которого уважаешь за духовность и человечность в искусстве.

«Когда еще попаду в Европу и будет ли у меня виза на следующий год? – подумала я. – *Вдруг не успею. Все мы не вечны. Попытаюсь найти его».*

Как я решилась на такой поступок, и сейчас объяснить себе не могу.

…Добираюсь до Кельна. Переночевать можно и на железнодорожном вокзале. Никто не обратит на тебя внимания, люди приезжают и уезжают. Здесь, в многоликой и разноязычной толпе, воспринимаешь себя гражданином мира. На привокзальной площади возвышается над городом готический собор, напоминая о божественности мироздания, суетности жизни, ее мимолетности. Готика – лицо европейского христианского Средневековья, всеобщая сосредоточенность на Боге, устремленность к нему. При взгляде на такую архитектуру душа замирает. Ощущаешь силу этой веры, осознаешь четкость представлений людей о миропорядке и о смысле жизни, состоящем в сохранении самого ценного, что есть у человека, – его бессмертной души. Такая вот философия!

На вокзале – встреча с друзьями из группы велопробега. Они направляются в аэропорт, через пару часов рейс на Москву, у меня в планах завтрашний день потратить на велосипедную прогулку вдоль Рейна, побывать в Бонне. Прогулялись по вечернему городу. Пообщались с бывшими соотечественниками. Услышать русскую речь на чужой земле было неожиданно. Судьба благосклонна ко мне, с благодарностью принимаю приглашение, ночую у приютивших меня людей, а утром на велосипеде отправляюсь в Бонн, туда, где родился и провел свои юношеские годы Бетховен. Мои представления о том времени в каких-то картинках из прочитанного: старый провинциальный городок с узкими улочками и тесно прижатыми друг к другу домами, готические шпили соборов, снующие по улицам экипажи… ратушные часы с движущимися фигурками. Увиденное в чем-то совпало с воображаемым, когда я оказалась в центре Старого города: на Рыночной площади и на улице Боннгассе у Дома Бетховена.

К вечеру возвращаюсь в Кельн. Автобус на Вильнюс отправляется через двенадцать часов.

Полдня, ночь в пути, утром я в Вильнюсе.

Отыскать даже известного человека в чужом городе, не зная адреса, почти невозможно.

Поступила, понадеявшись на чудо. Поехала на велосипеде в направлении к центральному проспекту. Поплутала по улицам Старого города… и вдруг увидела актерское агентство.

«Случайность – язык бога, прислушайся и иди», – убеждаю я себя. Зашла в какую-то комнату. Спросила у молодого человека:

– Есть ли возможность встретиться с Донатасом Банионисом? Хотелось бы поблагодарить его за незабываемые фильмы.

– Он в очень преклонном возрасте. Примет ли?

Мое умоляющее выражение лица, по-видимому, вызвало у него желание помочь.

– Позвоню ему. Подождите.

Жду.

– Приезжайте к двум часам. Вот адрес.

– Большое спасибо.

Когда у меня в руках оказался листок бумаги с адресом, я почувствовала, что мой энтузиазм и силы иссякают… Но отступать было поздно. Я добралась до нужного дома, присела на камень во дворе и просидела на нем около часа, пытаясь успокоиться. Что я скажу? Банальные слова? А разве они банальны: БЛАГОДАРЮ, ВОСХИЩАЮСЬ, ПОМНЮ?

…С велосипедом поднимаюсь на площадку. Открывается дверь. Донатас Банионис! Пытаюсь уловить что-то знакомое во взгляде, вспоминая его героя Криса Кельвина. Приветливая улыбка. Доброжелательность. Испытываешь робость, волнение, разговаривая с ним. Потом все проходит. В первую минуту знакомства удивляешься голосу, ведь мы, зрители, соотносили его голос с голосом актера-дублера. Непривычно-незнакомый, чуть резкий, мгновенно изменяющий восприятие того человека, которого я столько раз видела на экране. Я в одной из комнат, похожей на кабинет. Присаживаюсь на диван. Перед глазами шкафы, заполненные книгами. На стенах комнаты – картины, фотографии… Стесняюсь рассматривать их. Привлекают внимание фотопортрет знаменитого режиссера и двойной портрет самого актера, нарисованный художником. Сколько же ему здесь лет? Предположительно пятьдесят. Кажется, мое волнение передается женщине рядом с ним. Слушаю его рассказ о съемках у Тарковского, рассказываю о своем путешествии… Двадцать минут общения, но могла ли я тогда подумать, что через год буду стоять на пороге его квартиры с тем же ощущением нереальности всего происходящего и какой-то предопределенности.

…Пора уходить. Подарила Донатасу красивую салфетку, поблагодарила за творчество, пожелала здоровья. В комнате и во дворе дома, рядом с огромной клумбой цветов гортензии фотографируемся на память, прощаюсь.

– Есть ли вам где переночевать? – спросил Донатас.

Что я могла сказать? На автобус опоздала. Где ночевать, не

знаю.

– Все нормально. Не беспокойтесь. До свидания.

«Или прощайте!» – подумала я.

Завернула за угол дома. Постояла у его стен. Ком подступил к горлу. В эту минуту я рассталась с мечтой, потому что она сбылась. Собравшись с силами, поехала в сторону вокзала и оказалась у православного монастыря. Когда-то, в давние времена, монахи давали приют странникам. Может быть, и мне повезет?

– У нас принимают только паломников. Почему вы не в гостинице?

– Негде оставить велосипед. Опоздала на автобус. Извините, может, я какую-то работу сделаю?

– Идите за этой женщиной, она покажет вам комнату.

Я закрепила на замок свой велосипед у дальней ограды монастыря, в комнате положила вещи у тумбочки, и мы с Иоанной отправились полоть клумбы. Потом почистили картошку в трапезной. Меня накормили ужином.

…Утром я уехала на автобусе домой, храня в памяти воспоминания, а в блокноте листок с адресом и открытку с автографом: «НА ПАМЯТЬ О ПРИЯТНОЙ, ХОТЯ И НЕОЖИДАННОЙ ВСТРЕЧЕ. ЖЕЛАЮ СЧАСТЬЯ».

…Для меня счастье – это мои дети и мое желание, чтобы они всегда были рядом. Я беспокойная родительница. Пока дети не выросли, не отпускала их от себя ни на шаг. Столько опасностей вокруг: лес, речка, озеро, чужие люди: *«Не садитесь в машину к незнакомцам, не уходите далеко от дома, не ныряйте на озере».* Не… не… не… Замучила нравоучениями. Им же, как и всем любознательным мальчишкам, хотелось свободы. Что это за детство без походов на речку, да и какими могут быть мальчишки, если не фантазерами и непоседами. Меня радовало то, что они росли добрыми и независтливыми, не жадными. Но учиться ленились. У Максима склонность к музыке, у Сережи к рисованию и пению. Старший сын дружил с бабушкой, младший – с дедом. Дед учил его петь старинные романсы, которые исполнялись вдохновенно и со знанием дела, и еще Сережка хорошо рисовал. Помню, какое потрясение я испытала, увидев его рисунок старого деревенского дома. Ощущение фактурности бревен, фотографическая точность изображения и в то же время какое-то недетское проникновение в суть изображаемого. Максимка поступил в музыкальную школу. В доме зазвучало пианино. Одно время я не верила в его способности. В музыкальной школе больших успехов не было, не бросил бы занятия. Но я ошибалась. Погруженная в материальные проблемы

семьи: накормить детей, одеть, обуть… многое не замечала. Глубокий интерес к литературе и, со временем, к музыке у Максима.

«С детства, сколько себя помню, я читал. Все, что было дома, приличная библиотека, или брал у друзей», – написал он в своем дневнике. Эти записи я нашла недавно, перебирая в доме его бумаги. Сережа спросил у меня:

– Мама, знаешь, с какой книгой Максим не расставался в последнее время?

– *«Мастер и Маргарита»?*

– *«Герой нашего времени».*

«Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился? А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные».

Почему Лермонтов?

Обостренное чувство восприятия мира.

Ранимость.

Разочарование в людях.

Внутреннее одиночество.

Пытливый ум.

«…И не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно».

Из дневника сына:

«Сажусь за пианино. Долго думаю, не решаясь положить руки на клавиши. Потом нажимаю на ля минор. Именно такое щемящее чувство будит во мне осень. И вот я уже не замечаю, как начинаю играть какую-то ненавязчивую грустную мелодию…»

Максим играет на пианино. Устраиваюсь в уголке комнаты. Слушаю. Как у него так получается выразить свое настроение, душевные переживания, что я чувствую это? Когда дети были совсем маленькими, укладывая их спать, я пела им песни или ставила пластинки с музыкальными сказками. Максим долго не засыпал. Одна сказка, другая… все не спит. Может быть, из тех времен эта эмоциональная отзывчивость в нем?

– Сыграй, пожалуйста, *«Над радугой».* Никак не запомню имя исполнителя песни.

– Камикавивооле.

– Я запишу.

– Мам, послушай вот это. Тебе понравится. Музыка стала частью нашей жизни. Я готовила мероприятия в школе, а Максим помогал мне, исполняя по памяти классику и произведения современных зарубежных композиторов. Первым таким

произведением, сыгранным им для аудитории, стал саундтрек к фильму *«Секретные материалы»*.

В одном из велопробегов по Европе участвовали и мы. В машине сопровождения везли электропианино, учитель музыки, Кристиан, вечерами играл на нем, и Максимка присоединялся к нему. В протестантской церкви немецкого городка Максима попросили исполнить на органе «*Аве, Мария»* Шуберта. Я очень волновалась тогда за него. Получится ли хорошо сыграть без нотного текста? Получилось. Люди благодарили его, и я чувствовала себя счастливой. Я гордилась им. После развода у меня появился комплекс вины за то, что дети остались без отца. Причина разрыва отношений – абсолютно разные интересы и жизненные установки. У него, как оказалось, сорок дорог, у меня одна – к детям. Раньше я не понимала этого. Заморочил мне голову выдуманными историями о своих благородных поступках, я и поверила. В реальности же благородство оказалось показухой. Какое-то время переживала – потом успокоилась. Со временем осознала, что и переживать-то было не за кого: ни отцовских чувств, ни ответственности за судьбу детей. Если быть справедливой, то надо бы выслушать и другую сторону. Нашлась бы и у него какая-то своя правда, как говорят в таких случаях. Дети всегда поддерживали меня в трудных ситуациях. *«Мама, в тебе столько энергии, ты сильная»,* – говорили они мне. Сильная? Но эта энергия разрушала меня.

И тогда я писала стихи. Выплескивая из себя то, что было внутри души, – грусть и нерастраченную нежность. О том, чтобы устроить личную жизнь, я и не думала. Найти свою вторую половинку такая редкость, а строить отношения ради игры не в моем характере. Я ПРОСТО ЖИЛА. Работа, дом, дом, работа, но проходило время, и память оживляла воспоминания: печаль, радость – все наше. Мы были неразделимы: Максим, Сережа и я. Смотрели фильмы, ходили в походы на археологические раскопки. Смотрели в телескоп на туманность Андромеды, лунные кратеры… встречали праздники и делали ремонт в квартире, радовались друг за друга, переживали, бывали и споры между нами, обиды. Один раз я ударила Сережу. За то, что сломал стул. А он посмотрел на меня таким растерянным, беззащитным взглядом, что я поняла: больше этого никогда не будет. Я опекала их до мелочей, тряслась над ними, вырастить детей в неполной семье не просто. Без всякой поддержки пришлось выживать на мою учительскую зарплату, какие-то дополнительные заработки репетиторством, контрольными работами для студентов. Два раза бывший муж передал через посторонних людей деньги. Я посоветовалась с детьми, и мы

решили купить новый телевизор. Больше никакой помощи от него мы не видели. Когда дети выросли и уехали в город – жизнь моя перевернулась. Я возвращалась с работы в пустой дом, и сердце сжималось от тоски по ним. Не могла привыкнуть к одиночеству в доме. Все не так. Беззвучие. Без музыки, без наших разговоров… Впрочем, нашлись силы, чтобы не впасть в уныние. Книги, фильмы… по вечерам отвлекали. Я сосредоточилась на книгах по искусству, в школе ввели новый предмет, мировую художественную культуру, и мне предложили его преподавание. Попала в свою стихию. Но не хватало знаний, да и специфика предмета – мышление в образах, познание действительности через настроение, переживания творческой личности, тайны его души, требовала ежедневного настроя, особого подхода к урокам: знать – понимать – ЧУВСТВОВАТЬ. Перевоплощения, как в театре, забываешь себя. После окончания школы у меня была попытка поступить в театральный институт во Владивостоке. Подготовила басню, отрывки из произведений Шекспира и Александра Грина… Провалилась на первом же туре. Оцепенение какое-то напало во время экзамена. Комиссия рассматривала меня, а я их, минут пять, чуть не убежала. Но собралась с силами и со слезами на глазах рассказала историю – басню несчастного слона-живописца… После этого провала ко мне подошла из приемной комиссии женщина и предложила помощь в подготовке к экзаменам на следующий год. Я запомнила ее имя – Лариса Дмитриевна Курбаткина. Через год от очередной попытки поступления я отказалась, не мое. Очень я стеснительная, скованная, лучше получу гуманитарное образование, а потом попробую поступить на киноведческий факультет. Но человек предполагает, а Бог… Появились заботы гораздо важнее того, что я для себя когда-то определила, – заботы о детях, и это было самое счастливое время в моей жизни.

Длинная короткая жизнь, в одну строчку вмещается прожитое: детство, учеба в институте, замужество, рождение детей, развод, уход из жизни родителей… Пережить это было нелегко. Мамы не стало, когда мне было тридцать семь лет, отца – сорок пять.

…Вернувшись домой, я напечатала фотографии с Донатасом. Всматривалась в снимки. Все у него в прошлом: работа в кино, в театре. Как жить без того, чему отдана жизнь? Вспомнила о листке с адресом. Хорошо, что я его сохранила. Снова какой-то необъяснимый порыв души: *«Напишу письмо. Поблагодарю еще раз за гостеприимство, пожелаю здоровья… Нет, письмо потом. Сначала завершу велопробег. Может, увижу что-нибудь*

интересное по дороге и расскажу ему об этом в письме».

…Переделав домашние дела и навестив детей, я стала готовиться к продолжению веломарафона. Привела в порядок велосипед, уложила в рюкзак теплые вещи, все-таки середина августа, и на электричке отправилась в город, куда вот-вот прибудет группа. Погода солнечная, и это важно, потому что придется ехать по бездорожью, через лес, и, если пройдет дождь, велосипед будешь тащить на себе. Этот вяземский лес после дождя! Ямы, заполненные водой, вязкий песок, двадцать один километр по ухабам и рытвинам с велосипедом в руках.

За неделю мы проехали восемьсот километров, благополучно завершив путешествие в городе, который был конечной точкой нашего пути.

МЕГАПОЛИС, СЛОВНО ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, ЗАДЫХАЛСЯ В СМОГЕ. Машины, шум, толпы людей, нагромождение стеклобетонных зданий-офисов, зданий торговых центров, возвышающихся над церквями и когда-то купеческими и дворянскими домами. Всюду реклама. На фасадах и крышах домов, в метро, вдоль дорог. Все на продажу. Купи, купи, купи… Вечером восприятие города меняется. Попадаешь в фантастический мир световой рекламы, подсветок небоскребов… светящихся потоков движущихся автомобилей. Экспрессия света. Красиво. Вспоминаются кадры из *«Соляриса»* Тарковского в Акасакамицукэ. Проходящая в тоннелях и пробках жизнь людей, сколько остается времени на то, чтобы жить вне дорог, электричек, тоннелей?.. Наверное, к этому можно привыкнуть, кому-то нравится яркий, динамичный облик современных городов, и, может, город покажется унылым и скучным, если убрать все это великолепие? Не знаю. А у меня тогда было ощущение дисгармонии, усталости. Захотелось поскорее вернуться домой, к природе.

…Письмо я наконец-то Донатасу отправила. Рассказала о поездке. О том, что увидела. Заброшенные деревни, храмы в маленьких городах, места съемок фильмов *«Иди и смотри», «Война и мир»* и тот монастырь под Звенигородом, возле которого когда-то снимались сцены прощания Криса Кельвина с отчим домом.

Звенигород! Звени-гора. Старинный русский город. Расположен в 45 километрах от Москвы. В одной из версий его названия рассказывается, что во времена лихолетья колокольным звоном он давал знать Москве о приближающейся опасности. В городе, его окрестностях сохранились памятники архитектуры: церкви, усадьбы. История этих мест связана с именами русских князей и царей, иноземных завоевателей, с именами Андрея

Рублева, Чехова, Танеева, Левитана, Любови Орловой. Столетие тому назад в Успенском соборе Звенигорода были обнаружены три иконы, приписываемые кисти Рублева: Спаса, Архангела Михаила и Апостола Павла. В последних кадрах фильма Тарковского «Андрей Рублев» появляется изображение этого Звенигородского Спаса. Образа не устрашающего людей Бога, милосердного и человечного. Недалеко от города, на возвышении, расположен Саввино-Сторожевский монастырь. В нем жил и работал Андрей Рублев. В соборе Рождества Пресвятой Богородицы частично сохранились фрески XV века художников рублевской школы и росписи XVII. Прикасаясь в полутьме к потускневшим от времени краскам, ощутила волнение – времена соприкоснулись. Как говорят исследователи творчества Рублева, биографические сведения о нем *исчерпываются немногочисленными данными.* Предполагают, что он учился в Византии, в Болгарии. И достоверно то, что был послушником у ученика Сергия Радонежского – Никона, был учеником иконописца Феофана Грека, работал во Владимире, в Троице-Сергиевой лавре, Москве. Старинные письменные источники называют Андрея Рублева *«смиренным иноком Андроникова монастыря»,* где-то там и место его захоронения.

Для меня самое гармоничное творение в мировой живописи – *«Троица»* Рублева. Икона создавалась во времена кровопролития, а от нее исходит свет доброты. Она наполнена солнечными красками жизни, светоносна. Размещенные по кругу фигуры ангелов выражают смирение и миролюбие. Сюжет религиозный, воспринимаешь же видимое как мирское, сравнивая с аналогичными по сюжету иконами того периода времени. Чувствуешь благодарность человеку, который сумел передать тебе свое светлое мироощущение, сумел выразить то, что волновало его современников, волнует людей сегодня и будет волновать в будущем, – желание мира и покоя.

Кто я таков? Что в мире зависит от меня? Способен ли любить, различать ложное и истинное? Как-то на вопрос: *«Что вы познали, прожив 83 года?»* Луис Бунюэль ответил, что он *отдал бы жизнь за человека, который ищет истину, и убил бы того, кто поверил бы, что он ее обрел.* Можно не согласиться в чем-то с этим утверждением, кто-то же верит, но изменится ли мир в лучшую сторону после обретения человеком истины, если другим она, бывает, и не нужна?

В философских словарях об истине говорится как о соответствии наших знаний действительности. В искусстве и в человеческом мире истина соотносится со стремлением человека к красоте, добру и совершенству. Вряд ли мы можем радоваться

истинности того, что Земля вращается вокруг своей оси или того, что мир состоит из противоположностей. Чему сорадуется человек, или, как сказано в Первом послании апостола Павла к коринфянам, сорадуется любовь? В фильме Андрея Тарковского *«Андрей Рублев»* произносится это послание.

«…Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так, что могу и горы переставлять, а не имею любви – то я ничто… Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине…»

В самые жестокие времена бывает, что и один в поле воин. *«Русские люди уверовали в свою силу, в свое окончательное освобождение. Вот эту веру, это приближение перемен выразил в своем творчестве Рублев. Он прозрел утро в самый темный час ночи»,* – писал Андрей Тарковский о Рублеве.

На Западе в домах католиков и протестантов можно увидеть русские иконы. В чем причина? Только ли в моде на русское?

…Ответное письмо от Донатаса я не ждала. Но оно пришло. Не сразу распечатала конверт. Положила на стол и долго на него смотрела. Потом открыла. В нем слова благодарности за письмо и фотографии и снова пожелание: *«Будьте счастливы!»*

И вы будьте счастливы!

…Начался учебный год. Традиционно в Международный день туризма меня попросили провести в школе мероприятие. Я рассказала о своих путешествиях: путь Наполеона от Парижа до Москвы, поля сражений Первой и Второй мировых войн, Лувр, остатки Берлинской стены, дом Коха в Шенгене, Старый город в Варшаве, руины Гольшанского замка в Западной Беларуси… Столько пройдено, увидено, и все это связано с историей и искусством.

В дороге всякое случается. И на эту тему можно было рассказать не одну историю. Под Варшавой у меня сломался велосипед. Пересесть в машину сопровождения я отказалась. Группа поехала дальше, а я с польскими друзьями на их машине отправилась в город. Купила новое колесо и вернулась на злополучное место поломки. Двадцать шесть километров проехала, радуясь тому, что мне своевременно помогли в этой ситуации. Если замахнулась на весь пробег от Парижа до Москвы, нужно пройти каждый сантиметр этого пути.

…Благодаря путешествиям свои уроки я наполнила образностью и теми эмоциями, которые так важны в преподавании художественной культуры. Что я могла пожелать

детям? *Любите жизнь! Замечайте красоту! Цените ее! Расширяйте свой кругозор! Дерзайте!*

…Постепенно жизнь входила в свою колею. После летних каникул, минимум неделю, ученики на уроках неусидчивы, рассеянны. Хочется сказать им: *«Ну ладно, уроков не будет. Идите гуляйте!»* И себя помню в таком возрасте. Порадуешься 1 сентября встрече с одноклассниками, а потом хандришь оттого, что лето прошло и нужно снова привыкать к школе.

Достаю из альбома фотографии. Всматриваюсь в прошлое. Детских фотографий в альбоме немного. В те времена у нас и фотоаппарата-то не было. В основном снимки постановочные, сделанные в фотоателье или фотоаппаратом, взятым у соседей. Если бы не эти фотографии, многое бы исчезло из памяти.

Максимке шесть лет. Сереже четыре. Летний день. Дети носятся по берегу озера. Забрались на пни от каких-то деревьев. Машут мне руками. Снимаю. Что они крикнули мне в то мгновение, я уже никогда не вспомню. Но этот снимок – момент запечатленной истины. Дети всегда больше, чем ты сам, дороже всего на свете, если им хорошо, ты счастлива вдвойне.

О своем детстве я вспоминаю. Оно прошло на Дальнем Востоке, в городе, расположенном в удивительном по красоте месте, среди лесистых сопок тайги, на берегах горной речки. Наша семья тогда жила в двухэтажном каменном угловом доме. С одной и с другой его сторон были улицы, рядом с домом железная дорога. Поезда мчались на восток, запад, по ночам будили гудками, и уснуть никак не получалось. Со временем к звуку гудков и стучащих колес вагонов привыкли, было в этом монотонном звучании что-то успокаивающее. Квартира, в которой мы жили, находилась на втором этаже, рядом с лестницей, ведущей на чердак. Чердачный люк не закрывался, и, поднимаясь на второй этаж к своей квартире, я часто с опаской посматривала на чернеющий квадрат чердачного проема. Подтянувшись к чердачному окну, можно было попасть на крышу дома.

Темнеет. Проверив все закутки этой таинственной территории и не обнаружив присутствия посторонних людей, я легко забираюсь на крышу. Запрокинув голову, смотрю в небо. Нахожу созвездия Большой и Малой Медведицы и самые яркие звезды летних созвездий – Альтаир, Бегу, Денеб… Звездная красота притягивает к себе, возникает чувство беспокойства и одиночества, желание понять, что же там происходит в Космосе, для чего существуют звезды.

Еще и еще фотографии: люди, события… встреча с человеком, изменившим когда-то мой внутренний мир. И пусть в шестнадцать лет я не осознавала этого, *«Солярис»* расширил

границы моего познания. Память высвечивает воспоминания у дома Донатаса, запечатленные в этих словах. *«Сижу у дома час, а может, более на камне, во дворе. Молчат подъезды, двери на затворе, и чей-то виден силуэт в окне. Что я скажу? Слова лишь корка мыслей, под ней, внутри, вселенная и грусть. Тот Океан, что называют жизнью, который переплыть одна боюсь…»*

Придумала себе, жизнь – океан. Так, образное сравнение. Что бояться? Все равно нужно плыть. Кому-то в одиночку. А хочется разделить свои радости с людьми, получить поддержку в случае неудачи и просто знать, что рядом с тобой есть человек, который тебя понимает.

…Приближался самый удивительный праздник. Запах елки, мандаринов, блестящие елочные игрушки, иллюминация улиц напоминают о счастливых в детстве мгновениях ожидания сказки. Нужно поздравить детей, купить подарки. Подумала, может быть, поздравить и Донатаса? Ведь на добрые слова люди не обижаются. Покупаю коробку конфет, открытки, два шарфа для него и для женщины, о которой я помнила с той встречи с Донатасом. Я не сомневалась в том, что она рядом с ним. Аккуратно все это упаковываю, подписываю адрес и отправляю в путешествие в другую страну: *«С Новым годом! Здоровья, бодрости, чудесного праздника, всего вам самого доброго!»*

…Поздравительную открытку с Рождеством и второе письмо Донатаса я храню в альбоме с фотографиями. Столько в нем для меня важного: благодарность за подарки, желание связаться по телефону: *«…У нас праздники, заботы, голова все время занята очень неотложными делами… Так, вообще, у меня ничего нового. Живу, пока здоровье нормальное. Может, Господь Бог еще даст возможность с вами встретиться? Мне трудно писать по-русски. Лучше поговорить по телефону. А пока напишите, как вы живете, что делается, какие планы?..»*

Я ничего не понимаю. Как такое может быть? Пишу в ответ: БЕРЕГИТЕ СЕБЯ, МОЙ НОМЕР ТЕЛЕФОНА…

Одержимость ожиданием звонка… Телефон молчит. Проходит время, и начинаешь беспокоиться. Мое письмо не дошло или что-то случилось? Да нет же. Если б что случилось – тут же бы объявили в новостях. Делать ему нечего, как только звонить какой-то поклоннице. Я ведь, несмотря на его ответ, и не верила в возможность общения с ним. Слишком это невероятно.

…Услышав голос с акцентом, я чуть не уронила трубку телефона. Звонил Донатас. Разговор был не долгий и не короткий. Он шутил, я что-то рассказала о своей работе, поинтересовалась его здоровьем.

– Пока не жалуюсь. Приезжайте погостить на неделю. Я один. У меня и комната есть для гостей.

Мы договорились, что созвонимся. И я пообещала приехать. Если бы кто-нибудь в тот момент увидел меня, скорее всего, подумал бы, что с головой-то у меня не в порядке. Я носилась по всей квартире и прыгала от радости. Жив, здоров! НЕ ЗАБЫЛ. Успокоившись, присела на диван, и до меня наконец-то дошло, от кого был звонок и что тут понять что-либо совершенно невозможно. Не очень-то я важная особа. Я бы тут же, не раздумывая, поехала к нему, но не было визы.

…В Вильнюсе, в советские времена, я побывала дважды. Это было время моего студенчества, учебы в Минске. Камерный, уютный город с историческими памятниками, церквями, костелами. Такая духовность чувствуется в нем. В памяти остались воспоминания о костелах Святой Анны, Петра и Павла, о Королевской башне на Замковой горе, о маленькой часовне над Воротами Зари. Странным образом однажды эти воспоминания, оставшиеся в глубинах подсознания, преобразились в сон. Я искала ту часовню, блуждая по улицам города. Поднималась на холмы, спускалась с них. Проснулась. Всего лишь сон.

…История развивалась по своим законам, и *«парад суверенитетов»* завершил процесс размежевания наций, образования независимых государств. Я оказалась в другом государстве, не отрекаясь от прошлого и от всего того, что называется твоими корнями. Это корни земли и неба. Земля-родина дает силы, наполняет энергией, небо одухотворяет. В молодости я прикоснулась к небу. Совершила семнадцать прыжков на парашюте. Кого-то эта цифра не очень-то впечатлит, но для меня каждый из этих прыжков был преодолением страха высоты, мгновением, приближающим к звездам. Названия созвездий и самых ярких звезд неба я узнала, когда мне было, кажется, лет четырнадцать. Узнала из учебника по астрономии. Я нашла его в школе, в макулатуре. Читала, пропуская информацию, связанную с математическими расчетами. Галактики-туманности, Млечный Путь, планеты, Солнце, кометы и астероиды… метеориты… Со временем стала различать узоры созвездий, изучая карту звездного неба. Потом я подарила ее одному астроному-любителю. Жаль было отдавать, но ему она была нужнее. Конечно, путешествие по звездному небу – необязательное занятие, и без этих знаний можно жить, а… остановиться трудно – интересно. *«…Наша звездная система движется по направлению к созвездию Лиры и Геркулеса со скоростью 20 км/с.*

…По отношению к другим звездам… туманность Андромеды –

одна из ближайших к нам галактик… свет ее достигает нас почти через миллион лет». Эта информация из того самого учебника астрономии, который я сберегла. И сегодня могу открыть его, прочитать то, что читала очень давно, в другой жизни. В новом же учебнике данные о расстоянии до туманности Андромеды уже другие: *«Мы знаем теперь, что расстояние до нее 2 млн световых лет».*

…Гаснет ночью свет в окнах домов, и ты выходишь из дома на улицу, смотришь в небо. Звезды поглощают, гипнотизируют, втягивают в водоворот мыслей, возникающих как бы ниоткуда. Мыслей, от которых становится тревожно. Потому что эти миллиарды горящих в холодном пространстве звезд *«переживут»* тебя. И не это страшно, а то, что *«переживут»* всех, кого ты любишь. *«Мы распяты на циферблате часов»,* – сказал Ежи Лец. Могу лишь догадываться, под влиянием какого настроения он так образно выразил свое понимание Преходящего.

…Если взглянуть на меня со стороны, то, наверное, можно сказать: *«Белая ворона».* По утрам и вечерам бегаю на какие-то зарядки, на работу на велосипеде мотаюсь в город, не расставаясь с велосипедом до появления сильных морозов, да еще по Европе летом путешествую.

– Съездила бы в санаторий. Нашла бы себе кого-нибудь и жила как все, – намекали окружающие.

– Что я там буду делать? Флиртовать не умею и не хочу. Скучно.

– А не скучно годами одной быть? – Я привыкла.

– Ну и зря. Жизнь проходит.

– Почему зря? У каждого свои интересы. Мне нравится путешествовать.

Без путешествий я уже не представляла своих отпусков. Впечатлений хватало надолго. Встречи с друзьями, страны, дороги… и все же всегда хотелось вернуться домой в привычный и понятный мир, где все для тебя дорого.

Финансовый вопрос тоже, по-видимому, не давал покоя наблюдателям чужой жизни.

– Откуда деньги на поездки?

– Приходите в гости и увидите, как живу. В квартире скромная обстановка, а вся моя одежда помещается в спортивную сумку. Думаю, понятно.

Для себя я решила: *«К чему мне покупать вещи, без которых можно прожить, а потом сидеть среди этих вещей и думать о том, что ничего в жизни так и не увидела».*

Глава 2

…Учебный год завершен. Я ухожу в отпуск. Из Германии пришло приглашение на велопробег, и я получила визу. Виза была бесплатная, и просто воспользоваться ею, чтобы попасть в Европу в обход велопробега, я не рискнула. На следующий год приглашение могли и не выслать. Огорчило то, что срок визы сократили с месяца до трех недель и открыли ее числом за три дня до начала велопробега.

…В сервисе я отремонтировала свой велосипед. Прополола у дома огород, а за котом Нео попросила присмотреть соседку. Оставила ей деньги для него на питание, продукты. Позвонила детям: *«Уезжаю на три недели. Буду скучать».* Стало грустно. Без Максима и Сережи – все радости наполовину.

Возвращаюсь мыслями в прошлое. Мы вместе. В Париже. На самой высокой точке города, у собора Сакре-Кёр. Париж как на ладони. Видны его архитектурные доминанты: башни – Эйфелева и Монпарнас, небоскребы Дефанс… Изумление! Город отсюда просматривается на десятки километров. Сердце Парижа – остров Сите. По форме он напоминает кораблик. Кораблик изображен и в гербе города. Музеи, театры, площади, парки, соборы, элитные, студенческие, китайские, арабские… кварталы, у каждого из двадцати округов Парижа свои характеристики-достопримечательности, а мне захотелось тогда увидеть места, знакомые по фильмам, побывать, например, там, где снимались *«Амели», «Любовники с моста Неф», «Ангел А», «Полночь в Париже»*…

Для меня Париж – это голос Эдит Пиаф и музыка Франсиса Лея. Красота, талант Алена Делона и Катрин Денёв. Впечатлительность Клода Моне, отчаяние Ван Гога, боль Камиллы Клодель. А еще… рыцарство и романтизм Антуана де Сент-Экзюпери, юмор Пьера Ришара, несбывшиеся мечты Жерара Филипа, дух CINEMA бульвара Капуцинок… Что там происходило, на этом бульваре, 28 декабря 1895 года, в доме номер 14, в индийском салоне Гран-кафе? Тридцать пять посетителей кафе, сами того не зная, засвидетельствовали рождение кинематографа. Огюст и Луи Люмьеры продемонстрировали им десять фильмов, длившиеся тридцать – пятьдесят секунд каждый. Первым показали *«Площадь Белькур в Лионе»,* хотя, обычно называют *«Прибытие поезда на станцию Ла-Сьота»* или *«Выход рабочих с фабрики Люмьер».* Как отметил французский кинокритик Жорж Садуль, фильмы *«Прибытие поезда»* и *«Политый поливальщик» «…наметили пути дальнейшего*

развития кино». Началась эра кинематографа, и совсем неплохо, что я ее застала. Но если придерживаться правды, то первый коммерческий киносеанс прошел в Берлине 1 ноября 1895 года. Так пишут в книгах о кино. А бульвар Капуцинок увековечили на своих полотнах Клод Моне, Антуан Бланшар и Константин Коровин, также работавший в импрессионистической манере. В тот вечер, когда я стояла на этом историческом месте, у Гранд-кафе, Париж казался мне особенно романтичным и праздничным. Многое вспоминается, но, чтобы рассказать обо всем увиденном, конечно же одной этой страницы недостаточно. Все же добавлю к сказанному еще немного информации. У фонтана Невинных вспомнился роман Патрика Зюскинда *«Парфюмер. История одного убийцы».* Действие романа происходит в Париже в XVIII веке. Писатель описывает Париж таким, каким он был в то время: грязным, зловонным. *«Чрево Парижа»,* Гревская площадь, кладбище Невинных, Королевский мост, улица Маре – вот неполный перечень мест, где жил и убивал парфюмер Жан-Батист Гренуй.

Антигерой погибает в мучениях. Погибает заслуженно. Ведь на его совести двадцать шесть жертв. *«К черту мир и духи!»* Интересно, что Том Тыквер, режиссер фильма *«Парфюмер»,* снимал картину не в Париже, а в Испании: в Барселоне, Жероне и Фигерос. Там нашлась подходящая натура для воспроизведения атмосферы того времени. Прогуливаясь по Дефанс, неожиданно наткнулись на *«шедевр»* современного искусства в стиле *«новый реализм».* Описать такое сооружение не трудно. Это выполненный из металла, установленный на низком постаменте большой палец руки. Кто автор? Жан Ланкри. Я же полагала, что французский скульптор Сезар Бальдаччини. Престижная кинонаграда *«Сезар»* названа его именем. *Первый «Сезар»* вручал Жан Габен, а единственный *«Сезар сезаров»* в истории награждения получила картина Роббера Энрико *«Старое ружье».* Нарушив принцип *«не тратить время на шопинги»,* не удержались и посетили в Дефанс один из крупнейших торговых центров Европы *«Времена года».* Не скажу, что это было неинтересно. Получилась своего рода экскурсия на тему *«Мир товаров и мода»* с незначительными покупками для себя и друзей. Последний марш-бросок в тот день, на велосипедах, совершили к статуе Свободы. Она находится у оконечности Лебединого острова, на западе Парижа, и если отсюда ехать вдоль Сены в восточном направлении, то встреча с Эйфелевой башней, Лувром, Нотр-Дам-де-Пари неизбежна. Чуть в стороне от реки, на правом ее берегу, на улице Риволи, находится один из крупнейших художественных музеев мира – Лувр, и все дороги в Лувре ведут к Ней. Рядом с *«Джокондой»* всегда много

людей, погруженных в себя, просветленных или находящихся в какой-то растерянности. *«Она все знает о нас, а мы о ней ничего. И как теперь уйти от нее?»* — сказал Сережа. Так и уходили, оглядываясь.

Ночное возвращение в кемпинг, в район Нейли-сюр-Марна, не обошлось без приключения – заблудились. Помог случайный прохожий. Как оказалось, земляк. Бывает же такое! Торопимся. Нужно выспаться. Завтра, вернее сегодня, продолжение путешествия по Парижу.

– Мам, тебя не догнать! – кричит мне вслед Максим.

– Догоняйте!

Для меня эти дни превратились в праздник. Рядом были мои сыновья. Мы дарили друг другу мысли, впечатления, понимая, что Париж стал частью нас самих.

…Присяду на дорогу. Вроде бы ничего не забыла. Еще раз проверю паспорт, страховку.

ЭТА ПОЕЗДКА ДАЛА МНЕ ВОЗМОЖНОСТЬ УВИДЕТЬ ДОНАТАСА. Мы созвонились, и он знал, что через день я приеду. Телефонные разговоры сближали нас. Привыкаешь к голосу, радуешься общению. Я думала о Донатасе, ждала его звонков. Смотрела по вечерам его фильмы, пытаясь за экранными образами угадать реального человека, которого могла слышать и слушать, и не знала, как ответить себе на вопрос, почему такое происходит в моей жизни.

…Пересекая границу, рассуждаешь о странностях мироустройства. Та же природа, погода, то же небо и на той, и на этой стороне, и птицы свободно летают туда-сюда. У тебя же досмотр вещей, паспортные процедуры. Постепенно начинаешь улавливать различия, по которым можешь осознать, что ты уже не в своей стране: меняется ландшафт поселений, на дорожных указателях надписи на чужом языке. В поезде – все те же переживания: как войду в его квартиру, что буду говорить. Смущало синее пятно под глазом. Подумает – хулиганка какая-то. Напугаю человека. Причина же появления синяка – просто-напросто моя неловкость. Укладывая разобранный велосипед на полку, резко развернула его, ударила себя нечаянно по лицу велосипедным замком, который был прикреплен к велосипеду, и через несколько часов обнаружила последствия удара. Ничего не исправить, загримировать синяк нечем, придется с этим смириться. *«Ладно. Как есть,* – пробормотала я тогда, чуть не плача. – *Что за невезение».*

…Все поезда доезжают до места назначения, и люди тоже. Я собрала на платформе свой велосипед, надела рюкзак и поехала к

Донатасу в полной уверенности, что мне *«конец»*. С такими подозрительными личностями, как я, он долго разговаривать не будет. А впрочем, расскажу ему, если спросит, откуда у меня такое украшение.

…По телефону Донатас объяснил мне, какие набрать цифры кода, и я вошла в подъезд. Постояла какое-то время у лестницы, вспоминая, как когда-то поднималась по ней к его квартире, и решительно проделала то же самое. Палец руки, который я нацелила на кнопку звонка, почему-то не хотел прикасаться к этой кнопке. *«Хватит трусить»,* – сказала я себе и нажала на кнопку. Донатас открыл дверь, мы поздоровались, и он пригласил меня войти. Я собиралась приковать велосипед к лестнице в подъезде, но он разрешил поставить его в прихожей. Рюкзак я не выпускала из рук. В нем были подарки, и мы пошли на кухню. После телефонных разговоров с Донатасом Я ВООБРАЗИЛА СЕБЕ, ЧТО МЫ УЖЕ ДРУЗЬЯ, но от строгого выражения его лица потеряла дар речи и чуть не уронила чашку, которую доставала из рюкзака. Пока он молча меня рассматривал, я выкладывала подарки на стол. Потом взглянула на него. Совсем не тот доброжелательный человек, которого я видела год назад и с которым общалась по телефону. Недоверчивый и жесткий. Печаль во взгляде. Я предложила ему свои услуги в приготовлении ужина, но в холодильнике мало что нашлось для этого, а из того, что привезла я, – одни сладости. Он сходил куда-то за картошкой, я сварила суп, мы и поужинали этим супом. Поговорили как бы ни о чем. *«Спать будете в этой комнате»,* – сказал Донатас и показал, куда мне пройти. Пожелал спокойной ночи и ушел. Я так устала от впечатлений, что перестала контролировать свои мысли, переоделась и легла спать. В окно спальни проникал свет от уличных фонарей, и в полутьме можно было рассмотреть картины на стенах, шкаф с книгами, вазы на подоконнике. Долго рассматривала одну из картин, предполагая, что на ней изображены Принцесса и Акробат… Позже Донатас рассказал мне, откуда у него эта картина. Ее подарил ему в Ташкенте художник Бахтияр Рамазанов. Картина была огромных размеров, в руках не унесешь, и ее доставили прямо к поезду. Я старалась уснуть, но не получалось. *«Ну что ж, если сразу не выгонит, схожу в магазин за продуктами. Что-нибудь ему приготовлю. Если разрешит,* – подумала я. – *И про мое украшение даже не спросил. Деликатный человек. Мало ли что в жизни бывает… Такая грусть в глазах?»*

ОДИНОЧЕСТВО – ненужность самому себе. Бездна, в которую заглядываешь время от времени, в надежде в ее глубинах увидеть свет. Почти неощутимое существование. Омертвение души. Что

можно чувствовать, когда тебе столько лет, что каждый день на земле может стать последним? Приближение к Неведомому? Но если рядом с тобой человек более светлого мироощущения, жизнь поменяется в светлую сторону. Неведомое исчезнет, пусть хотя бы и на какой-то миг.

…Всегда просыпаюсь в шесть утра. Годами приходилось подниматься в это время, потому что нужно было сделать зарядку, собраться на работу. Биологические часы моего организма настроены на привычные для меня минуты пробуждения, и перестроить их на другой жизненный ритм тяжело. В лучах восходящего солнца комната преобразилась. Картины, книги на полках, вещи как будто *«проснулись»* вместе со мной. Мысль о том, что я нахожусь у Донатаса, захватила каждую клеточку мозга. И понимание-переживание этого состояния казалось невероятнее всего того, с чем я сталкивалась в жизни. Так не бывает.

– Знаете, через два дня начинается велопробег, и завтра я должна быть на месте. Я сегодня уеду. Визу открыли на неделю позже того числа, что я указала в документах. Сократили ее сроки. Я бы раньше приехала.

– А сколько дней тебя не будет?

Не будет? Значит, я могу вернуться?

– Десять.

– Жаль. Сможем ли мы созваниваться?

– Конечно. Сразу, как приеду, куплю новую сим-карту в этой стране и позвоню. Я схожу в магазин?

Возражений не было. Я переделала все дела. Потом мы прогулялись по улице. Мои волнения куда-то исчезли. И не надо было искать какие-то слова в разговоре. Находились сами.

Нужно прощаться. Время стремительно *«побежало»*. Я почувствовала это. Сердце заболело. Не физической болью, а какой-то ноющей тоской. Не хотелось уезжать. Но виза, которую мне открыли для участия в велопробеге, обязывала.

– Я обязательно позвоню.

Пребывание в автобусе почти без движения сказалось на моем состоянии: утомленность, отечность на ногах. Когда приехали на автовокзал и я вышла из автобуса на свежий воздух, сразу стало легче. Правда, мне еще километров тридцать на велосипеде предстояло преодолеть по городу до места ночлега группы. Для бодрости я выпила в кафе кофе и где с помощью карты, где с помощью подсказок людей добралась туда. Люди доброжелательные, о чем ни спросишь – ответят, попытаются помочь. Одна женщина подарила мне городскую карту, а молодой

человек на мотоцикле проводил до района города, откуда было удобнее ехать, не блуждая по каким-то улицам и закоулкам. Минут пятнадцать я следовала за его мотоциклом. Везет же мне на встречи с неравнодушными людьми.

…Прошел год, а будто и не расставалась с друзьями. Вечером мы обсудили план поездки, рассказали друг другу о переменах в жизни. В нашем коллективе были люди из разных стран, и общались мы кто как мог. Жестами, набором слов из разных языков: из немецкого, русского, английского. Некоторые из нас неплохо владели языками. Я предпочитала английский в общении. Потому что изучала его в институте и кое-что помнила. Кроме языковых барьеров существовали и другие. Кто-то кому-то симпатизировал, кто-то нет. Как в любом обществе. Но большинство из нас искало не причины для разногласий, а то общечеловеческое, что всех сближало: этот велопробег был частью всемирного антивоенного движения, пропагандировал идею разоружения, защиты окружающей среды и объединял людей, близких по духу. *«Так как существует связь между истощением запасов энергоносителей и возрастающей опасностью войны, только с возобновляемыми источниками энергии мы можем надеяться на мирное будущее».* С таким заявлением выступил перед представителями энергетических концернов лауреат альтернативной Нобелевской премии, депутат бундестага Герман Шеер. Он стал куратором нашего пятого велопробега за мир *«Париж – Москва-2010»,* и это можно расценивать как поддержку движения. *«Мир и любовь для всех людей на Земле… День без улыбки – потерянный день».* Эти слова написал мне и моим детям на память один человек. Его зовут Франк. Он стоял у истоков велопробегов, был человеком большой души: добрым, отзывчивым. Франк и еще два энтузиаста Конни и Фолькер, из западногерманских городков Кайзерслаутерна и Саарбрюккена, организовали первый велопробег от Парижа до Москвы, который прошел через шесть стран Европы. Договорившись с координаторами движения в этих странах о пунктах размещения участников, они обратились через Интернет с предложением принять участие в нем всем желающим, на условиях, изложенных в их программе. Люди откликнулись. *«День без улыбки – потерянный день».* Оказывается, это слова Чаплина. Что еще можно добавить к ним? То, что известно всем: когда люди счастливы, они не могут не улыбаться.

Я купила сим-карту и позвонила Донатасу. Он записал мой новый номер телефона и стал мне звонить. Я ему тоже. Много не поговоришь. Дорого. Но я радовалась каждому его звонку.

Иногда, во время езды на велосипеде, на ходу разговаривала с ним, иногда останавливалась, чтобы поговорить:

– Я сегодня Эльбу переплыла. Течение было сильное и расстояние немалое. Но справилась.

– Зачем ты переплывала? – удивленно спросил он.

– Не хотела от молодежи отставать… Побывала в Потсдаме в Музее кино. Есть фотографии. И открытку вам… тебе… отправила из Берлина.

– Когда ты приедешь?

– Через пять дней.

– Я вечером позвоню.

– Буду ждать.

«Дорогой Донатас! Надеюсь, эта открытка придет раньше, чем я приеду. У меня все нормально. Жизнь – интересная штука, постоянно познаешь мир и себя. Важно оставаться самим собой. Скучаю по тебе».

Тоже мне открыла Америку. *Жизнь интересная штука, важно оставаться самим собой…* но так написала.

…Впервые, завершив велопробег, я была на таком подъеме чувств, что друзья на меня смотрели вопрошающе-удивленно. За время поездки привыкаешь к людям, грустишь оттого, что тебе их будет не хватать. Я уже не грустила, расставаясь с ними. Кто-то уезжал домой, кто-то принял решение продолжить путешествие, а у меня мысли о детях, о Донатасе. Я нашла супермаркет и купила подарки. Распределила все по пакетам. Позвонила Донатасу:

– Через семнадцать часов приеду. Я уже на вокзале.

– Ой, какая радость, жду!

На вокзал меня провожал соратник по велопробегам. Туда мы доехали на его машине, пристроив мой велосипед в багажник автомобиля. С Михаэлем я познакомилась четыре года назад, в путешествии. Просто общались. Ничего личного. Общий интерес к путешествиям. Он объездил на велосипеде, без преувеличения можно сказать, полмира и в этом вопросе был для меня авторитетом. Изредка от него из-за границы приходили посылки с запасными частями к велосипеду, письма. Как-то прислал мне письмо, в котором предложил попутешествовать несколько недель по Германии с его знакомой велосипедисткой. Но я отказалась из-за нехватки тогда времени и финансов. Мы были с ним одного возраста, из одного прошлого, эпохи существования Стены, разделившей его страну и мир на две непримиримых стороны. Стены, ставшей символом беспомощности двух систем, не способных преодолеть разногласия. Стена-граница между мирами рухнула. Ее нет. А мир не изменился. Все те же

противоречия, конфликты… новые стены между людьми и странами. И кто за этим стоит? Какие кукловоды?

…Время в пути летело незаметно. Всматриваясь в мелькающие за окном автобуса города, я думала о непредсказуемости жизни. Еще пять лет тому назад я и не помышляла ни о каких путешествиях, встречах. Жила и жила себе потихоньку. Но в сознании, вернее, в подсознании, каким-то беспокойством напоминало о себе Несбывшееся. Жизнь проходит. Ищешь какие-то ее смыслы в высоких материях и вдруг, в один прекрасный день, начинаешь понимать, что самое главное не в заоблачных далях, а здесь, на земле, рядом с теми, кого любишь ты и кто любит тебя.

Путь от автовокзала к дому Донатаса я уже помнила. По длинной-длинной улице, к главному проспекту, потом к мосту, а там за небоскребами и его дом. Ощущение неуютной неизвестности в городе как-то незаметно у меня исчезло. Я мчалась на велосипеде к этому дому, как на крыльях летела.

– Ну наконец-то! Как ты добралась?

– Нормально. И поездка была интересная. Расскажу потом.

Я положила в комнату спальный мешок, достала из рюкзака подарки. Одна из рубашек, которые я купила Донатасу, оказалась ему не по размеру. Отложила ее в сторону. Подарю кому-нибудь.

– Хорошо бы пообедать, – предложил он. – Посмотри, что там есть в холодильнике.

На этот раз холодильник был заполнен продуктами. Мы устроили маленький пир и даже отметили мой приезд. У Донатаса в шкафах на кухне было много бутылок с вином, шампанским, коньяком. И такие подарки оставляли у него поклонники! Он не употреблял алкоголь, вот они и стояли нетронутые. Я тоже не испытывала интереса к такому питью, не переносила даже его запаха. Поэтому выбрала маленькую сувенирную бутылочку. *«На съемочной площадке приходилось курить, но прошло тридцать лет, как бросил. Не вошло в привычку. Не было тяги и к алкоголю. Разве что, чуть-чуть мог пригубить по поводу какого-либо торжества».* Донатас рассказал о единственном в его актерской жизни случае на эту тему:

– Напротив театра через дорогу находился пивоваренный завод. Как-то хорошенько, из уважения угостили пивом и еще чуть покрепче напитком. Забыл текст роли. Партнеру пришлось выручать во время спектакля. Проявил находчивость. Так подавал реплики, что мне достаточно было подтвердить или опровергнуть их: угу, да, да, нет. Режиссер сидел мрачный. Я сгорал от стыда.

– У меня есть фотоснимки о моем путешествии по Германии. Хочешь посмотреть?

Донатаса заинтересовали некоторые снимки: Бабельсберга – района Потсдама с киностудией и моста Глинике…

– В Бабельсберге я снимался… на ДЕФА… На этом мосту Конона Молодого обменяли на английского разведчика.

Донатас принес фотографию – совместный снимок его с Кононом Молодым, прототипом Ладейникова в *«Мертвом сезоне»*.

– Конон Молодый скорее консультировал, как не надо играть Ладейникова. Сцену обмена снимали в Подмосковье.

– А где в Подмосковье?

– На Ленинградском шоссе.

Вечер мы просидели на диване, рассматривая его семейные фотографии с женой, детьми, внуками, снимки встреч со зрителями, коллегами, друзьями, съемок в кино… Многие снимки были для меня узнаваемы. Я их видела в журналах, в книгах, посвященных его творчеству. Фотографии, фотографии… разные состояния его души: задумчивый, ироничный, веселый… Вспоминаю слова, которые Донатас с грустью сказал, всматриваясь в снимок семидесятилетней давности, запечатлевший его с теми, с кем он начинал работу в театре:

– На этой фотографии мы во дворе актерского общежития. Из моего поколения нашего театра остались я и Шулгайте. ВСЕ УШЛИ.

Я спросила:

– А кто на фотографии?

– Мильтинис… Космаускас… Виткус… Бледис… Дульските… Кончюте.

Фамилии я позже записала. Чтобы помнить. Кроме одной – Мильтинис. Ее я знала. Фотографии, связанные с *«Солярисом»,* у Донатаса хранились в отдельном альбоме: моменты репетиций актеров, кадры из фильма, фотографии его встречи с Натальей Бондарчук в Вильнюсе. На одной из них надпись: *«…27 сентября 2009 года… 37 лет спустя»*.

– Большинство фотографий – подарок Наташи, – пояснил Донатас.

Снимок мая 1972 года. Каннский кинофестиваль. Счастливые лица Натальи Бондарчук, Андрея Тарковского, Донатаса.

– На фестиваль я мог и не попасть. Директор театра не отпускал. Я объяснил Андрею причину, и он помог. Звонок из Москвы в театр все решил. Но на церемонии награждения картины не был.

– Почему?

– Директор отпустил в Канны на несколько дней. Не очень-то мои разъезды приветствовались.

– А что тогда в театре ставилось?

– Посмотри в списке ролей.

Я принесла два списка ролей Донатаса – в театре и в кино. Интересно было узнать, что в том году он снялся еще в двух фильмах, в театре играл в спектакле *«Мария»,* репетировал в *«Пляске смерти»* роль Эдгара.

«Солярис» получил *«Серебряную пальмовую ветвь»,* вторую по значимости награду Канн. *«Золотую пальмовою ветвь»* разделили фильмы *«Рабочий класс идет в рай»* Элио Петри и *«Дело Матеи»* Франческо Рози, относящиеся к направлению политического кино.

– Ты пересматриваешь *«Солярис»!*

– Нет. В кино ничего не исправишь. Снято, и все.

– Ты не представляешь, что вы подарили людям своим фильмом. Веру в любовь.

Донатас подошел к тумбочке, взял фотоаппарат:

– Давай сфотографируемся!

– Вместе? А как? Где?

Решили сделать снимок на балконе. У Донатаса, оказывается, был фотоштатив, на который он и установил фотоаппарат. Выбрав режим съемки, быстро присоединился ко мне. Вспышка. Мгновение нашего пребывания в этом мире запечатлено. Что-то со временем забудется, А К ЭТОМУ ФОТОСНИМКУ Я БУДУ ВОЗВРАЩАТЬСЯ И В ГРУСТИ, И В РАДОСТИ. Донатас стоит вполоборота, смотрит в объектив, я рядом…

У меня оставалось девять дней визы, и я сказала Донатасу об этом.

– Чем будешь заниматься? – спросил он.

– Помою окна, выполню твои поручения, на прогулки сходим с тобой.

– Ты потом сможешь приехать? – Без визы не смогу.

– Люди хотят быть вместе, и кто им это может запретить? – ворчливым тоном произнес он свою речь.

НЕОБЪЯСНИМО. ОТНОШЕНИЯ СКЛАДЫВАЛИСЬ САМИ СОБОЙ. Я и представить себе не могла, что увижу Донатаса. Так получилось. Наверное, благодаря моему неугомонному характеру, стечению обстоятельств и провидению. Если бы не велопутешествия по Европе, открывшие для меня границы, я не попала бы в Вильнюс, если бы не запечатленный памятью образ Криса Кельвина, не решилась бы побеспокоить Донатаса. Если бы…

Помню, как на мои причитания *а если бы…* Донатас сердито ответил: *«Есть реальность, нужно исходить из нее. Об остальном и говорить нечего».*

Я не переставала удивляться случившемуся, благодарить

судьбу за встречу.

…На мытье окон на двух балконах его квартиры у меня ушло часа два. Балконы были заставлены пластиковыми ящиками с землей, и я решила съездить на рынок купить цветы. Посадила их в ящики для цветов. Потом приготовила обед. Донатас радуется, что я занимаюсь такими делами. Ведь это внимание к его жизни. Пытаюсь представить, что можно чувствовать, приближаясь к 90-летию? Трудно заботиться о себе, хочется теплоты со стороны окружающих людей, общения. Достойная жизнь пожилого человека, в чем она? В душевном равновесии, покое? Живешь ли на самом деле или доживаешь в таком случае? Думаю, в силу своего характера, желания жить, а не существовать он чувствовал, что нуждается в поддержке. За стенами соседней квартиры иногда слышались разговоры, звучала музыка. Часто квартира пустовала, и нетрудно было определить: есть кто-то за стеной или нет. Становилось тихо. Донатас сказал, что там сейчас живет его внук, а сын обосновался за городом.

…Утром я побежала на зарядку. Пробежалась вдоль набережной, потом повернула к парку и к двухэтажному зданию вблизи парка. Как мне объяснили – в нем когда-то находилась киностудия. Выбитые в окнах стекла, покосившиеся двери наводили на грустные размышления. Можно жалеть людей, животных, если они беспомощны и страдают, но испытывать жалость к разваливающемуся дому по крайней мере глупо. Меня как магнитом тянуло сюда. У этого дома есть душа. И он помнит о тех временах, когда в нем кипела жизнь. Я через окно забралась в одну из комнат дома. Переступая через разбросанные на полу раскрытые коробки с сохранившейся в них кинопленкой, какие-то металлические предметы, попыталась пробраться к двери комнаты. За дверью – темнота. Прикосновение к артефактам киноиндустрии почему-то навеяло воспоминания о фильме Андрея Тарковского *«Сталкер»*. Возникло ощущение катастрофы. Казалось, брошенные вещи – это символы прощания с ушедшей эпохой, знаки безжалостного равнодушия к прошлому.

Фильм *«Сталкер»,* увиденный на закате советской эпохи, стал для меня проводником в тонкий мир человеческой души. Поскольку я была типичным продуктом своего времени и своего общества, с атеистическим подходом к вопросам бытия и к тому же училась на историческом факультете института и добросовестно штудировала исторический и диалектический материализм, воспринимала мистические, сакральные вещи поверхностно. Господствовали догмы официальной идеологии, и учитель, преподающий историю, должен был твердо

придерживаться их. В сознании, как мне думалось, полная ясность: природа – причина самой себя, вначале была материя, слово – вторично по отношению к ней, а социализм – самая справедливая социальная система в мире, и хорошо, что я в ней пребываю. Глобальные перемены в обществе, с таким финалом, как распад страны, перевернули жизнь и все представления о справедливости. Обещания нового рая на земле так и остались всего лишь обещаниями. Наступило время рыночных отношений, беспредела и полного равнодушия власти к судьбам людей: *потерпите, не спешите, не пройдите, не смотрите, не бегите, не хватайте, не ищите, не рыдайте.* Одним словом, бедствие для простого человека. Но мы и это перетерпели. Правда, в стране, которая стала для меня новым местом жительства, удалось пережить этот непростой период без гражданского противостояния и той криминализации общества, которая наблюдалась в лихих 90-х на всем постсоветском пространстве. А что же происходило с историей? Снова крайности. Не со всем тем, что переосмысливалось и переписывалось тогда в истории, можно было согласиться, да и сейчас тоже, но для себя я сделала выводы: ничего больше не принимать на веру, смотреть на все происходящее с единственным критерием его оценки – благополучие людей, во всех его смыслах, духовных и материальных. Революции, из века в век борьба идеологий. История метит палачей, а пули предназначены народу, и не очень-то верится в возможность в будущем справедливого мирового порядка.

Свободно говорить о будущем, как никто другой, могут люди, пишущие фантастику. Что-то сбывается в их предсказаниях, что-то нет… пока не сбывается. Высадка человека на Луну, появление искусственных спутников Земли, лазерного оружия, роботов, электронных книг, социальных сетей… и многого другого в нашем мире было предсказано. Но не хотелось бы, чтобы люди дожили до такого времени, когда в бедах человечества, наряду с наукой и техникой, было бы обвинено искусство. Ведь оно вызывает в человеке эмоции, душевные волнения, и у всех светлых чувств есть противоположные им – темные. Вспомните рассказ Рея Брэдбери *«Улыбка»,* фильм *«Эквилибриум».*

Во многих произведениях писателей-фантастов прогнозы относительно будущего неутешительны, преобладает пессимизм: деградация, гибель человечества, превращение человека в роботизированное бездушное существо. При таких высоких темпах развития науки и техники, непредсказуемых по своим последствиям замыслах и экспериментах по изменению природы человека опасность самоуничтожения людей велика.

Клонирование, человеческое бессмертие в виде оцифрованного мозга… или виртуальность, оцифрованная система вещей, созданная с помощью компьютеров, изменяя которую человек может испытывать ощущения и переживания? Хорошо это или плохо? Есть реальность, в которой сегодня ученые создают завтрашний день человечества. Остановить процесс познания? В человеческой природе заложено созерцать мир и о нем размышлять. Чаще всего в критические для людей моменты осознаются и жизненные приоритеты, и способы решения проблем. Пока гром не грянет… Человечеству, чтобы объединиться, нужна общая беда. И это не мною сказано. Воздержусь от сетования на времена. Жизнь постоянно обновляется, то, что сегодня удивляет, со временем становится нормой. Когда последние *люди реальности* уйдут, знания о ней могут быть спрятаны *«за семью печатями»,* ради порядка и спокойствия жителей планеты, которые будут воспринимать иллюзорное как необходимое и понятное. Может быть, такое и будет. В виртуальном мире уже живут, общаются. Там чувствуют. Но я не понимаю этих чувств, и в силу того, что отношусь к поколению, прожившему большую часть своей жизни без Интернета, и потому, что могу оценивать свое прошлое, сравнивая его с настоящим. Вспоминаю осеннее поле у стен Сторожевского монастыря, недалеко от Звенигорода, пруд *«Солярис»*. На поверхности воды застыли серебристые листья, упавшие с деревьев, растущих на берегу пруда. В воде, как в зеркале, отражаются небо, деревья, монастырские стены и башни, купол собора… дальний лес на возвышенности… Дотрагиваюсь рукой до воды. Иду по тропинке через поле к лесу, ощущая сыроватый запах травы, прохладу воздуха, движение ветра. Вижу исчезновение за горизонтом солнца, изменение цвета облаков. Приближаются сумерки. Я чувствую жизнь.

Если исходить из главной на сегодня тенденции мирового развития – глобализации, – будущее людей зависит от того, кто и как будет управлять этим глобализированным миром: интеллектуалы-аристократы, умные машины, богатая или техническая элита, кто-то еще. А может быть, люди сумеют переломить ход истории и сохранить свои национальные государства и культуры, то человеческое разнообразие, что глубинно и уникально? Больше всего вызывает тревогу проблема утраты человеком духовности, того, что делает его ответственным за судьбу планеты. Природа не бездонная кладовая, люди же в обществе потребления остановиться не могут. Вещи порабощают человека. Быть сверхпотребителем становится престижным. Желания. Без них жизнь – пустыня. Согласно же буддистским

учениям, человек без желаний – совершенное существо, ни к чему и ни к кому не привязанное, начисто лишенное способности страдать и потому счастливое. Герой Александра Кайдановского в фильме Тарковского *«Сталкер»* – проводник в аномальную Зону, возникшую, возможно, после посещения Земли представителями иной цивилизации. В Зоне люди существовать не могут. Это территория непредсказуемости и воздействия на человека той инопланетной энергетики, которая заставляет его исповедоваться, пробуждает совесть. Как в *«Солярисе»*. Есть в Зоне комната, предположительно, исполнения сокровенных желаний, ради осуществления которых Писатель и Ученый совершают с проводником свое опасное путешествие. Никто из них так и не решился войти в нее. А если осуществится подспудное, ничтожное? Как будешь жить тогда? Что стоит твой выбор, если исполнение желания зависит не от тебя самого и придется его выпрашивать? И действительно ли существование такой комнаты? Думаю, это определялось верой. Для Сталкера – жизнь без Зоны бессмысленна. Переступить через себя, приспособиться к несовершенному миру он не может. Выше личного счастья для него – потребность пробуждать в людях уверенность в своих силах на пути к изменению, духовному совершенствованию. Зона – мир без людей. И неизвестно, вернется ли рискнувший заглянуть туда человек или погибнет. Там нет внешних вызовов. Они внутри человека. Борьба с собой. Что будет с героями после?.. Победит материализм, как отметил один из кинокритиков.

> *«Зона уже существует где-то рядом с нами. Это не территория, это та проверка, в результате которой человек может либо выстоять, либо сломаться».*
>
> *Андрей Тарковский.*

Бог слепил человека из глины, и остался у него неиспользованный кусок.

– Что еще слепить тебе? – спросил Бог.

– Слепи мне счастье.

Ничего не ответил Бог и только положил человеку в ладонь оставшийся кусочек глины.

– Жизнь – сложная штука, – говорил Донатас. – Ты не улыбайся, не улыбайся, в ней всякое бывает!

– Что ты имеешь в виду?

– Как получилось, что мы встретились?

– Ты у меня в мыслях был. Твое творчество. Мысли и материализовались.

– Такое может быть.

– Свыше?

– Неожиданные повороты судьбы.

– Спасибо *«Солярису»!*

И мысль становится явью. Вот и все. Правда, у Лема написано: *«…и слово становится плотью».*

«Солярис» изменил мое мировосприятие. Неясное, непонятное в картине не оттолкнуло, не вызвало недоумения. Возникло осознание причастности к пронзительной таинственности мира. Запомнились глаза Донатаса на всю жизнь, словно он заглянул в твою душу, и ты поняла, как больно терять, больно уходить и возвращаться. Для меня *«Солярис»* – это фильм о возвращении человека к своей сущности в условиях Контакта с неземным Разумом… На Земле мы, люди, в трагические моменты пытаемся выжить с помощью психологической защиты. Вытесняем из сознания, прячем пережитое глубоко в душу, живем дальше. А там, на Солярисе, Крис Кельвин лицом к лицу сталкивается со своей совестью. Ему нужно измениться, чтобы понять, что ищет его душа. Переживания Криса, соприкасающегося с необъяснимыми для него явлениями Космоса, врачуют его душу. И нет ни поражений, ни побед, обретения утраченного.

Он уходит от внутреннего одиночества к той, без которой жизнь не имеет смысла. Язык не поворачивается назвать Хари матрицей, она воспринимается как духовное существо, потому что любит. Почему своей героине Лем дал имя Хари? Случайность? «Хари» в индуизме означает – *«уносить», «освобождать».* И на мой взгляд, в этих определениях образ той жертвенно любящей Хари, которую можно назвать человеком. Чувство любви дает нам силы для противостояния одиночеству и страху смерти, для преодоления своего несовершенства и эгоизма… притягивает ко всему светлому. Представим на мгновение, что люди не способны любить. СРАЗУ ЖИЗНЬ ТЕРЯЕТ СМЫСЛ. В этом материальном мире все бренно, преходяще, космос недоступен, загадочен, и что гадать о его сущности-предназначении. Важен только любящий человек. Сегодня уже не провожу параллели между Донатасом и его героем. И в то же время Крис Кельвин для меня неотделим от его личности. Строгий, целеустремленный, здравомыслящий, сдержанный – Донатас. Крис Кельвин мягкий, растерянный, опустошенный, уставший от когда-то терзавших его переживаний. Он ищет на Солярисе научные истины, а обретает совсем иные – нравственные. Он любит. И ему все равно, что скажет наука устами Сарториуса о его чувствах. Почему режиссер пригласил на эту роль Донатаса? Сколько раз задавали ему этот вопрос!

Ответа, как он сам говорил об этом, не нашел. Я не провидец. Но может быть, в дневнике одной из актрис, вспоминающей о режиссере, есть ответ? Речь шла о другом фильме. В нем предполагалось на главную роль пригласить известного зарубежного актера. И фраза, сказанная тогда о том актере, – *«взгляд, у него есть взгляд»,* – разве не дает разгадку тайны притяжения к образу, созданному Донатасом? У НЕГО ЕСТЬ ВЗГЛЯД. Взгляд человека, способного раскрыть глубочайшие переживания и мысли людей. Тарковский выбрал Донатаса Баниониса и победил.

Незримым исполнителем роли Криса Кельвина остается в памяти озвучивший Донатаса Владимир Заманский. О том, что эта роль озвучивалась не Донатасом, а другим актером, я узнала из публикаций о съемках картины. В титрах фильма такой информации не было. Не знаю, встретились ли они в жизни, не спросила об этом у Донатаса, но *«Солярис»* соединил их творчеством с человеком удивительного миропонимания.

Вероятно, я не скажу что-то новое, вспоминая рассказ Донатаса о *«Солярисе»,* все же… попробую. Встреча с Тарковским казалась ему необъяснимой, счастливой случайностью. К 48 годам за его плечами были роли в фильмах *«Никто не хотел умирать», «Мертвый сезон», «Красная палатка», «Король Лир», «Гойя».* А также такие прославившие его театральные работы, как Тесман в пьесе *«Гедда Габлер»,* Вилли Ломен в *«Смерти коммивояжера»,* Бекман в *«Там, за дверью».* Первая встреча с Тарковским произошла в одном из павильонов *«Мосфильма»* во время кинопроб на роль Кельвина. На роль Хари пробовались несколько актрис. По словам Донатаса, *«…Наташа была очень естественна, не играла, а проживала жизнь Хари. Чувствовалось, что это самая близкая к персонажу актриса, понимающая суть поведения своей героини».* Решение Тарковского о том, что Хари будет играть Наталья Бондарчук, определило судьбу этой роли. Съемки картины проходили в соответствии с графиком, поэтому Донатас не прерывал работу в театре. Если разделить фильм на две части: земную жизнь Кельвина и космическую, то, как он вспоминал, замысел режиссера в сценах на Земле ему был более понятен, чем в сценах на станции. Работая с Тарковским, он не переставал удивляться точно выверенному режиссером знанию того, каким должен быть фильм: *«Трудно было. Но я не говорил Тарковскому о своем непонимании тех или иных моментов роли. Старался выполнять все его распоряжения, просьбы. Следовали точные указания: куда нужно подойти, в каком направлении смотреть, сколько времени молчать».*

Насколько я понимаю, приглашение на роль Кельвина актера

школы Мильтиниса с ее установками на жизненность и предельно глубокое погружение в психологию человека, усвоенные Донатасом правила полного подчинения режиссеру, привитые актерам этой школы, привели к поразительному эффекту правдоподобия в картине на фантастическую тему. Как убедительно показал он эмоциональный мир Криса Кельвина, будучи по природе, как сам говорил, логиком.

…Прогулки доставляли нам обоим радость. Мне хотелось, чтобы Донатас больше времени проводил на свежем воздухе, ему же вдвоем было веселее и спокойнее. Во время прогулок мы присаживались на скамейки, чтобы он мог отдохнуть. Было ясно: пройти расстояние даже до магазина, который был за километр от его дома, ему уже трудновато. Но от прогулок не отказывался. Старость не обязательно приходит, когда тебе за шестьдесят или семьдесят лет. Можно состариться гораздо раньше. От потери смысла жизни, несбывшихся надежд, одиночества. Когда же Донатас подошел к рубежу, за которым пришло нежелание покидать свой дом? 2010 год? Тогда он отказался от поездки в Петербург. Приглашение было по случаю открытия в Александровском парке его именного кресла… Два года, как умерла его жена…

Старость! Я не чувствовала ее приближения. Когда-нибудь повернусь спиной к будущему, а в лицо будет смотреть прошлое. А впрочем, если пофилософствовать, можно сказать, что в реальности нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего – есть движение одновременности. *«Не считая краешка текущего мгновения,* – писал Кароль Ижиковский, – *весь мир состоит из того, что не существует».* Это высказывание я записала на одной из стен своей квартиры, удивляясь тому, что мысли, которые бывает трудно выразить словами, уже кем-то в словах определены.

Каждый человек на Земле есть решение чьей-то проблемы… Спокойно прожить жизнь – вот что сегодня кажется самым невероятным приключением… А может быть, мы вообще здесь только для того, чтобы впервые ощутить людей как повод для любви.

Глава 3

– Нужно что-то делать, – сказал Донатас.

– О чем ты?

– О визе.

– Для того чтобы мне дали визу, необходимы твое приглашение и основание для приглашения.

Донатасу было все равно, какое будет в прошении основание для моего въезда в страну, ЛИШЬ БЫ ДАЛИ ВИЗУ.

– Напишем, что мы с тобой работаем над книгой о моем творчестве в кино.

– Разве я справлюсь? – наивно спросила я у него.

– Попробуешь.

Думаю, не поверил, что я решусь на такое, но разрешил сделать копии фотографий для книги, скопировать письмо Андрея Тарковского к нему. В верхнем левом уголке письма поставлена дата – *6 февраля 1973 г. «…Прочел я тут в газете (не помню, в какой именно) твое интервью – рядом с Бондарчуком и Куросавой – и растрогался. Большое спасибо, что не забываешь…»*

Как хорошо, что тогда не было Интернета и потому в руках можно было подержать этот бесценный лист бумаги. Лист с напечатанными на пишущей машинке словами *о премьере «Соляриса» в Москве,* в кинотеатре *«Мир»,* о том, что *народа* было много, *картину приняли очень хорошо,* а для заграничного проката пришлось сократить ее *на 12 минут, изъять кое-какие длинноты,* и о том, что *все жалели,* что не было Донатаса… *у него же самого разыгрался страшнейший грипп…* что, может быть, скоро он запустится с новой картиной… и что передает привет жене Донатаса, Оне…

Я готова была часами слушать его рассказы о съемках в кино, о театральных работах. К авангарду в театральном искусстве Донатас относился скептически. Не могу назвать себя знатоком театра, но я также придерживалась консервативных взглядов в этой сфере. Без поисков нового нет развития, и все равно никакая зрелищность не заменит мне психологический театр, в котором ничто не отвлекает от человеческих переживаний. Удивить или взволновать, что важнее?

…Полдня мы посвятили решению проблемы с визой. Донатас кому-то звонил, записывал номера телефонов.

– Возьми ручку и листок бумаги. Запишешь, что нужно будет сделать. Будешь сама разговаривать.

Он позвонил и передал мне трубку телефона. Мне объяснили,

куда обратиться, как оформить его прошение, и мы с Донатасом подготовили необходимые для этого бумаги. Я оставила ему копию паспорта. Так он узнал, сколько мне лет. Фактически пенсионерка. Не было во мне солидности и степенности этого возраста, и со стороны такая дружба могла вызвать недоумение. Что общего между ними?

– Все получится, – успокоила я его. – Пойдем лучше погуляем.

Погода в этот вечер была великолепная. Жара спала. Чувствовался слабый ветерок. Во дворе одного из домов мы нашли скамейку и присели на нее. Клумбы с цветами как-то скрашивали унылый вид двора. Так как на прогулки Донатас всегда брал с собой фотоаппарат, то и на этот раз тоже не обошлось без фотографирования. Чтобы сделать совместный снимок, пришлось обратиться к мужчине, ремонтировавшему машину в гараже. Донатас взглянул на него, как бы проверяя, узнал ли тот его. Но мужчина не выказал ни удивления, ни восторга, просто смущенно улыбнулся ему. Мне показалось это трогательным. Все-таки он привык к вниманию к себе и невольно ждал его со стороны окружающих. Не потому, что упивался своим величием. В такие годы важно, чтобы тебя помнили. Важны добрый взгляд, улыбка, добрые слова со стороны людей…

Наверное, закономерно, что представления у зрителей об актерах складываются на основе сыгранных ими образов. И закономерно, что в жизни человек будет таким, как и все люди, со своим характером. Таким ли я его представляла? Человек, нуждающийся в заботе. Здесь уже не думаешь о его актерском таланте. За его видимой простотой скрывались сложность и глубина личности, наблюдательность, острый ум. Чувствовались в нем сила воли и глубоко спрятанная ранимость. Я не сразу поняла его. Строгость – и тут же мягкость, доброта. Честность в общении и осторожность, осмотрительность. Называть иногда прорывающуюся раздражительность у человека преклонных лет характерным поведением, думаю, неправильно. Это уже неконтролируемое, физическое состояние. Изменения в организме и в мироощущении. ПОТОМУ ЧТО ЖИЗНЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОГРАНИЧЕННЫ. Попробуйте днями не выходить из своей квартиры, пить лекарства, вслушиваться в звуки на улице и в соседней комнате, осмысливая прожитое. Что вы почувствуете? То, что впереди, всего лишь до какой-то черты… Все те записки с номерами телефонов, именами людей, которые он прикреплял к книжным полкам, столу, свидетельствовали – память уже подводит. Удивляться тут нечему. В таком возрасте это нормально. И он нашел выход из этого положения, обеспечив

себя нужной информацией в записках-подсказках. НЕ ПРОСЯ НИ У КОГО ПОМОЩИ…

Его старости я не замечала. Красивый, обаятельный, с живыми грустными глазами. Мне все в нем нравилось. Как он смотрит, ходит, встает с дивана, раскачиваясь для того, чтобы было легче подняться. Как одевается, читает газету, разговаривает по телефону. Я не обращала внимания на то, что он что-то забывает: была ли почта в воскресенье, принял ли таблетки утром, распечатаны ли и подписаны фотографии? Сколько раз спросит – столько раз и отвечу. Донатас смирился с моими зарядками по утрам и вечерам, с тем, что читаю по ночам книги, смотрю его фильмы. И что у меня нет сумок и я пользуюсь рюкзаком. И нет платьев и юбок. Вместо них брюки, рубашки, свитера. Платья мне были не нужны. Я постоянно ездила на велосипеде и одевалась в соответствии со своим образом жизни. Так мне было удобно. Но мне захотелось выглядеть женственнее, и тогда я купила несколько нарядов. Почувствовала в них себя обновленной, а через какое-то время заскучала в этих платьях и с облегчением заменила их привычной для меня одеждой.

Если тебе дорог человек, то и многое, что его окружает, становится для тебя дорого: страна, язык, на котором он разговаривает, места, где он жил и работал. У меня возникла такая мотивация к изучению его родной культуры, что я начала собирать книги, журналы, читая которые запоминала имена, события, названия достопримечательностей и их описание, и в общем-то в чем-то могла поддержать разговор на эти темы. У Донатаса была большая пухлая папка с географическими картами, и постепенно я стала ориентироваться в районах его страны.

«Нет здесь ни гор, подпирающих облака, ни каскадов грохочущих… Поле, словно огромный шелковый ковер в темно– и светло-зеленую клетку; по полю смешно петляет дорога, пропадая где-то в оврагах; у дороги крест, а рядом береза стоит и плачет. Далеко на горизонте синеет лес. Приблизься к нему – и он таинственным шепотом поведает тебе старую-престарую легенду».

Слова Микалоюса Чюрлениса о Литве поэтичны, наполнены любовью к родине. Он будто странник в пространстве и времени своей родины, живописи и музыки. В музее Чюрлениса в Каунасе я побывала в те же советские времена. Картины художника, его вселенная чувств и мыслей, печали, мудрости и любви… и даже безумия, как утверждают некоторые исследователи его творчества, загадочно-тревожны, космичны… Свет и тьма… земля, море, небо, лес, кресты, дороги, звезды, тишина и

звенящий поток красок, бесконечность… Чтобы мы, обычные люди, могли заглянуть за пределы видимого, прикоснуться к тайнам необъяснимого, гении открывают нам над этими тайнами завесу, рискуя быть непонятыми… Мы заглянули в тот мир и ушли, а они остаются там навсегда.

Я не видела документальный фильм Робертаса Вербы о Чюрленисе, узнала о фильме, просматривая список киноработ Донатаса. В доме у себя нашла набор открыток, которые я когда-то купила в Каунасе. *«Соната солнца»,* весны, моря, пирамид… *Вселенная представляется мне большой симфонией, люди – как ноты… Любовь – это мгновение блика всех солнц и всех звезд».*

Слова Чюрлениса.

Я пыталась освоить на литовском языке приветствия, формулы вежливости. По вывескам, табличкам на домах в городе запоминала новые для себя слова. Иногда смотрела вместе с Донатасом телевизионные передачи, вслушиваясь в незнакомую для меня речь… Как-то спросила его о смысле текста на литовском языке на открытке с автографом, подаренной им мне год назад. Донатас передал в нескольких словах его суть, объяснил, что это народная мудрость, а потом добавил: *«Я уточню!»*

Когда между друзьями нет единодушия, согласия – их труд идет насмарку. СОГЛАСИЕМ МАЛОЕ СТАНОВИТСЯ ВЕЛИКИМ, а *неединодушием, несогласием и великое слабеет.* Его уточнение отличалось от сказанного им ранее незначительно. И меня поразила такая дотошность Донатаса в вопросе о смысле текста. Согласие, единодушие. Все его творчество было в единомыслии с теми, кто творил РАДИ ЧЕЛОВЕКА.

Можно привести разные определения творчества: процесс создания нового, способ бытия человека или, если говорить об искусстве, образно-чувственное осмысление действительности. Из всех видов искусства В МОЕЙ ЖИЗНИ ОСОБОЕ МЕСТО ЗАНИМАЛО КИНО. Оно оказало влияние на формирование моих романтических идеалов в молодости, было окном как бы в другую, иллюзорную реальность. Братья Люмьер, предрекая гибель своему детищу, полагали, что кино не просуществует и четверти века, а оно не только пережило своих создателей, но и стало средством изменения человека. Каким образом? В фильме Аллы Суриковой *«Человек с бульвара Капуцинов»* это убедительно показано. Мое взросление пришлось на 60-е годы прошлого века. Мир в то время воспринимался целостно, представления о добре и зле у большинства из нас были четкими, отношение к жизни возвышенным. Наша семья, да и многие другие семьи жили скромно. Невольная свобода от вещизма давала возможность

сосредоточиться на духовном. Более всего завидуя обладателям томика стихов Пастернака или Цветаевой, зачитываясь поэзией Вознесенского, Евтушенко, Ахмадулиной, мы верили в Мечту, Справедливость, Дружбу и Любовь. Читающее книги поколение. Художественная литература выходила миллионными тиражами, а книг не хватало. На фоне всех других дефицитов тех лет сегодня это не кажется странным – данность времени. Можно порассуждать о книжном буме и моде на книги, о причинах дефицитов в стране, о негативных тенденциях в развитии советского общества. Но, сравнивая те времена и современные, приходишь к выводу, что в сегодняшней массовой культуре преобладает информация, прославляющая ценности мира потребления, и в первую очередь деньги, ради обладания которыми можно забыть о морали. Во времена моего взросления уже были сняты Калатозовым *«Летят журавли»,* Тарковским *«Иваново детство»,* Чухраем *«Сорок первый»,* Жалакявичусом *«Никто не хотел умирать»,* Кончаловским *«Первый учитель».* Казалось бы, фильмы созданы за *«железным занавесом»,* а они были приняты и поняты и по другую его сторону – как искусство о человеке и для человека. *«Солярис», «Зеркало», «Сталкер»* Андрея Тарковского воспринимались как особенные фильмы, загадочные. Они восполняли те пустоты в сознании и в душе, о которых я и не подозревала. Пустоты незнания себя. Я возвращалась к его фильмам снова и снова. *«С каждой минутой прощаться нет сил. День уходил, уходил, уходил. Дом, как ребенок, в объятиях снов, слышатся звуки чьих-то шагов. Из капель молочных, на сером столе, жемчужины ночь собирает во сне. Да в Зеркале-памяти – прошлого тень, рукою матери стерт этот день».*

О чем это я? *«Зеркало»* — чужая исповедь, а видишь личное, и в той простоте обстановки дома, где многие вещи узнаваемы, и в житейских разговорах людей, в окружающей человека природе… *«Хочу, чтоб в настоящем было рядом то прошлое, что нянчило меня. Мы смотрим друг на друга странным взглядом, как в Зеркало, при белом свете дня».*

«Тарковский молчит, никогда ничего не объясняя. Те, кто обычно комментирует свои произведения, не подают ни малейшей надежды». Ничего не объясняя… Так сказал Акира Куросава. Не могу уловить мысль… *не объясняя.* Музыку, живопись, поэзию в фильмах Тарковского воспринимаю как объяснение в любви к этому миру… *«Вот и лето прошло, словно и не бывало. На пригреве тепло. Только этого мало…»*

Шведский актер Эрланд Юзефсон, сыгравший в двух последних фильмах режиссера: в *«Ностальгии»* и в *«Жертвоприношении»,* назвал Андрея Тарковского Великим

пессимистом. Великий пессимист для меня тот, кто поднялся над обыденностью, отверг простые человеческие радости, а потом отдал все силы на то, чтобы вернуть их. Нажил себе врагов, потерял друзей, покинул родину и заглянул в Бездну познания. В таком случае Великий пессимист разве не философ? Думаю, что любое направление в философии, рассматривающее проблемы жизни человека на Земле, не способно укрепить нас в стойкости перед встречей с Неведомым. Когда-то наши предки в бессилии перед природой для своего спасения совершали обряд жертвоприношения Неведомому и Всесильному, веря в оберегающую силу такой жертвы. А если речь идет о спасении человечества, готов ли каждый из нас на жертвы? Пока есть надежда на спасительный исход, она станет последней истиной на земле и твоей верой.

Герой фильма Тарковского *«Жертвоприношение»,* Александр, встречает свой день рождения в кругу семьи. Все как всегда, торопиться некуда, и нет сомнений, что завтра может быть по-другому. Но время беспечности истекло. Что бы вы делали, зная, что до конца света остается минута, час, сутки? Молились бы, просили прощения у тех, кого обидели, простили бы непрощенных, признавались бы в любви тем, кому не успели сказать этого? Или бы отдали самое дорогое, что у вас есть, неизвестно Кому, ради одной надежды на то, что Завтра все будет по-прежнему. Разве наша суетность, невнимание к близким, нетерпимость к людям другой культуры и ментальности не есть путь к катастрофе? Тарковский внимательно всматривается во все, что видит. Нет мелочей. Красота – сила, безобразие – боль и сожаление об утерянной красоте. Оно имеет такое же право на существование, как и прекрасное. Последний свой фильм *«Жертвоприношение»* Андрей Тарковский снял в Швеции, на острове Готланд. Он назвал его самым загадочным в своем творчестве. Но что означали слова режиссера о фильме: *«…Я его боюсь»!* Предчувствие беды? Последний. Грустно сознавать это. Чтобы напомнить людям о хрупкости мира, изначальной его духовности, силе Слова, был выбран остров. К понятию *«остров»* с детских лет относилась трепетно. Для меня оно было символом странствий и перемен. Большие и малые острова, безлюдные и обжитые, скалистые, со скудной растительностью и покрытые лесами, сколько их на планете! Единственным островом в моей жизни, на котором я побывала, объехав его на велосипеде, был Эланд. Неизвестная и далекая Швеция здесь приблизилась ко мне настолько, насколько я смогла разобраться в увиденном. Швеция ассоциируется у меня с именами детских писательниц Астрид Линдгрен и Сельмы Лагерлёф, музыкальной группой АББА, с

именами драматурга Августа Стриндберга и актрисы Греты Гарбо, и конечно же вспоминается Ингмар Бергман. Вблизи Готланда, за узким проливом, есть маленький остров Форе. Здесь жил и снимал свои фильмы великий режиссер, здесь и место его упокоения. Хотя я и планировала поездку на Готланд, просмотрела информацию в Интернете об острове, мне не удалось побывать там.

Погружаясь в эстетику фильмов Бергмана, начинаешь воспринимать Швецию как страну пессимизма и разочарования. Бергмановские герои постоянно размышляют о своей жизни, ищут выход в разрешении психологических проблем и чаще всего не находят его. Нельзя сказать, что за десять дней путешествия по острову я нашла этому подтверждение. Доброжелательность шведов – это то, что было определяющим в общении с нами, затем уже можно говорить об их сдержанности и спокойствии. Но чтобы прийти к однозначным выводам, надо просто пожить среди людей, а тогда и разбираться со своими мыслями. Швеция – одна из немногих стран мира, в которой проблемы материального благополучия людей и правового порядка в обществе решены основательно. Ученые рассуждают о так называемом *«шведском социализме»,* а статистика констатирует, что наибольшее количество самоубийств в Европе приходится на эту благополучную страну. Что заставляет человека сводить счеты с жизнью, если есть все условия для того, чтобы жить по-человечески? Потеря того самого смысла жизни. Читала, что европейцы по пятам ходили за Тарковским, внимая каждому его слову, снимая на камеры каждый его шаг. Это напомнило мне об американском фильме *«Форрест Гамп».* Герой фильма, потеряв интерес ко всему на свете, надевает кроссовки и бежит по дорогам Америки. К нему присоединяются такие же, не знающие, что делать со своей жизнью, горемыки. Бег по крайней мере дает им силы почувствовать себя живыми и не стоять на месте, в буквальном и в переносном смысле этого слова. Творчество Андрея Тарковского, несомненно, являло для западных кинематографистов возможность *не стоять на месте,* возможность дальнейшего развития гуманистического искусства. *«…Не верю ни в какие кризисы, которые якобы потрясают искусство. По существу, искусство всегда потрясается, но не кризисами, а развитием… Я сторонник искусства, несущего в себе тоску по идеалу. Я за искусство, которое дает человеку надежду и веру,* – писал Андрей Тарковский. – *Творчество – есть как бы доказательство духовного существа в человеке».*

Как появляются в нашем мире личности, способные осознавать вневременные, внесистемные ценности жизни?

Почему им трудно жить, творить? Философы, ученые, поэты, писатели, художники… не сумевшие принять сиюминутные выгоды за блага, как правило, становятся изгоями, а те, кто приспосабливается к обществу, теряют возможность реализации в себе того, что предназначено им свыше. Творящие по велению души редко идут на сделки с совестью. Это все равно что убить себя.

В своих фильмах Тарковский сохранил приверженность к поискам ответов на вопросы, одинаково волновавших человека любой системы, будь то капитализм или социализм. Не случайно из тридцати двух замечаний, высказанных представителями Госкино по фильму *«Солярис»,* говорят, было и такое: *«Непонятно, какая общественная формация существует в «Солярисе».* Судьбы созданных творений, да и их творцов тогда были в руках людей либо убежденных в своей миссии служения социализму и не допускающих инакомыслия, либо приспособившихся к системе, использующих ее в своих интересах. Как говорил в одном из интервью Донатас, сопротивление диктату чиновников от культуры способствовало появлению незаурядного искусства. *«Чтобы жить честно,* – писал Лев Николаевич Толстой, – *надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и бросать, и вечно бороться и лишаться…»* Рваться, путаться, биться, ошибаться в современном информационном обществе опасно для психического здоровья, внушают нам психологи. Такие установки в поведении людей, по-моему, рождают бесчувственность, размывают границы между добром и злом. И что делать? Выдержать прессинг информации, темпы и ритмы современной жизни трудно. Как результат этого – фобии, стрессы, хроническая усталость… равнодушие.

В фильмах Андрея Тарковского герои рассуждают о назначении человека, его ответственности за содеянное, о смысле человеческой деятельности в Космосе и на Земле, о вере, искусстве, добре и зле… Поэтические образы природы в его фильмах отражают настроение человека, ищущего духовную опору в чем-то непреходящем, вечном. В техногенном обществе многие из нас давно перестали ощущать себя рожденными в природе людьми, утратили связь с природой, связь с жизненным источником мудрости и доброты. Можно прочитать десятки публикаций на эту тему и пропустить мимо души сказанное, но достаточно посмотреть на картину Питера Брейгеля *«Охотники на снегу»,* и ты увидишь, как неразрывно здесь единство людей и природы, их родство. В *«Охотниках на снегу»* художник воспроизводит нидерландскую деревню XVI века, а мне видится что-то свое, близкое-близкое. Столько снега и столько свободы

для птиц в безграничном небе, уходящем в Космос. Человек не может быть выше этого. Пройдя мытарства скитаний, Андрей Тарковский так и не вернулся домой, умер на чужбине. Сколько людей из-за уязвленного самолюбия или бессилия перед обстоятельствами, устав бороться с этими обстоятельствами и собой, погибнут или отойдут в сторону от проблем, не решив их! Крис Кельвин, Андрей Горчаков, Александр – страдающие и не умеющие быть счастливыми герои его фильмов. Выстраданное дает прозрение, цена которому одиночество, смерть, безумие. Говорят, от добра добра не ищут. Если у тебя есть отчий дом, близкие, родные люди – не считай себя несчастным.

Свое последнее пристанище Андрей Тарковский обрел в Париже. Здесь он жил, здесь хранят память о нем. В трагическое для него время финансовую и моральную поддержку ему оказали Марина Влади и ее муж врач-онколог Леон Шварценберг. В Париже был создан Международный институт искусств имени Андрея Тарковского, а на улице Пювиде-Шаванн, на стене дома номер 10, в котором он прожил несколько месяцев, при поддержке парижской мэрии в 2006 году была установлена памятная доска. Обо всем этом можно прочитать в публикациях о режиссере. Первые дни января 1987 года. Газета *«Юманите»* публикует сообщение. *«Похороны советского кинематографиста Андрея Тарковского, находившегося во Франции в изгнании с 1984 года, состоялись вчера на православном кладбище в Сен-Женевъев-де-Буа после отпевания в русской церкви на улице Дарю».*

«Не хочу быть рядом с кем-то… Я хочу лежать на открытом месте в Тарусе…» Андрей Тарковский.

30 лет – 34 – 40 – 44 – 47 – 51 – 53 года… Семь фильмов были сняты им в эти годы жизни… а еще был *«Каток и скрипка»,* короткометражный.

Утверждают, что каждому человеку время жизни отмерено, судьба определена. Кто-то успевает и за короткий срок реализовать себя, кто-то нет. Кому-то жить до глубокой старости, кому-то умереть в расцвете лет. Все или не все сказано Рафаэлем, Моцартом, Лермонтовым, Андреем Тарковским, Василием Шукшиным, Александром Вампиловым, Надей Рушевой? Гениальная личность внутренне ощущает и сколько отпущено времени жизни, и ЧТО нужно успеть сделать во что бы то ни стало. У каждого из нас свой Тарковский: творец, истинно русский художник, великий пессимист, реалист и собиратель снов, не утоливший жажды, живший на кресте, вечно ищущий… для кого-то и бездушный интеллектуал. Мне трудно представить, как, снимая такие глубокие фильмы, можно было возвращаться потом в реальную жизнь? На тот уровень отношений с людьми, в

которых редко кто сможет принять тебя сомневающимся и ошибающимся человеком.

КИНО… КИНО… КИНО… настоящий праздник, когда у тебя в руках билет на киносеанс. Не помню, чтобы кто-нибудь разговаривал во время демонстрации фильма, отвлекался… абсолютная погруженность зрителей в кинодействие, все интересно: и зрелищные, и серьезные картины. Путеводителем в мир кинематографа были журналы *«Искусство кино»* и *«Советский экран»*. Они давали такую основательную информацию, что, читая их, я невольно приобщалась к системе кинознаний. Желание запоминать и оценивать фильмы, актерскую игру, впитывая в себя смысл увиденного, не иссякает у меня до сих пор. Знаменитые актеры воспринимались нами, зрителями, небожителями, о них создавались легенды, и их личная жизнь вызывала интерес. Немногим из них удавалось сохранить в тайне свои романы, сохранить семьи, и потому верность и преданность в их среде вызывали безграничное уважение. И у Донатаса были свои симпатии. Но он смотрел в будущее, не теряя головы. ОДНА ЖЕНА НАВСЕГДА. Она знает о тебе все. В семье любая зависимость естественна и необходима, здесь ты на своей территории любви и родства, такой, какой есть и никто не обратит внимания, куда ты поставил тапочки или положил рубашку.

…В 1999 году 15 декабря Балтийский дом поздравлял Донатаса Баниониса и Ону Банионене с его 75-летием и их золотой свадьбой. Свидетельство о золотой свадьбе им вручал актер Игорь Дмитриев. В свидетельстве было указано, что брак зарегистрирован на Петровской набережной в доме номер 2. Этот символический документ я увидела в одной из папок Донатаса. Он разрешал мне их просматривать. В январе 2008 года не стало Оны. Четыре месяца оставалось до их бриллиантовой свадьбы. Когда из семейной пары человека пожилого возраста уходит из жизни женщина, хранительница семейного очага, традиций дома, для мужчины, как утверждают психологи, жизнь разрушается до основания и его связи с миром постепенно обрываются. Семейные праздники, общение с друзьями воспринимаются с ощущением тоски по близкому человеку, часто с чувством вины за какие-то моменты споров, недоразумений, вины за поступки, о которых никому не расскажешь. Его независимый деятельный характер не позволял ему мириться с новыми жизненными обстоятельствами. Он почувствовал себя не готовым к тому, чтобы о чем-то просить близких людей, понимая, что у них своя жизнь, работа… Он никому не хотел мешать жить. Почему я оставляю за собой право так думать? Были между нами разговоры, из которых я поняла,

что ему хочется выговориться, поделиться своими переживаниями.

Сегодня я уезжаю домой. Но у меня есть 15 ГРАММОВ НАДЕЖДЫ. 15 граммов веса тех бумаг, которые дают мне возможность получить новую визу… и снова увидеть Донатаса. Утро пробуждения, завтрак, наши разговоры – все для меня значимо. По странному совпадению, уезжала я в день, когда ровно год назад встретилась с ним. На числа я иногда обращаю внимание. Есть в моей жизни эти повторяющиеся цифры, связанные с радостными или печальными событиями. Как тут не задуматься? Мистика, думаю, проявляется там, где в нее веришь, и лучше не замечать мистические вещи, чтобы не тревожиться раньше времени и не притягивать к себе неприятности.

– Приеду домой, позвоню тебе. Береги себя.

– Буду.

Донатас загрустил. У меня на душе тоже было невесело. На письменный стол в кабинете Донатаса я незаметно от него положила игрушку, озорных котят, держащихся друг за друга. Увидит их, может быть, улыбнется.

…Пересекаю границу. Мыслями я уже дома. Так соскучилась по своим мальчишкам! А Нео? Хоть бы не потерялся.

Котенок появился у меня три года назад. Подарил его мне Максимка. Нео был очень пугливым, потом перестал бояться людей. Отправляясь на прогулку на велосипеде, я усаживала его в рюкзак, и мы путешествовали. Из рюкзака выглядывала любопытная мордочка рыжего существа, и люди, проезжавшие мимо на машинах, с удивлением смотрели на нас. Я называла его *космической радостью* и воспринимала как нечто необыкновенное, чудесное.

Нео ждал меня. И что теперь делать с ним из-за моих поездок? Не посадишь же в рюкзак и не повезешь в другую страну? Хоть плачь, но придется попросить родственников приютить его.

…Вечером позвонил Донатас:

– Ты уже дома?

– Дома.

– А что делаешь?

– Уборкой занимаюсь. Завтра поеду к детям.

– А ко мне когда приедешь?

– Через два дня начну оформлять визу. Возьму на месяц в школе отпуск за свой счет и, если не передумаешь, приеду.

– Ты что, сдурела? Передумаю? Я жду.

«СДУРЕЛА» – КАКОЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ СЛОВО! Его можно сказать только своему человеку. Спасибо за это.

Я не позволяла себе мечтать о какой-то определенности в отношениях с ним. Чтобы не было больно при падении с небес на землю. Почему так случилось? Сблизило одиночество? Но одиночество Донатаса вызвано обстоятельствами жизни, мое – осознанный выбор, и оно несравнимо с его мироощущением. Он оставил театр, кино, я работала, была на людях. Резонанс какой-то. Как будто нет между нами разницы в возрасте, ментальности, социальном статусе. Невозможная встреча. Разве такое бывает? Представьте, случается. Как в кино? Нет, как в жизни. Сценарий еще не написан, а провидение берет тебя за руку и ведет, ты только скажи ему, куда стремишься.

…На следующий день Донатас снова позвонил. У него гостила его давняя подруга. Он рассказал мне, что она навещает своих родственников и его тоже:

– Мы с юности дружили. Потом ее родители переехали за океан. Она вышла замуж, я женился. Пути разошлись.

– Может, мне тогда не стоит приезжать? – спросила я Донатаса, надеясь, что он не скажет: *«Да, не нужно».*

– Она через неделю уезжает домой. У меня здесь намечается поездка, встреча со зрителями, и ты мне сможешь помочь. Будешь ассистенткой.

– Ну, какая я ассистентка?

Он говорил так, словно подтверждал, что его жизнь сейчас связана со мной. И я могу в этом не сомневаться.

…С визой все получилось. А вот на работе не отпускали. Директор школы категорически отказался подписать заявление на отпуск:

– Вы только что из отпуска. Кто будет вести уроки в ваших классах?

– Договорюсь с коллегами насчет замены. У меня обстоятельства. Не отпустите, поеду к заведующему.

Ради этого месяца я готова была уволиться с работы в случае отказа во всех инстанциях. Каково же было мое удивление, когда в приемной у заведующего отделом образования я увидела Владимира Николаевича, назову его так, собственной персоной. Он явно боялся, как бы мой визит к его руководству не навредил ему, вот и решил пойти на попятную.

– Почему вы не сказали, к кому едете?

Я промолчала.

– Давайте подпишу заявление.

По-видимому, кто-то проговорился ему в школе о том, зачем мне нужен отпуск. Некоторые из моих коллег были в курсе моей

проблемы. Подписать-то подписал, но отныне в его лице я обрела стопроцентного недоброжелателя. Он дождался своего часа и через два года отправил меня на пенсию, оставив без работы.

…Я СТОЯЛА У ПОДЪЕЗДА ДОМА ДОНАТАСА. С велосипедом и рюкзаком за плечами. На багажнике велосипеда пристроена сумка с вещами, на случай осенних холодов. Но пока тепло и солнечно. Погода бабьего лета: без дождей, слякоти, унылого серого неба. В такое время жизнь воспринимается как величайший дар свыше, и ты благоговейно говоришь этому миру: *«Я счастлива!»*

…Донатас открыл дверь:

– Так ты с велосипедом? Как ты его в поезде возишь?

– Разбираю, в чехол укладываю, а потом на третью полку. Я пешком ходить разучилась: на вокзал, в магазин, куда захочешь, туда и поедешь. Если тебе что нужно, могу и сейчас за этим съездить. Вот только разгружусь.

– Потом, потом, – улыбнулся. – Разгружайся в эту комнату.

– Как ты хорошо выглядишь. Молодец! Я велосипед на балкон поставлю, можно?

Когда рядом с тобой человек преклонного возраста, постоянно возникают мысли о быстротечности жизни. И ты стараешься запомнить каждое слово, сказанное им. Думаешь о ежесекундно меняющемся мире, в котором жизнь – чудо, потому что она не вечна.

«…Вдохнуть. Почувствовать объединяющую душу Тарковского… запечатлевшего время, водорослей волнистые тайны. Почувствовать поток крови, бегущей из одной вены… Океан… Невесомая часть нас самих. Это наши руки, примиряющие Вселенную… Вечное возвращение. С тобой душа пламени. Открытый океан». Такое посвящение прислала Донатасу из Франции поклонница творчества Андрея Тарковского Жислен. Стихи были в русском переводе. Знаю только, что зовут переводчицу Лизой… *«Чувствовать приближающийся горизонт под бьющим дождем зарождающегося сердца. Медленно приближаться к туману. Проникнуть в дом, раздетый солнцем…»*

Мне посчастливилось быть свидетелем встреч Донатаса с журналистами, поклонниками. Они приходили в его дом, радуясь возможности общения с человеком, чье творчество волновало и продолжает волновать душу. Уходили счастливые. Каждая встреча заканчивалась фотографированием. На фотографиях обязательно записывались фамилия или фамилии гостей, дата. Большое количество фотоальбомов у Донатаса свидетельствует о

его крепкой привязанности к жизни. Он никому не отказывал во внимании, выслушивал вопросы, обменивался мнением, шутил с гостями. Уставал. Поражалась терпению, деликатности по отношению к тем гостям, для которых важнее его здоровья были многочасовые разговоры, в надежде на то, что можно узнать что-то новое или использовать его имя в своих трудах, не имеющих никакого отношения к его творчеству. Однажды на звонок с приглашением чуть ли не немедленно самому приехать на съемки программы о фильме, в котором он когда-то снимался, после уговоров вежливо отказался. Положив трубку телефона, сказал: *«О чем они думают? Мне почти девяносто лет».* Донатас был проницательным человеком, сразу схватывал настроение собеседника и, если чувствовал отстраненность в беседе, становился закрытым или дипломатичным. Он не спорил с упрямцами, не отвечал на провокации, когда пытались привязать его имя к политике, ценил скромность, доброту, честность, ум, чувство юмора. Думаю, что не способен был на разочарования, слишком хорошо знал людей. Было в нем редкое качество личности: способность радоваться успехам других, учиться у них. Я помню многое из того, что он говорил о людях, с которыми его свела судьба в искусстве, о тех, кого называл своими учителями. Как-то спросила его, завидовал ли он кому-нибудь в жизни? Ответил, что некогда было.

Картина «Житие и вознесение Юрася Братчика», в которой Донатас играл иезуита Босяцкого, была снята Владимиром Бычковым на Белорусской киностудии. Она вышла небольшим тиражом, была запрещена и попала на двадцать два года в разряд *«полочных»* картин. *«Комиссара»* Аскольдова, *«Проверку на дорогах»* Германа, *«Андрея Рублева»* Тарковского и ряд многих сегодня известных фильмов постигла та же участь. Советские и зарубежные фильмы, в которых киноцензура усматривала показ чрезмерного насилия, откровенных сцен, критику советской системы, какие-то негативные сравнения, подрывающие, как думалось, ее идеологические и моральные устои, сокращались, перемонтировались или в прокат не допускались. Создатели опальных лент попадали под особый контроль Госкино и не только этого комитета. *«Житие и вознесение…»* оказался самым «полочным» фильмом советских времен. По срокам забвения.

«Это мой третий фильм за пределами Литвы, – вспоминал Донатас. – *Босяцкий – отрицательный персонаж, а познать грани злодейства для любого актера всегда интересно… У меня была роль второго плана, главную исполнял Лев Дуров. Он был уже известным актером, с опытом, положением, я же только начинал свою кинематографическую деятельность. Я его много спрашивал,*

как лучше играть, чтобы глубже понять замысел… Как кинопартнер он стал для меня идеалом».

…Картины, награды, книги… Квартира Донатаса – настоящий храм знаний. Напоминает мне библиотеку в *«Солярисе»* Тарковского.

– Я посмотрю награды, книги?

– Посмотри.

Вот книги, журналы о театре, кино, музыке, живописи. По истории, философии. Пьесы Брехта, Ануя, Фриша, Стриндберга, Вампилова… Сценарии Федерико Феллини… Словари, энциклопедии, художественная литература. Книги на литовском, русском, немецком, польском, английском языках. Во многих из них закладки. Записи с пометками-сведениями о людях и событиях. По книгам и этим же закладкам в них можно многое понять о нем: Интеллектуал, Мудрец, Перфекционист, Трудоголик. Обратила внимание на книги с дарственными надписями Донатасу: *«Поминая Владимира Высоцкого»* Даниэля Ольбрыхского, *«Вокруг да около кино»* Геннадия Юхтина и книгу воспоминаний о театре и кино Юрия Соломина.

Двойной портрет Донатаса на стене его кабинета сразу привлекает внимание. Донатас рассказал, что этот портрет был написан по его фотографии и что его попросили дать художнику возможность заработать. Два портрета Донатаса были подарены ему Юрием Межировым. У него он учился навыкам работы с красками при подготовке к роли Гойи. Еще один его портрет, в молодости, был написан художником Паневежского театра Суркявичусом. Трубящий ангел *«Santara»* — Согласие и *«Золотой журавль»* — национальные премии. Звезда – премия лауреата *«Балтийская звезда». «Странника»,* бронзовую статуэтку *путника с посохом в руке,* как специальную премию фильму-легенде *«Солярис»* и за исполнение роли Кельвина в фильме Тарковского, Донатасу вручил Пол Андерсен, в Петербурге, на Конгрессе фантастов России.

В документальном фильме *«Никто не хотел забывать»,* посвященном популярным прибалтийским актерам, был снят проход Донатаса по улице Замковой, Пилес в Вильнюсе. Почему-то запомнился эпизод, когда к нему подошел мужчина и подарил картину. Улица напомнила мне уголок Парижа, район площади Тертр на Монмартре. Также много туристов, продавцов сувениров. Однажды этого человека я увидела на том же месте улицы, что и в фильме. Разговорились. Удивительно, как тесен мир! А в доме у Донатаса я нашла тот самый подарок художника с улицы Пилес, с надписью на обратной стороне картины:

«Великому литовскому актеру…»

Донатасом можно только восхищаться. Его жизненное пространство было ограничено квартирой, из которой почти не выходил, но даже в этом пространстве он проживал НЕ БЫТ, А БЫТИЕ. Его любили и помнили.

…К книгам я относилась как к способу познания жизни. Зря я так думала. Ничто тебя не образумит, если не прочувствуешь на собственном опыте, где права, а где виновата. Книги уводили меня в такие дебри поисков истины, что, в конце концов, я для себя решила – нужно смириться с тем, что существует Непостижимое. Можно выстроить цепочку причинно-следственных связей в деятельности людей, объяснить те или иные события, но ответить на вопрос, почему мир устроен так, а не иначе, невозможно. Даже если веришь во всемогущего, всеведущего и всесущего Бога.

– *Сотворение Адама и Евы, существование рая, ада, загробной жизни, иных миров, кто может знать – так было, так есть. Неизвестно,* – сказал Донатас.

– Каких иных миров?

– Нематериальных.

– Знаешь, не могу соотнести материальное с идеальным. Душа человеческая: радости, страдания… и планеты, звезды, галактики, немыслимые для людей расстояния, исчезающие вселенные. Какой смысл в существовании такого миропорядка? Почему все так сложно устроено? И печально. Появиться физически, чтобы исчезнуть?

– Может быть, и не сложно, а просто. Во времена моего детства, помню, люди верили во все, что написано в религиозных книгах. И я верил. Потом стал критически к этому относиться. Есть что-то. Но что?

– Когда надеяться не на кого, говорю: *«Боже!»* И не знаю, к Кому обращаюсь.

Я уже и подзабыла многое из того, что тогда говорил Донатас. Позволю себе обратиться к отрывку из беседы Донатаса с Дмитрием Минченком, бравшим у Донатаса интервью для журнала *«Огонек».* Те же мысли Донатаса. *«Живые живут только потому, что пожирают друг друга. Это парадокс. И только потому возможна наша жизнь. Человек тоже пожирает другого человека. Зачем так сделано?! Загадка. Но это закон эволюции… Я иногда думаю, что наша Земля – это не больше чем простой атом в какой-то другой системе иной жизни. И о ней мы вообще не имеем никакого представления».*

«Троица», «Охотники на снегу», «Возвращение блудного сына» — такие репродукции иконы Рублева и картин Брейгеля и

Рембрандта были у Донатаса в его кабинете. Божественное, природное, человеческое – триединство.

– Ты читал притчу о блудном сыне?

– В Евангелии. И картину видел в Эрмитаже. Испытал тогда сильное потрясение. После съемки финала *«Соляриса»* вспомнил – это же Рембрандт!

– Я тоже видела подлинник. Захотелось прочитать историю непутевого сына. Но прочитанное не так вразумило, как увиденное. У Рембрандта человеческие чувства предельно выражены, а в Евангелии я это не почувствовала.

Аналогия в фильме с Рембрандтом. Назидательно? Каждый видит свое. Как по-другому можно было показать глубину выстраданного человеком?

…Люблю живопись. Она дает возможность погружения в историю людей, их психологию, переживания. Живопись как фрагменты исторического времени. Соединяем их, и вот, смотри – перед тобой пройденный человечеством путь познания от наскальных рисунков безымянных художников и до *«Черного квадрата»* Малевича. И что за этим квадратом сегодня, какие истины? Возвращение на круги своя?

– У тебя столько наград. Можно твои руки поцеловать?

– Не дури.

– Я серьезно.

– Принеси-ка стремянку.

– Зачем?

– Покажу что-то.

– Я могу и со стула дотянуться. Не переживай, не уроню.

– Как знать.

Я принесла стремянку. Донатас показал мне, что снять со шкафа. Символическое изображение человека, встроенное в коробку с закрывающимися створками.

– Эта награда мне очень дорога. На международном кинофестивале вручили за лучшую мужскую роль, и для меня это стало неожиданностью. Чиновники хотели ее на киностудию забрать. Но я не отдал.

– Как это у тебя получилось?

– Не отдал. Я был правдив, не играл, а жил жизнью Вайткуса. Добавлял свое, считая, что написано сухо, некоторые сцены расширил. Жалакявичус одобрял. Это был мой четвертый фильм, но Йонас Грицюс – первый из операторов, кто сказал: *«Ты играй, а я тебя буду снимать».* Я радовался такому оператору…

Вспоминаю слова другого человека о фильме: *«В картине все удачно сошлось: работа режиссера, оператора, актеров,*

композитора, художника… Знали, что хотели, добивались своего, оттого фильм и получился».

В 1991 году перестал существовать Советский Союз, Литва обрела независимость, и в литовских учебниках по истории восторжествовала правда о национальной борьбе *«лесных братьев»,* о сложном времени выбора для людей своей судьбы. Правда, которую не в полной мере, но все-таки отважился показать в своем фильме Витаутас Жалакявичус.

– А где снимали фильм?

– В Зервинай. Сейчас на карте посмотрим.

Донатас достал папку с картами и показал на карте, где находилась эта деревня. На юге Литвы, недалеко от города Варены.

– Для фильма искали такую деревню, чтобы не было никаких примет современности.

– По телевизору часто показывали фильм. Я до конца не смотрела. Не выдерживала… переживала, что Вайткус погибает.

«Нужно съездить в Зервинай, сделать фотографии и рассказать ему о том, что сохранилось со времен съемок», – подумала я и высказала свою мысль Донатасу. Он одобрил. На листке бумаги прочертил направление дороги, отметил расположение деревни, ближайших к ней населенных пунктов.

Через два года я осуществила этот замысел. Побывала в Варене у мельницы, там, где снимались эпизоды перестрелки с *«лесными братьями»,* добралась до Зервинай. Она была в пятнадцати километрах от города, в стороне от оживленной автомобильной трассы. Вокруг сплошной лес. Места глухие. Ощущение не из приятных. В деревне, как я узнала, проживали пятьдесят человек, вечером же она выглядела совершенно безлюдной. Сразу у въезда – деревенское кладбище… Я сфотографировала дома, хозяйственные постройки, три деревянных, потемневших от времени креста с изображенными на них распятиями… В безмолвии и в свете заходящего солнца все казалось застывшим, безжизненным… Нашла развилку дорог. Определенно там, чуть выше развилки, снималась финальная сцена с Вайткусом и Оной. Что-то вспоминается… *Туман. Вайткус в белой рубашке… Совсем другой человек, освободившийся от страха, счастливый… И вдруг отчаянный крик Оны: «Не надо!»*

В момент размышлений о фильме у меня зазвонил мобильный телефон.

– Оля, ты где сейчас?

– Донатас, я в Зервинай.

– Как будешь выбираться оттуда?

– На велосипеде.

– О, Езус Мария!

– Не волнуйся, придумаю что-нибудь. Возвращаться на ночь глядя в Варену я не рискнула. Договорилась с местным жителем, и меня на машине, за небольшую плату, доставили в город. Вместе с велосипедом. Один из сделанных мною фотоснимков и еще две фотографии: эпизода из фильма *«Никто не хотел умирать»* и момента репетиции роли Вайткуса Донатас поместил в большую рамку. Многие интервью обычно начинались с просьбы рассказать о его работе в этом фильме.

Прочитала, что американские кинокритики считают роль Вайткуса лучшей ролью в советском кино. Жизненно сыграно. И фильм о человеческом выборе. Между жизнью и смертью. Кто знает, что придется когда-нибудь выбирать и нам?

…Что главное в человеке? Думаю, доброта. Мне встречались добрые и бескорыстные люди. Они не боялись, что кто-то воспользуется их доверчивостью и обманет. Доброта их была не избирательна, а всеобъемлюща. Помню, как у меня украли на вокзале деньги. Совершенно посторонний человек купил мне билет на поезд, проводил, еще и сверток с едой положил в руки.

– Забудьте об этом и не переживайте.

– Напишите, пожалуйста, адрес, куда мне выслать деньги.

– Вы мне ничего не должны. Поможете кому-нибудь при случае, – сказал он.

Забудьте? Да я всю жизнь помню его доброту.

Добрым и интеллигентным человеком была моя мама. Не судила людей, никому не завидовала, а тем, кто нуждался в помощи, помогала. *«Судить людей – все равно что быть слепым и глухим»,* – приблизительно так она выразила свою мысль в разговоре на эту тему… Мамина девичья фамилия – Симонова. После развода я хотела поменять свою фамилию на ее, но не нашлись нужные документы для этого. Я и осталась с фамилией чужого для меня человека. Мама хорошо разбиралась в литературе, живописи, привила мне любовь к искусству. *«Запомни, станция Бернгардовка, Приютино. Недалеко от Ленинграда. Это моя родина»,* – сказала мне она как-то после разговоров о ее прошлом. – *Может, съездишь туда».* Деревня Приютино когда-то принадлежала Олениным. Исторические места. В дворянской усадьбе Олениных бывали Пушкин, Брюлловы, Кипренский, Грибоедов, Мицкевич, Глинка… Современники Оленина называли усадьбу *приютом для добрых душ.* Здесь Гнедич завершил перевод *Илиады,* Пушкин читал свою поэму *«Руслан и Людмила»*… Он так и не сделал предложение дочери Оленина Анне, в ее альбоме остались записи посвященного ей пушкинского стихотворения *«Я вас любил».*

Отец был человеком жестким. Столкнулись как бы два направления в моем воспитании: прагматичное и противоположное ему. *«Спустись с небес на землю. Какие еще театральные институты? Начиталась Поступай в медицинский».* Что я ему ответила? По-моему, что никогда об этой профессии не думала и что мне интересны история, литература и искусство. Отец в молодости писал стихи. В доме звучали оперные арии, романсы. Исполнял он их так, что можно было заслушаться. Мог бы связать свою жизнь с творчеством, но выбрал иное, то, что давало, по его мнению, возможность твердо стоять на ногах, в смысле – жить более-менее стабильно. В нашем доме всегда кто-то находил приют. Помню, у нас появилась девочка. У нее умерла мама, и какое-то время девочка жила у нас. Я приревновала ее к матери и исподтишка пыталась выжить. Стыдно до сих пор за свое поведение. Иногда в квартире поселялись целыми семьями. Отец был военным по профессии, и на период получения его неустроенными коллегами жилья мы все так и жили в тесной двушке, не обращая внимания на тесноту. Самым невыносимым для меня делом было сопровождение брата на рыбалку с отцом. Мама не хотела отпускать его со взрослыми, боялась, что увлекутся этой самой ловлей и потеряют ребенка в тайге. Меня определили в няньки. Я не должна была спускать с ребенка глаз, хотя старше его была всего-то на четыре года. Пытаясь проучить его за ябедничество, могла и тумаков ему надавать, но все мои разбирательства раз и навсегда закончились, когда деревянным игрушечным автоматом он дал мне сдачи. Отец тогда не стал выяснять, кто прав, кто виноват, поставил обоих в угол. За проступки нас так и наказывали по старинке, ставили в разные углы комнаты, и, чтобы покинуть свой угол, нужно было попросить у отца и друг у друга прощения. Брат так и делал, после клятвенного заверения в своей невиновности, я же стояла до изнеможения и *«папочка, больше не буду»* никогда не произносила. Освобождение того, кто ябедничает, казалось мне величайшей несправедливостью.

– Ты любил своих родителей? – спросила я у Донатаса, рассказав ему историю из своего детства.

– Родители есть родители. Отец и мама из крестьянских семей. Отец был человеком амбициозным. Стремился разбогатеть. Верил, что без революции это невозможно… Мы с ним потом на эту тему много спорили. Родители развелись. Мать привела меня, мальчишку, к отцовской квартире, постучала в дверь и тут же убежала… Матери нелегко было поднимать двоих детей. Сестра осталась с ней, а я вот так… Отец женился, и у меня появились мачеха, сестра Ирена. Мачехе я был не нужен. Не жаловался,

терпел. Какие-то обиды забыл со временем, но вот тот прокисший суп, которым она пыталась насильно меня накормить, забыть не получается. Я обливался слезами, давясь супом. Отец, увидев мои мучения, тогда не на шутку рассердился на нее.

Я посмотрела на Донатаса. Он стал для меня ближе и понятнее. Словно я сейчас проживала его когда-то детскую боль.

– А ты что-нибудь знаешь о судьбе Ирены?

– К сожалению, нет.

Донатас что-то вспомнил, подошел к шкафу и достал папку. В ней были его документы: дипломы, аттестаты об окончании начальной школы, гимназии… Одни пятерки. Я обратила внимание на студенческий билет, выданный ему при поступлении в консерваторию на факультет театрального искусства.

– Получается, ты поступил туда в 59 лет. После *«Никто не хотел умирать», «Гойи», «Соляриса»?*

– Нужен был диплом о высшем образовании. Назначили руководителем театра, а у меня – школа-студия… Я всегда стремился быть первым. Учился с радостью, все предметы давались легко. За время обучения в школе получил только одну четверку, по математике. Подсказал учителю, как решить задачу. Тот стал доказывать, что я не прав. Поставил четыре. Класс выступил в мою защиту, но это не помогло. Я за эту отметку так переживал, что дома плакал, вспоминая наш с ним спор. Больше никогда четверок у меня не было. Разве что еще одна, за поведение. Из-за того, что не завершил в училище дипломную работу. Приняли актером-кандидатом в театр, и я уехал в Паневежис.

– А в школе у тебя было прозвище?

– Было.

Донатас вернулся к воспоминаниям детства. Не буду называть то имя, раз не упоминает его в своей книге. Безобидное.

– Знаешь, меня ученики прозвали Мисс Хадсон. Наверное, замучила их своими наставлениями, вот и получила. Может, еще какие-то были имена? Двойки-то ставила… Тебя родители поддерживали в жизни?

– Мое решение стать актером отец посчитал капризом. Говорил, что актерской профессией можно зарабатывать на жизнь, да у меня для этого нет никаких данных… Вначале судьба была сложной, но я пробился. А первый успех мне принесла роль Ясюся в пьесе Бинкиса *«Поросль»*. Пьеса тогда ставилась во многих театрах Литвы. После спектакля меня стали узнавать на улицах города, и это вдохновляло…

Я вспомнила четверостишие Ахматовой:

– Анна Ахматова как-то расстроенному из-за неурядиц Борису

Пастернаку написала: *«Здесь все принадлежит тебе по праву, стоят стеной дремучие дожди. Отдай другим игрушку мира – славу. Иди домой и ничего не жди».*

– А что Пастернак?

– Поцеловал ей руку и ушел домой.

Иди домой и ничего не жди… Донатас посмотрел задумчиво в сторону, как бы вспоминая прошлое, и я подумала, что его слава – это результат сочетания феноменальных способностей с неимоверным трудолюбием. Его творчество – это прикосновение к пульсу человека, сердцебиение с его сердцем, отчаяние с его отчаянием, радость и заблуждения с его радостью и заблуждениями. Внутри его созданные им образы, их плоть. Ты чувствуешь, какой это силы и какого таланта человек. Говорят, КТО-ТО ИЩЕТ ПОБЕД, А КТО-ТО В ПОБЕДАХ СМЫСЛА.

«Мир изменчив. И что бы и где ни происходило с нами – главное, люди. Их беды и радости. НУЖНО ПОМОГАТЬ ДРУГ ДРУГУ», – сказал Донатас.

…После обеда Донатас прилег отдохнуть, а я решила покататься на велосипеде. Поехала по направлению к телевизионной башне и оказалась у пешеходного моста. Мост соединял берега реки Нерис, за мостом находился огромный парк. Когда-то давно за тысячи километров отсюда я стояла на берегу другой реки и думала, что будет со мной лет через тридцать или сорок. И вот эти годы прошли. И представить тогда было невозможно, где я буду вспоминать те мгновения: в чужой стране, в том мире, где жил Донатас.

Зазвонил мобильник. Кто мне может звонить здесь? Только он.

– Я в парке. Сейчас приеду. Ветку нашла, похожую на змею. Привезти это творение природы?

Ну, что Донатас мог сказать мне в таком случае?

– Творение… вези…

– И в магазин заеду.

В магазине я купила два горшка с комнатными цветами, фрукты, кое-что из продуктов. Вернувшись с прогулки, пристроила *«змею»* на полку в кухне. А цветы поставила в его комнату на подоконник. Окно преобразилось.

Иногда с прогулок на велосипеде я ему привозила кленовые багряно-желтые листья осенью, летом – полевые цветы, землянику.

…Накрываю на стол. Донатас смотрит, как я это делаю. Завтраки, обеды, ужины, чаепития по вечерам. Казалось бы, что в этом такого? Я и сама не знала прежде, что самые обычные дела

могут быть полны значимости.

– Когда ты меня пригласил в гости, думала – опозорюсь. Отвыкла от готовки еды. Одна и одна. Готовить для себя не хочется. Я выписала рецепты и стала восстанавливать свои поварские навыки.

В еде Донатас был неприхотлив. Бережно относился к хлебу. Ни одна крошка со стола не смахивалась. Трудно ему было в жизни. Всего добивался сам. Он об этом рассказывал. Наверное, с тех времен в нем эта бережливость. С семнадцати лет полная самостоятельность, одновременно учеба и работа в театре, ночами осваивал профессию музыканта. Учился играть на аккордеоне и пианино. Вечерами подрабатывал, исполняя на танцплощадке шлягеры тех времен. Приходилось и во время гастролей театра исполнять музыку к спектаклям.

Огромное уважение вызывает его фанатизм в достижении своих целей, отношение к матери и отцу. Ни попреков, ни осуждения.

…Сегодня я познакомилась с сыном Донатаса. Он приехал навестить отца и почему-то не удивился моему присутствию. Я знала, что в детстве его младший сын снимался в кино, потом окончил ВГИК, стал режиссером. И еще я помнила эпизод из фильма *«Солярис»,* в котором он сыграл Криса Кельвина в детстве. Мгновения экранного времени, а образ ребенка с незамутненной чистой душой запоминается.

Я собиралась посмотреть памятный знак, установленный в честь Донатаса в одном из торговых центров, и Донатас попросил его подвезти меня туда на машине, поскольку ему это было по пути: *«Заблудишься еще».* Я бы не заблудилась. Но спорить с ним не стала.

Торговый и развлекательный комплекс впечатлил. Здесь можно было выпить в кафе кофе или чаю, распечатать фотографии, послушать музыку. Отправить с почтамта письмо, поколдовать над своей внешностью в салоне красоты, затовариться продуктами, приодеться… Как отыскать в этом огромном запутанном сооружении памятный знак? В информационной службе, куда я обратилась за помощью, мне объяснили, где он установлен и как найти галерею Славы.

В квадрате, изображающем фрагмент кинопленки, отпечаток ладони руки Донатаса. Своей ладонью прикасаюсь к ней. Вспоминаю его слова: *«В бывают такие повороты неожиданные. И понять не можешь как, почему?»*

На фотографии, сделанной мною в торговом центре, Донатас написал: *«МОЯ РУКА И СЕРДЦЕ ТЕБЕ, ОЛЬЕЕ».* Я посмотрела в его

глаза… Цвета осени, карие… Взгляд, забирающий душу, пронзительный и глубокий… Иногда он с такой теплотой смотрел на меня, что сердце замирало. На глаза наворачивались слезы. Счастья. Наверное, для кого-то покажутся несерьезными основания, из-за которых публичный человек в возрасте решается принять в свою жизнь человека из другой социальной среды. Основания, основания… Совершали вместе прогулки, смотрели передачи об искусстве, слушали музыку, разговаривали или молчали, ждали звонков друг от друга. Что скажут, подумают? Прочитанные книги, фильмы, реальные истории, рассказывающие о человеческих судьбах, самых невероятных встречах, убеждали меня – жизнь удивительна, и не надо оглядываться на тех, кто тебя не понимает.

– Ты сегодня не побрился. Лень?

– По-моему, я выгляжу замечательно.

Донатас так важно и в то же время с хитринкой посмотрел на меня, что я не удержалась и улыбнулась.

– А был бы еще красивее.

– Как скажешь.

– Завтра постригу тебя, и во всей красе пойдем гулять. Пока тепло, нет дождей, нужно шевелиться.

– Завтра, завтра.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Откуда у тебя шрам, справа, под щекой?

– Я тогда только начал работать в театре. Вовремя не обратился к врачу, и пришлось оперировать. Намучился.

О своей поездке на творческую встречу со зрителями Донатас больше не заговаривал, и я не стала расспрашивать что и как. Забыл, не забыл, какая разница. Я выглядела моложе своих лет и по сравнению с ним девчонкой. Да и статус мой для него был не совсем подходящий, вернее, совсем неподходящий. Стесняется. И все-таки, мудро выстраивая общение, он нашел нужные слова для равновесия в отношениях – вторая половинка. У меня появилось чувство защищенности в жизни. Так бывает, когда человек долгое время один. Потом эта ледяная глыба внутри тебя начинает таять. От теплых слов обращения к тебе, произнесенных с особой интонацией в голосе, от доброго взгляда, улыбки, шутки…

– Оля, зачем ты это сделала?

Боже! Как коротко я его постригла. Такую копну волос уничтожила.

– Извини. Отрастут. Хочешь, я под ноль постригусь?

Он рассмеялся, и я поняла – стричься мне не придется.

…Вы не поверите! Посмотрела в окно… какое-то существо, похожее на кошку, мчится через улицу к оврагу. В свете фонарей можно было рассмотреть длинное тонкое тело… Куница. Откуда она взялась в городе? Чудо! А впрочем, неудивительно. Здесь, рядом с высотными зданиями жилых домов, офисов и магазинов – район с деревянными старыми домами. Много незастроенного пространства, пустырей, и не очень далеко отсюда возвышенности, покрытые лесом.

В контрасте между новыми и старыми застройками соприкасаются настоящее и прошлое. Повод для размышлений? О чем? Все о том же, о старом и новом, о времени и о людях.

В Вильнюсе есть необычные скульптуры. Они сделаны из стали и размещены под мостами… одна из них установлена на Белом мосту. Скульптуры символизируют прошлое, настоящее и будущее Литвы, пережитое народом. *«Спираль времени»* — символ бесконечности и движения вперед, *«Кольцо»* — власти, преданности родине, человеческой верности, *«Корабль-полумесяц»* — продолжения жизни, *«Яблоко»* — знак королевской власти и начала государственности Литвы, *«Цепь»,* из двух колец – символ утраты независимости, обретения твердости духа в борьбе за свободу, *«Лучкопье»* — символизирует победу, храбрость, национальное возрождение.

…Донатас рано ложился спать. Где-то в полдесятого вечера, иногда в десять. Среди ночи просыпался. Что-то заболело, захотелось пить. На столике рядом с диваном всегда были приготовлены лекарства, минералка или чай, заваренный из аптечной ромашки. На листке бумаги я записала номера телефонов родных Донатаса, на всякий случай. Уснуть потом у меня не получалось, и тогда я включала DVD и смотрела его фильмы или читала книги. Просмотрев его библиотеку, я выбрала то, что меня заинтересовало. Книги о Юозасе Мильтинисе, об Андрее Тарковском, воспоминания Донатаса *«Я с детства хотел играть»* и дневник шведского актера Эрланда Юзефсона *«Роль».* На первое время, думаю, достаточно. Как-то обнаружила в его киноколлекции диск с фильмом Грикявичюса *«Чувства».* Посмотрела. В нем снимались замечательные актеры и была потрясающая музыка, передающая ощущение тревоги и нежности. Чувства разделили людей на своих и чужих, друзей и врагов, любимых и нелюбимых. Отторжение – притяжение, любовь – ненависть. Как примирить правых и виноватых?

«…Побыть среди других, коснуться кого-нибудь, обвить рукой слегка его или ее шею на миг – или этого мало? Есть что-то в общении с людьми, в их виде, в касании, в запахе их, что радует

душу. Многое радует душу, но это – особенно сильно».

Так думал о чувствах Уолт Уитмен.

– Почему я не врач, не медсестра? Что толку от моего педагогического образования? Тебе нужно у врачей наблюдаться. Ты с сыном поговори. Подлечишься.

– Ничего не поделаешь – это старость.

– Хочется помочь тебе.

– Ты рядом и этим мне помогаешь.

Он чувствовал, что уходят физические силы, жизненная энергия, слабеет разум.

– У меня иногда каша в голове. Старость – не радость.

– У меня тоже иногда в голове каша. Столько информации приходится осмысливать. В твои годы нормально это… Я до таких лет не доживу.

– Мои родители не были долгожителями, а вот дед прожил сто два года. Сестре сейчас девяносто.

Донатас рассказал о том, что после ухода из жизни Оны у него стало сдавать сердце и ему поставили кардиостимулятор.

Глава 4

– Что ты там все пишешь? – спросил Донатас, увидев, что я, уединившись в комнате, что-то записываю в блокнот.

– То, что ты мне о себе рассказывал. Для книжки.

– Можно посмотреть?

– Я написала предисловие, наметила план, остальное – пока разрозненно. Есть распечатанный текст. Два листа. Почитай, если что не так, подумаю над этим.

…Донатас начал читать. Читал долго, внимательно, и я пошла на балкон. Там у меня было любимое место для размышлений, широкое перекрытие верхней части балконного выступа, на котором можно удобно устроиться и думать о своем.

Я часто с балкона смотрела на кирпичный дом на противоположной стороне улицы. В нем с наступлением темноты никогда не загорался свет. Можно было бы подумать, что там никто не живет, но по утрам из дверей дома выходили неприкаянные с виду люди, медленно прохаживались перед домом, потом куда-то исчезали и снова появлялись.

ВДАЛИ ВИДЕН СТАРЫЙ ГОРОД, С СИЛУЭТАМИ СОБОРОВ, ДОМОВ. В нем незримо присутствует прошлое. Дух тех далеких времен, который можно ощутить в сохранившейся архитектуре старины. Стены домов, с фрагментами обвалившейся штукатурки, узенькие вековые улочки, вымощенные булыжниками, арочные перекрытия между домами, уютные дворики создают ощущение сказки. Окна первых этажей домов словно витрины. На них цветы, игрушки, лампы, зеркала. Свет ламп преображает окна. Они приобретают таинственный вид, притягивают взгляд. Таким я увидела город ночью, когда с вокзала на велосипеде добиралась до дома Донатаса.

Однажды Донатас спросил, была ли я в костеле Святой Анны. Рассказал о художнике, который подарил ему картину с изображением этого костела. В школе на уроках, посвященных современной живописи, с творчеством художника мы знакомились. Узнав, что в другом городе проводится выставка его картин, специально съездила, чтобы посмотреть выставку. Непосредственное восприятие произведений искусства дает возможность глубже передать ощущение и понимание того, о чем рассказываешь на уроках.

Донатас достал из книжного шкафа книгу, называлась она *«Вильнюс. Путеводитель»,* и перевел с литовского языка информацию, связанную с описанием костела. Мне захотелось узнать, что рассказывается в этой книжке о городе, и в книжном

магазине я купила точно такую же на русском языке. Прочитала ее в поезде. Удивительный город, ставший частичкой души, но без Донатаса для меня он мираж.

Донатас нашел меня на балконе.

– Вот ты где. Упадешь. Опасно так сидеть.

– Не волнуйся, не упаду.

– Не шути.

Я послушала его и перебралась на табуретку.

– Ты это сама написала?

– Сама.

– Пиши.

Книжка? Громко сказано, и выше себя не прыгнешь. А мне так хотелось, чтобы Донатас поверил в меня. Я стала собирать материал о его творчестве в белорусском кино, просматривать его фильмы. Донатас рассказал о том, у кого он снимался, в каких картинах. Фильмов, снятых в содружестве с белорусскими кинематографистами, у него было семь: *«Жизнь и вознесение Юрася Братчика», «Ятринская ведьма», «Шляхтич Завальня», «Проклятый уютный дом», «Аппиева дорога».* Картины *«Без улик»* и *«Страх»* были сняты Зигмунтом Маляновичем, известным польским актером. Сыгранная Донатасом роль инспектора в фильме *«Без улик»* для меня стала открытием, запомнилась. *«Страх»* на экраны не вышел. После смерти второго режиссера Владимира Иванова съемки почти уже отснятого фильма были прекращены. Интересно, но где-то же хранится этот фильм? Можно было бы вспомнить и о снятой на *«Беларусьфильме»* картине *«Живая мишень».* Но Донатас назвал только те семь фильмов.

Его воспоминания укладывались, если говорить об объеме записанного мною, от силы в очерк. Работа приостановилась. Отступить, бросить начатое не могу… Как ни странно, моральную поддержку, если так можно выразиться, я нашла в стихотворении Иосифа Бродского *«Одиночество»:*

> Лучше поклоняться данности с короткими ее дорогами,
> Которые потом до странности покажутся тебе широкими,
> Покажутся большими, пыльными, усеянными компромиссами,
> Покажутся большими крыльями, покажутся большими птицами…

…Идет дождь. Ветер срывает листья с деревьев. Сухие листья, втянутые в Вечность.

Они зависают на мгновение над землей, а потом, медленно кружась, падают на землю. Яркие краски природы становятся блеклыми. Серые силуэты деревьев, как памятники-монументы, возвышаются над полем битвы Жизни со Временем. Мысли тяжеловесны, и лишь усилием воли ты можешь изменить свое состояние, представив, что над плотной завесой облаков есть солнце.

– Донатас, посмотри в окно.

– Что там?

– Осень… Видишь березу напротив дома? Еще вчера она была в листьях, а сейчас ни одного листка. Одинокая и озябшая, как это бывает с людьми.

Зачем я напомнила ему о печальном? Не подумав о мироощущении старого человека, о его Осени. Завтра куплю букет цветов и поставлю его в вазу на окно, пусть напоминает о лете.

Осень для меня – самая поэтическая пора. Чувствуешь, как время замедляет свое *«движение».* Прислушиваешься к себе. Последняя осень XX века: дожди, листопады, ничего необычного и не было-то, кроме одного – это последняя осень века, и я запомнила ее дни, когда *«улетали, не прощаясь, птицы… словно дети носились ветра, а за окном были немыслимые краски и ночь, прикрытая синевой…».* Что это я расчувствовалась? Осень, осень…

Понятно, что трава не может смеяться, черная дыра хандрить, сентябрь сентябриться… Все это в голове и в душе у людей. В руках у меня тоненькая книжка. Стихотворения Бориса Пастернака. Донатас дал почитать, сказал, что привез ее из Америки. В те времена такие книги в стране в продаже были редкостью. *«Февраль. Достать чернил и плакать! Писать о феврале навзрыд, пока грохочущая слякоть весною черною горит…»* Писать о феврале навзрыд…

Я спросила Донатаса:

– Чья поэзия тебе нравится?

– Шекспира.

– А из литовских поэтов?

– Витаутаса Мачерниса…

– В твоих мемуарах есть история гибели одного поэта. Это он?

– Да. Много лет прошло, а день, когда он погиб, помнится… Такая судьба у человека.

«Я вижу поколенье в предков комнате сегодня ночью, но вот пришел уж назначенья час. В глухой тиши часов удары ледяные прозвучали. И я встаю и открываю дверь. В лицо мне дышит темнота».

Заканчивается срок визы. Начинаю собираться домой. Часть вещей оставляю у Донатаса.

– Сколько дней визы осталось?

Не хочется даже произносить это: *«Два дня».* Произношу:

– Два дня.

– Мы же подали прошение.

– Не волнуйся, если не дадут новую – перейду границу. Тайно.

– Ты все шутишь? И кто придумал эти границы?

– Историческая необходимость.

Но вопрос с очередной визой был решен положительно.

…Настал день моего отъезда домой. Донатас настоял на том, чтобы оплатить мне дорогу, и дал денег на жизнь. На этот раз я соглашаюсь, потому что брала месяц на работе за свой счет, после отпуска, и жить будет не на что. На листке бумаги пишу послание: *«Донатас, доброе утро! Не засиживайся дома, выходи на улицу. Не забудь поливать цветы. Скучаю по тебе. Ольга».* В почтовый ящик опускаю листок бумаги с написанным текстом. Завтра Донатас получит его вместе с почтой. Чтобы не надрывать сердце, стараюсь виду не показывать, что тяжело на душе.

На велосипеде добираюсь до вокзала. Проезжаю мост, Старый город. По дороге останавливаюсь у костела, названного в честь христианской святой. Захожу внутрь. Тишина и умиротворение. Во времена моего детства, юности в нашей семье, да и во многих других семьях, о вере в Бога не говорили. Религиозные праздники мы не отмечали, в церковь не ходили, икон дома не было. В школе периодически проводились атеистические диспуты, и учителя убеждали нас в том, что религия – невежество, мешает человеку быть хозяином своей судьбы. Как она может мешать этому, мы не понимали. Я иногда посещала церковь, чувствуя в себе желание побывать там, но никто об этом не знал. Помню, я принесла в дом скульптурное распятие Христа. Его подарила мне одна женщина в церкви. Отец накричал на меня:

– В моем доме чтобы этого больше никогда не было! Не заигрывай с религией, попадешь в секту. Бога нет.

Я заплакала от обиды и спросила:

– А что есть?

– Природа.

– Кто ее сотворил?

– Жизнь самозародилась.

Непонятно. Через много лет, на пороге болезни и смерти, отец повесит на стену икону. Без молитв и просьб о помощи свыше он будет смотреть на нее, и в его глазах я увижу

успокоение.

…Я вышла из костела. До отправления поезда оставалось около часа. Можно не торопиться. НО ХОЧЕТСЯ ОПОЗДАТЬ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ.

В вагоне очень душно. После проверки документов я беру рюкзак и отправляюсь в тамбур. Там прохладно. Устраиваюсь на рюкзаке, на полу тамбура. Теперь можно подремать или почитать журналы, чтобы скоротать время. Листаю журналы, а мысли о другом. Я уже скучаю по Донатасу. И ощущаю беспокойство в душе. Как мои дети, внук? У Максима родился сын. Я – бабушка. Жизнь прожита не зря – дождалась внука. Такой красивый малыш, спокойный и на Максимку похож. Возьмешь на руки, прижмешь его к себе, надо же, уже улыбается. Я навещаю его. Не так часто, как хотелось бы… Чувствую свою вину. Как я могу жить для себя? Но у детей своя жизнь, приедешь погостить, и домой.

– Мама, ты идеализируешь людей. В жизни все не так.

– Я знаю. И что делать, грызть всех?

– В твоей профессии?

– Везде одно и то же. Конкуренция, недоверие друг к другу. А если душу откроешь… потом и сама не рада этому.

– Приспосабливайся.

– Родители не научили.

…Перед отъездом к Донатасу я вымолила в школе такое расписание своих уроков, чтобы можно было за четыре дня вычитываться и в четверг добираться до Вильнюса. Я не сразу нашла оптимальный вариант. С автобуса на поезд, с поезда на автобус. Бегом с одного вокзала на другой. Дорога была каждая минута. Опоздаешь, будешь сидеть ночь на вокзале. И такое бывало. От велосипеда пришлось отказаться, я теряла время, разбирая и собирая его на этих вокзалах. Оставила велосипед дома. Ездила на нем на работу и по другим делам.

– Сколько километров от твоего дома до Вильнюса?

– Не знаю. Я об этом не думала.

– Не забудешь привезти карту своей страны?

– Обязательно привезу.

Донатасу было интересно знать, где я живу, сколько времени у меня уходит на то, чтобы домой добраться, и я привезла географический атлас. Показала ему маршрут своих перемещений. Как оказалось, на расстояние в 447 километров в одну сторону.

…Букет цветов на окне завял. Снова напоминание о Времени. Миг и Вечность. От этих мыслей душа холодеет. От чего зависит ощущение времени? От того, ЧТО человек переживает – радость

или печаль. Радость радужна, улыбчива, притягивает, как солнце, печаль как одна и та же нота в миноре… монотонно-безжизненна… Время словно зависает над тобой.

– Донатас, пойдем на улицу? Погода отличная. Потеплело.

– Почему бы и нет? Посмотри, нужно ли что купить из продуктов. Запиши.

– Я запомню. В аптеку сама потом съезжу на велосипеде…

На улице к нам подошел сосед Донатаса. Очень общительный, жизнерадостный человек. Любопытный. Все допытывался, такая разница в возрасте с Донатасом, что за дружба. Чтобы не приставал с расспросами, ответила: *«У нас все в порядке».* С соседом Донатаса я подружилась. Донатас иногда звонил ему по разным делам: как бы во дворе установить скамейку, что-то случилось с телефоном, стиральной машиной. И он никогда не отказывал Донатасу в просьбе, приходил и разбирался в его житейских вопросах. По утрам он бегал на зарядку, как и я, но маршруты наших пробежек расходились: он к озеру, я к набережной, к парку и киностудии. В тихий, спокойный район с разнообразными домами: обжитыми и оставленными кем-то. Ветхими и новыми, блистающими стеклами огромных окон. Деревянными и каменными, с каминными и печными трубами, чердаками, мансардными крышами. Роскошь и заброшенность – все рядом.

…В то утро мне совсем не хотелось делать зарядку. Пасмурно. Походила по берегу реки, потом присела на скамейку. Вдалеке был виден Зеленый мост, за ним Замковая гора с башней. Город проснулся. Люди спешат на работу. Некоторых людей, бегающих по набережной, я знаю. Здороваемся при встрече. Кто-то, приветствуя, машет рукой:

– Что-то вас не видно было.

– Я к парку Вингис бегаю.

– Удачного дня.

– Спасибо. Вам тоже.

Удачного дня? Все дни удачны, если твои близкие живы и здоровы. А если взгрустнется – можно в любое время дня и ночи позвонить друзьям детства: *«Мне тут взгрустнулось что-то».*

Когда вечерами звонила Донатасу, он за каждый звонок благодарил: *«Спасибо, что позвонила. Пойду спать спокойно».* Я ему в ответ на его звонки: *«Спасибо, спасибо…»*

– Донатас, что ты читаешь?

– Прислали текст роли.

– А кого будешь играть?

– Священника.

Текст на три страницы. Напечатано на русском языке.

Донатас дал мне прочитать его, а потом попросил достать с полки энциклопедию.

– Посмотри том на букву «А».

– Какую информацию найти?

– Аппиева дорога.

– Когда-то вдоль нее были казнены восставшие рабы, захваченные в плен римлянами… Дорога мучений.

– Ты больше меня знаешь.

– Просто ты забыл. Может, энциклопедия не нужна?

– Мне нужно самому посмотреть, что написано. Доставай.

Донатас нарисовал схему дороги: где она начиналась, заканчивалась, сколько километров была протяженностью. Он досконально изучал справочный материал, и я вместе с ним погружалась в историю этой дороги, существующей уже более двух тысяч лет. У меня сохранилась копия тех листов с его пометками: с проставленными над словами знаками ударения, надписями с уточнением смысла некоторых слов… Я храню их, перечитываю и вспоминаю… С диктофоном в руках Донатас репетирует роль священника. Прототипом его героя послужил реальный человек. Роль небольшая, но за ней образ мужественного человека, вера которого помогла ему выстоять во времена закрытия костелов и преследования верующих. Чтобы не мешать Донатасу своим присутствием, я ухожу в другую комнату. Сижу там не шелохнувшись, потрясенная переменами, которые происходят с его голосом. Воочию представляя себе умирающего и не боящегося смерти человека, сохранившего присутствие духа, сочувствие к людям и понимание людей…

– *«Ты надоел мне своими вопросами. Еще тогда в семинарии. Больше всех хотел знать, школяр? И сегодня у тебя их тьма. Тех вопросов, на которые ответа нет…»*

Мне хочется плакать.

– *«…Все должно было кончиться еще вчера. Я знал это. Закончил свои дела. Простился со всеми. Но почему-то Бог не призвал меня в тот день. Прошла ночь. Взошло солнце. А я тут лежу и думаю, ради чего он дал мне еще один день?»*

– Съемки будут на киностудии?

– У меня на квартире. Тяжело уже куда-то выезжать. Ты же знаешь.

Как сказал потом Донатас, на всю работу планировалось два дня, сняли в течение нескольких часов.

Вспомнился рассказ о его подготовке к другой роли. Был праздник. Семейное торжество с друзьями. Как уединиться, чтобы выучить роль? Пришлось разыграть окружающих и неуверенной походкой удалиться в комнату, чтобы там поучить текст. Кто в

такой обстановке думал бы о работе?…Донатас как-то назвал себя баловнем судьбы. Спорно. Если бы не его решительность в выборе своей профессии, не упорство в достижении своих целей, что судьба могла бы преподнести ему?

В тот же день, когда Донатас репетировал роль священника, кто-то позвонил на его домашний телефон. Через пару минут он позвал меня. Звонили из Лондона, из редакции новостей Русской службы Би-би-си. Попросили его ответить на вопросы читателей по телефону. В прямом эфире.

– Сколько времени займет разговор? – спросил он.

– Тридцать – сорок минут.

– По телефону будет трудно.

Донатас решил отказаться, и я предложила ему свою помощь.

– Я запишу вопросы, ты ответишь на них, и потом я распечатаю и перешлю ответы по электронной почте в редакцию.

– Хорошо.

Донатас передал мне трубку телефона, и я продиктовала свой имейл. Журналистов такой вариант интервью с ним тоже устроил.

…На работу ушло чуть больше трех часов: обсуждали вопросы. Я записывала его ответы, озвучивала их, он слушал, как воспринимается текст. Что-то добавлял, сокращал. Эти черновики того интервью я сохранила. На вопросы, которые Донатас посчитал глубокими по смыслу, отвечал с интересом и с похвалой людям, задавшим их. Четырнадцать вопросов о том, что он думает о современном прибалтийском кинематографе, распаде СССР, о том, какие фильмы для него были судьбоносными, сожалеет ли о чем-то в своей жизни. *«Сожалею о многом, только не о выборе своей профессии»,* – сказал Донатас.

Он не воздевал к небу руки, спрашивая, что происходит в мире. История – это чередование периодов упадка и подъема культуры. И каждый подъем на новую ступень – звено на пути ученичества людей. Все закономерно. На смену времени разбрасывать камни приходит время их собирать. Нет тупиков. За, казалось бы, непреодолимыми стенами противоречий и проблем мира есть путь к взаимопониманию людей, к их единению. Своим личным примером доказал это. *«Русский, литовец, немец, американец, испанец, швед… Он – Человек всех национальностей. Донатас Банионис всегда играет Человека».* Так сказано в его мемуарах Еленой Мезгинайте. Я пересмотрела свои стихи, удалив те из них, которые посчитала поверхностными и за которые стало стыдно. Донатаса заинтересовало одно из сохраненных стихотворений, которое я прочитала ему. Попросил записать стихотворение на листок. Положил его на стол в кухне.

И иногда перечитывал написанное. Я это видела.

…Навсегда исчезают люди, словно не было и не будет тех миров, где они дышали, где любили, детей рожали. Как смириться со смертью близких? Как привыкнуть к тягучей скорби?

В небе души – живые птицы. На Земле же они безмолвны.

«Живешь – ее нет, – сказал он о смерти, – *и не надо о ней думать. Взращиваешь в себе печаль и страх перед тем, чего не знаешь… Сколько я еще проживу? Год, два, от силы десять лет? Я не знаю этого, и слава богу».*

– А как же память? Тот, кто останется, будет помнить… любить.

– И мучиться. Не будем говорить на эту тему.

– Не будем.

Думай не думай, итог один – небытие. Лучше исповедовать философию жизни и не унывать.

«…Я обернулся. Розовая занавеска пылала, как будто подожженная сверху, четкая полоса голубого огня стремительно расширялась. Я отдернул занавеску, и в глаза ударило пламя гигантского пожара, который занимал треть горизонта. Волны длинных густых теней неслись к Станции. Это был рассвет… на небо всходило второе голубое солнце планеты».

Я снова перечитываю *«Солярис»*. Когда-то в юности после встречи с Фильмом я бросилась искать книгу Лема. В библиотеке не оказалось, но, к моему счастью, я нашла ее в книжном магазине. Помню, как взяла ее в руки. Книга была в переплете, светло-серого цвета, без иллюстраций. Я посмотрела текст на последней странице.

«…Итак, года среди предметов, вещей, до которых мы оба дотрагивались, помнящих еще наше дыхание? Во имя чего? Надежды на ее возвращение? У меня не было надежды. Но жило во мне ожидание, последнее, что у меня осталось от нее. Каких свершений, издевательств, каких мук я еще ожидал? Не знаю. Но я твердо верил в то, что не прошло время ужасных чудес».

Что можно было понять в шестнадцать лет? Загадочная планета Солярис, незваные *«гости»* на станции. Самоубийство Хари, *«подарок»* Соляриса Крису в фильме – отчий дом посреди Океана. Может быть, этот дом – попытка помочь Крису принять решение вернуться на Землю?

Книга и фильм слились для меня в единое целое.

…Донатас предупредил по телефону, что дверь на ключ не будет закрыта, и я тихонько, приоткрыв ее, вошла в прихожую. Постояла в тишине. Вдыхая запах дома. Вернее, еле уловимый

запах чистоты комнат, одиночества. Раннее утро. Предрассветный час.

– Не спишь?

На цыпочках подхожу к дивану. Поправляю одеяло. Донатас открывает глаза.

– Который час?

– Около шести.

– Ты пешком добиралась?

– Да.

– Отдыхай.

– Замерзла, пока шла. Пойду на кухню чай вскипячу. А почему ты сбрил усы?

– Для роли.

– Так даже лучше, правда.

Несмотря на усталость, я заставила себя пробежаться до парка. Вернувшись, прибрала в доме и стала готовить обед.

– Ты отпустишь меня завтра в Паневежис? Посмотреть, где ты жил, работал.

– Поезжай. Соседа попрошу, он тебя отвезет.

Я собиралась самостоятельно решить этот вопрос, но так быстрее вернусь. Если, конечно, сосед не откажется от поездки.

– Тебе будет нелегко что-то найти.

– Я из твоей книги выписала названия улиц: Лиепу-аллея, Театрос, Стотис, Укмяргес… Куплю карту города.

– Позвоню коллегам.

– Неудобно беспокоить людей.

– Посмотрим.

Его неравнодушие, желание во все вникнуть, во всем разобраться меня уже не удивляли. Каким он был тридцать, сорок лет тому назад? Легким на подъем, энергичным? Достаточно вспомнить географию его путешествий: бывшие республики СССР и страны Европы. США, Куба, Китай, Япония, Индия, Эфиопия, Сирия. В Дамаске снимался в фильме *«Загон» («Европейская история»),* на Крайнем Севере, за Салехардом, в *«Территории»,* побывал даже на четвертой параллели, почти на Северном полюсе, во время съемок советско-итальянской картины *«Красная палатка».* История экспедиции Нобиле на Северный полюс на дирижабле *«Италия»,* потерпевшем крушение, и есть история фильма. Трагическая. О мужестве и предательстве, о солидарности и равнодушии людей. Получив приглашение на роль Мариано, Донатас, как он рассказывал, впервые выехал за границу, в Италию. О том времени съемок фильма напоминают сохранившиеся в его архивах фотографии генерала Умберто Нобиле, актеров: Юрия Визбора, Эдуарда Марцевича, Питера

Финча, Марио Адорфа… режиссера Михаила Калатозова.

Каким был Донатас? Об этом могут сказать близкие, друзья, его коллеги. Я вижу только отблески его личности ПЕРЕД ЗАХОДОМ СОЛНЦА и вижу свое личное, пережитое.

…На просьбу Донатаса откликнулся один из его бывших коллег, согласившийся уделить пару часов на экскурсию. Чтобы настроиться на встречу с городом, перед поездкой я прочитала *«Секреты Паневежиса»* Натальи Крымовой и посмотрела на диске *«Солярис»,* в разделе *«Дополнения»* — документальный фильм *«Мастер из маленького городка».* В фильме была показана сцена репетиции Донатасом роли Бекмана из пьесы Вольфганга Борхерта *«Там, за дверью».* Диалог между ним и Мильтинисом. Донатас в этой сцене эмоциональный: спорящий, неспокойный… Приведу слова Натальи Крымовой из ее книги о съемках репетиций спектакля: *«Это фильм о людях, работающих в поте лица своего, о бесконечно сложном, неведомом зрителю пути к результату… Разговаривают художники – люди, привыкшие друг к другу. Делают то, что делают всю жизнь вместе, изо дня в день. И оба бесконечно недовольны – собой и друг другом… Трудно, очень трудно. Все – через сопротивление, в себе и в других, все в муках…*

– Я никак не могу этого освоить. Бог – что это такое? Как мне говорить с ним?»

Из воспоминаний Донатаса о работе в спектакле: *«Я был на грани нервного срыва, потери последних сил, физических и духовных».*

…Подъезжаем к Паневежису. Сосед Донатаса отлучается по своим делам, я же с цветами в руках в назначенном месте жду актера. Волнуюсь, оттого что увижу сакральную для меня территорию театрального мира и жизни Донатаса.

Паневежис я представляла уютным, компактным городком, с множеством соборов и зданий, напоминающих здания Старого Вильнюса. Но все переплетено в его облике: национальное и советское, современное и вековое, провинциально-сельское и индустриальное. Паневежис! Произносишь название и понимаешь, насколько прочно в сознании оно укоренилось с именами Юозаса Мильтиниса и Донатаса Баниониса. В этом городе он 60 лет прослужил в театре Мильтиниса. Отсюда уезжал на съемки к Тарковскому, Жалакявичусу, Козинцеву, Вольфу… Здесь встретился со своей будущей женой, и здесь родились и выросли его дети. Театральные роли Донатаса мне были неведомы. Не помню источника, но где-то прочитала. Отыграв спектакль, Донатас возвращался домой, переодевался, садился пить чай. А зрители продолжали аплодировать ему, не

расходились. Миф? Спросите об этом у тех людей, кто помнит его театральное творчество.

В четырехэтажном доме на улице Укмяргес, бывшей улице Гагарина, Донатас прожил тридцать шесть лет. Рядом с домом уютный парк, речка Невежис. По рассказу соседки Донатаса Иоланты, по утрам его можно было увидеть в парке делающим зарядку. За домом тропинка, по которой он ходил на работу в театр. А в южной части города, в конце Кафедральной улицы находится главный католический собор Паневежиса, собор Христа Вседержителя. 3 мая 1948 года в нем проходило венчание Донатаса и Оны Конкулявичюте. Через пятьдесят лет снова в этом же соборе ОСВЯТИЛИ их уже золотую свадьбу.

…Я не успевала впитывать впечатления. Сфотографировала дом, тропинку, собор и старое здание театра. Надпись на памятной доске на одной из его стен напоминает, что здесь в период с 1941 по 1967 год был драматический театр. Когда-то в нем находились сцена, три гримерные комнаты, зрительный зал на 330 мест. Сегодня же разместился маленький магазинчик по продаже аккумуляторов и отделочных материалов. А где же новое помещение театра? Оказывается, на площади *Лайсвес,* Свободы. Я увидела ничем не примечательное современное здание. Рядом памятник Юозасу Мильтинису. *На постаменте в виде сцены установлено скульптурное изображение сидящего на стуле человека, погруженного в свои мысли.* Внутреннее оформление, как и во многих театрах: портреты актеров, графика на стенах, афиши. В фойе огромное декоративное красочное дерево. Поднимаемся в гримерную комнату. Справа на стене комнаты портрет Стяпаса Космаускаса… Вот столик, за которым Донатас гримировался, готовясь к выходу на сцену. Благодарю судьбу за возможность постоять на ней. Что я чувствовала, что видела? Слабый свет. Полутемный зрительный зал. Никого. И в то же время в сознании ощущение присутствия людей: зрителей и актеров. Аплодисменты, аплодисменты… Зрители расходятся. Гаснет свет. Театр пустеет. Но остается не уничтожимое временем духовное поле тех, кто здесь творил.

Мы вышли из театра. Я посмотрела на город… в последний раз. Время торопило. Вернусь ли сюда когда-нибудь? И к памятнику королю Александру, к памятнику Андерсену у кукольного театра, к статуе Дон Кихота?

На экскурсию ушло не два, а четыре часа. И я очень благодарна этому замечательному человеку, познакомившему меня с городом.

…Вернувшись из поездки, я рассказала Донатасу о своих впечатлениях от увиденного, показала снимки. Несколько

фотографий были сделаны у дома Бронюса Бабкаускаса: мемориальная плита с барельефом актера на стене дома, окна его квартиры… Актера я помнила по ролям в фильмах *«Хроника одного дня», «Никто не хотел умирать», «Девочка и эхо».*

Донатас разволновался:

– В пьесе *«Гедда Габлер»* я играл Тесмана. Искал детали, как раскрыть суть этого образа. Что-то не получалось, и Бронюс показал, как бы это могло быть. Роль выстроилась… Мильтинис не знал, что Бронюс помог мне, остался довольным: *«Вот видишь, можешь, если захочешь».* Большой утратой для нас в театре был уход Бронюса из жизни. Доброта, скромность, талант… Судьба трагична. Сломал позвоночник. Потом сказались осложнения после травмы. Начал терять память. Ушел из жизни по своей воле… Мильтинис никого особенно не выделял. Бронюс был лучшим.

…МИР ТЕАТРА! Здесь можно плакать и смеяться, любить и ненавидеть, побеждать и проигрывать. Можно быть королем и слугой, богатым и нищим, философом, шутом, воином… и даже человеком в шляпе. Была у Донатаса такая роль. В спектакле *«Завтрак с незнакомцами».* Театр – храм культуры, в котором открывается понимание в себе человеческого. Думаю, театр, как никакой другой вид искусства, способен воспитать личность.

Просматриваю список театральных ролей Донатаса. Дебют – роль слуги в спектакле по пьесе Бена Джонсона *«Вольпоне»,* последняя сыгранная роль в его родном театре, – Варклей Купер в спектакле *«Дальше – тишина».* Пронзительная до боли история о том, как дети разлучают стариков родителей. Привязанность друг к другу, любовь – единственное, что осталось у этой пожилой пары, дальше придется уступить место завтрашнему дню. Старикам там нет места.

За свою творческую жизнь Донатас сыграл в 93 спектаклях и снялся в 81 художественном фильме, в двух документальных: об Адаме Мицкевиче и Микалоюсе Чюрленисе. Был снят на пленку спектакль *«Алоиза и Абеляр»,* в котором у него была роль священника.

…Пока Донатас читает газеты, я подсчитываю проставленные в паспорте дни въезда в страну и выезда из нее. На некоторых штампах числа нечеткие, можно запутаться с ними. В период предыдущей визы я на один день ошиблась при подсчете, и получилось так, что утром приехала, а вечером уже уезжать. Пограничник, проверяющий паспорта, предупредил: до двенадцати часов ночи я должна буду покинуть страну. Срок визы заканчивается.

– Что делаешь?

– Считаю дни визы.

– Все нормально?

– Да. Можно на какое-то время о сроках визы забыть.

Донатас взял меня за руку:

– Пойдем.

– Куда?

– Увидишь.

Мы зашли в соседнюю квартиру. Там никого не было. Прошли в комнату. Донатас сел за пианино. Пробежал пальцами по клавишам. Настроился. Не помню, чтобы в каком-то из своих фильмов он играл на пианино. Песня была о любви. Я не пыталась запомнить слова, мелодию песни, завороженно смотрела на его руки, вслушивалась в голос. Он пел сердцем, душой. Даже не могу выразить словами, что я чувствовала.

– А какой композитор для тебя самый, самый?..

– Бах.

– А Бетховен?

– И Бетховен. В фильме Земана Бетховена я играл на немецком языке. Жил в немецкой семье. Общение помогало в работе.

У Донатаса была книга о Бетховене. Прочитала. Воспоминания современников композитора, отрывки из его писем… его рассуждения о творчестве, музыке, людях, о самом себе, хронологически выстроенные от рождения и до его смерти. В сознании сложился образ противоречивого, моментами мелочного, сильного духом и великого человека. Посмотрела фильм. Именно посмотрела. Не понимая разговоров на немецком языке. Сосредоточив внимание на интонациях голоса, мимике лица Донатаса. Голос неузнаваем. Вероятно, роль озвучена другим актером. Лицо – гнев, страсть, недоверчивость, доброта, отстраненность от мира и напряжение мысли. В воспоминаниях о Бетховене его ученика, Фердинанда Риса, видится тот же образ одержимого творчеством гениального человека. *«Во время одной из прогулок он всю дорогу бормотал про себя, не напевая, однако, определенной мелодии. На мой вопрос, что это, он ответил: „Мне пришла в голову тема заключительного аллегро для сонаты”. Когда мы вошли в комнату, он, не снимая шляпы, побежал к роялю. Я сел в угол, и он вскоре забыл о моем присутствии. Он бушевал по крайней мере целый час, разрабатывая новый, столь прекрасный финал этой сонаты».*

Какой сонаты? № 23. *«Аппассионаты».*

Музыка и жизнь в ее житейских трудностях и лишениях, в борьбе с судьбой – две стороны бытия гения. И ничто не умаляет

его величия.

«Я сейчас умру», – сказал когда-то Донатас, играя роль Бекмана.

…Без велосипеда мне непривычно и неудобно. Много времени тратится на походы на рынок, в магазин, аптеку. Выручил сосед Донатаса. У него оказалось такое их количество, что нашелся и для меня. Велосипед я оставляла на балконе, иногда в прихожей. Убирала его под покрывало, но штукатурку на стене в прихожей все-таки повредила. Сосед предложил ставить велосипед к нему в подвал. Проблема была решена.

– Ты куда? – спрашивает меня Донатас.

– Пробегусь до парка и обратно.

– Не пущу. На улице темнеет.

– Тогда я не до парка побегу, а сделаю пробежку вокруг домов. Я быстро.

– Ты меня своей волей убьешь. Все равно не пущу.

– Я не понимаю, ты шутишь или нет?

– Можешь сегодня не бегать?

– Ладно.

Придется по вечерам отказаться от зарядки. Но совсем без спорта я не могу. Привыкла к большим физическим нагрузкам. Особенно когда увлеклась велотуризмом. Спортом занималась моя мама, профессионально: лыжи, коньки, плавание. Был у нее и рекорд в гребле на байдарке, на всесоюзных соревнованиях во Львове. Она научила меня плавать, кататься на коньках… Закалили физически, добавили выносливости и поездки с отцом на рыбалку на горные речки, в тайгу за кедровыми орехами… Если бы не надоедливая мошкара, можно было бы и сказать: *«В лесу, как в раю».*

– Нужно купить тебе велосипед. Чтобы был собственный, здесь.

– Я на свои куплю.

– Сними с моей карточки нужную сумму. Я отказалась, но к этому вопросу Донатас вернулся через неделю, потом еще и еще через неделю… И я не устояла перед искушением. Новый велосипед! О таком и не мечталось. Не должны были деньги никоим образом затрагивать наши отношения, и в душе я почувствовала дискомфорт. Как будто присвоила что-то чужое. Но как я кляла себя за то, что не уберегла его. Не проверила велосипедный замок, и велосипед украли. Очень переживала. Купила позже подержанный, у соседа Донатаса, за свои деньги.

– Сколько у тебя в месяц выходит на дорогу?

– На восемь поездок туда и обратно половина зарплаты.

– Я буду оплачивать поездки, визу. И не возражай. Давай запишем, когда приедешь.

Вот как бывает в жизни – визы, границы. Мне снова выдали визу, уже не на 90 дней, а годовую, но за год можно было использовать 180 дней. Три-четыре дня в неделю. Мы с Донатасом обсудили эту проблему и на месяц отметили числа моих приездов и отъездов. Каждую неделю в четверг вечером или в пятницу утром приезжаю, в воскресенье вечером в обратный путь. Так мы и отмечали потом эти дни.

– Буду три дня мучиться. Если со мною что случится, а виза закончилась, ты сможешь приехать?

– Не смогу, через границу не пропустят.

– А если мы поженимся?

– Меня назовут аферисткой и для тебя что-нибудь придумают. Скажут, из ума выжил. День прожили, и хорошо. Ты себе не принадлежишь. Известный человек.

К разговору на эту тему он возвращался. То с уверенными интонациями в голосе, то с сомнением, удивляясь себе. Как такая мысль могла прийти к нему в голову на старости лет, с его-то известностью?

– Ну вот, ты не хочешь, – с каким-то облегчением говорил он.

Что я могла сказать? Накроет лавиной. Будет убито все доброе, хорошее. Думаю, к этой мысли его подтолкнуло желание, чтобы я не уезжала, была рядом с ним. А визовые ограничения мне это не позволяли. Я понимала – *ни одна звезда никогда не отклоняется от своего пути,* поговорит и забудет. Никому из нас такое не нужно. Просто быть вместе.

– Сейчас есть ты и я. Ни театра, ни кино. Меня там уже нет.

– Я непрактичная и упрямая идеалистка. Как ты меня терпишь?

– Не кривляйся!

Попал в точку. Он знал обо мне больше, чем я о себе.

Все люди неидеальные. Банальное утверждение. И наверное, в самоедстве есть какой-то смысл, бороться с тем, что в тебе неидеально. Думаю, человек рождается с характером. Что из поколения в поколение передается по цепочке, то и получишь. И счастье, если сумеешь вовремя осознать негативное в себе и изменить в лучшую сторону свою судьбу и судьбы тех, кому даешь жизнь.

Эта моя прямота. Сама страдаю, и другие рядом тоже.

– Почему ты не отвечала на звонки? Я волновался.

– Я на велосипеде ехала по дороге, кругом машины. Если не отвечаю – не слышу звонка из-за шума, сразу остановиться не

могу или к дому подъезжаю.

Он не воспитывал прямо – ставил в ту же ситуацию, в какую ставили его, чтобы человек на себе испытал то же самое и сделал выводы. Теперь уже я, обеспокоенная его молчанием во время моих звонков ему, не знала, что и думать. Что с ним? А если сердце прихватило?

– Почему ты не поднимал трубку? Я испугалась за тебя.

– Не слышал звонков.

Так мне и надо. Неприятно такое слушать? Глупая я, ведь для человека, лишенного в силу возраста привычной деятельности, и разговоры по телефону – жизнь. Бездеятельность для него была невыносима.

…В воскресенье, во второй половине дня, настроение у меня меняется. Появляются какая-то раздражительность и тоска. Вечером я уезжаю. НЕ МОГУ ПРИВЫКНУТЬ к этим отъездам. Тяжело всякий раз смотреть в глаза Донатаса и уходить. Долго прощаемся.

Выхожу из дома на улицу. Донатас с балкона машет мне рукой. По оврагу перехожу на соседнюю улицу. Оглядываюсь на окна его квартиры. И пешком, через Белый мост, добираюсь до автовокзала. Около одиннадцати ночи я уже в своей стране. До отправления поезда остается пять часов. Сижу на вокзале. Еще три часа в пути. Утром я на работе.

«…Прощались окна, желтый свет тревожил, перемещались тени фонарей, и под асфальтом, задыхаясь, кожей Земля дышала, было трудно ей. Дожди смывали пыль с балконов, крыш, блестел поток воды, машины мчались. Я оглянулась, где ты там стоишь? А на столе стакан неполный с чаем».

…Постепенно в моей жизни установился иной порядок. Методические объединения, совещания в школе, если они проходили во второй половине недели, приходилось пропускать. Не хватало времени на исследовательскую деятельность с учениками по моему предмету, возникли трудности с классным руководством по той же самой причине… Два раза я опоздала на работу из-за задержки автобуса на границе… Я понимала, что в конечном итоге потеряю работу.

…Ну, наконец-то выбралась к внуку. У нас торжество. Есть такой обычай. Называется ответки. Навещают маленького ребенка, дарят ему подарки. Вот так, малыш, у тебя уже есть свои праздники. Когда-нибудь расскажем тебе, каким ты был в этот день. А лучше всего *сделают* это фотографии: с папой и мамой, с бабушками и дедом.

Улыбаемся. Снимок. Максим такой счастливый. И никто не

знает того, что впереди. Куда все это уходит, в какие миры? Наши мысли, переживания.

Снова в Вильнюсе. Я дышу городом. Впитываю в себя его краски, звуки, мелодию ночных шепотов, перламутровый дождь, перемешанный с серебристым снегом. Я воспринимаю этот город как единственное на земле место, где соединились воедино мечты и жизнь.

Донатас не спит. Он только что позвонил мне. И дверь квартиры, как всегда, не закрыта… и на столике у кровати, в посылочном конверте лежит газета Союза кинематографистов – *«Новости»,* которую Донатасу регулярно, раз в месяц высылают из редакции… и на конверте его рукой написано: *«Оле! Ольге Николаевне»*… а у меня в рюкзаке домашние заготовки и журнал со статьей об актере Юрии Соломине… и сегодня у меня день рождения. Постарела на год, и хорошо. Самые счастливые люди те, кто доживает до старости в окружении заботливых детей и внуков. Дожить бы.

Мы посидели за накрытым на скорую руку столом. Донатас сфотографировал меня. Не сон ли все это?

…Утром я сходила за газетами к почтовому ящику. В нем, кроме газет, было два письма. Одно из Москвы, другое из Беларуси, из какого города, не запомнила. Донатас прочитал их и положил на стол.

– Секретная информация? – спросила я.

– Люди пишут. Можешь прочитать.

В одном из писем женщина обращалась к Донатасу с просьбой написать несколько слов поддержки для ее неизлечимо больной подруги. Мне это не показалось странным. Я вспомнила свои ожидания. Значит, для человека важно получить от него письмо.

– Ты ответишь?

– Подпишу фотографию с автографом.

– Я сегодня же отправлю.

– Я много времени прожил в Москве. Для меня Москва – не город, а люди. Жил как обычный человек. Работал, снимался. Я мог общаться со многими известными режиссерами, актерами, критиками. На *«Мосфильме»* ставились картины мирового уровня. Хотя, сказать по справедливости, и на периферийных киностудиях создавались высокохудожественные произведения. Тот же фильм *«Никто не хотел умирать».* Многие актеры из Литвы тогда были востребованы в России.

Каждый лист бумаги с записями, каждая вещь в его доме

«могли бы рассказать» свою собственную историю. Как вот это фото, хранящееся в книжном шкафу, рядом с семейными и несемейными фотографиями. В простенке библиотеки филологов Рижского университета за занавеской обнаружили наклеенные на всю стену, вырезанные из газет и журналов 70-х годов снимки Донатаса. Женщина, которой они принадлежали, умерла. После ее смерти, пораженные открывшейся им тайной влюбленности, ее коллеги переслали ему фотографию этих снимков.

– Что случилось? – спросил Донатас. – У тебя такое выражение лица.

– Грустная история. Инара – красивое имя. Какая она была? Человек, окруженный вниманием и заботой, не будет парить в облаках и жить в своем выдуманном мире. Я ее понимаю.

…Сегодня суббота. О своем отъезде домой в воскресенье я стараюсь не думать. В прихожей вкручиваю новую лампочку на место перегоревшей, готовлю завтрак, завтракаем… После завтрака Донатас уходит в кабинет читать газеты, а я отправляюсь в фотоателье, чтобы купить альбомы и распечатать с его фотоаппарата фотографии. На улице пасмурно. О том, чтобы пойти на прогулку, и речи быть не может. У меня идея – займемся альбомом-заготовкой для журналистов. Поскольку журналисты во время интервью интересовались его фотографиями, Донатасу приходилось отвлекаться от беседы: доставать разные фотоальбомы и тратить время на поиски нужных фотографий. В альбоме последовательно, по этапам его жизни и творчества расположили фотоснимки. Удобно. Хотя, если посмотреть с другой стороны, появляется хрестоматийность.

– Какой фильм для тебя незабываем как для зрителя?

– *«Земляничная поляна»* Бергмана. Мне его кто-то из коллег в театре посоветовал посмотреть. Воспоминания человека о своем прошлом – это как возвращение к себе. Фильм СТАЛ ДЛЯ МЕНЯ ОТКРОВЕНИЕМ… Отсутствие штампов, жизненность, глубина…

У Донатаса была книга сценариев Ингмара Бергмана, и он разрешил мне как-то взять книгу в дорогу. Я прочитала ее, а фильм посмотрела после прочтения сценария… Вспомнились свои *«земляничные поляны».*

«…Странное, торжественное чувство охватило меня, словно настал решающий день моей жизни… Покой летнего утра. Тихий залив. Блистательный птичий концерт в листве. Старый уснувший дом. Пахучая яблоня, слегка изогнувшись, дающая опору моей бедной спине. Земляничная поляна… Я не мог бы сказать, как это случилось, но ощутимая реальность дня отступила перед созданиями воображения. Не знаю даже, сон ли это был, или с

такой живой силой поднялись со дна памяти воспоминания».

Творчество Бергмана, Тарковского – путь к тайнам и откровениям жизни. *«Седьмая печать», «Страсть», «Персона», «Шепоты и крики», «Ностальгия», «Жертвоприношение».*

Жизнь… смерть… пустота… боль… отчаяние… одиночество… надежда…

Нас семь миллиардов на земле. Человечество. Материки, острова. Океаны, моря, реки, озера. Леса, степи, пустыни. Дожди и ветра, жара и холод. Весна, лето, осень, зима и снова весна. Утро, вечер, день, ночь. Покой и движение. Тишина и крик. Страх, мужество. Счастье, горе. Рождение и уход. Вместе, врозь. Здесь, там. Тогда и сейчас. Трагическое мироощущение сегодня не покидает нас. Что ждет наших детей, внуков, последующие поколения лет через сто, двести? Бойся, бойся: космической катастрофы, мирового правительства и мировой войны, терроризма, глобального потепления и нового всемирного потопа… Куда бежать? В будущее, как мистер Мак-Кинли? Живем сегодняшним днем, а там что суждено, то и будет. Живы наши страхи, и потому мистер Мак-Кинли и сегодня не забыт. И свидетельство тому заданный зрительницей Донатасу вопрос из того же интервью Би-би-си: *«Если вам не сложно, ответьте, пожалуйста: когда вы работали над этой ролью, у вас было какое-то предчувствие грядущих событий?»* Каких событий? Тех же, что и в финале этой, может быть, пророческой истории.

…В школе начались зимние каникулы. Сдав отчеты о проделанной работе, я беру неделю за свой счет. Полдня уходит на покупки подарков к Новому году, потом на день уезжаю к Максиму. Сережа – в Москве. Нашел там работу, жилье. Для меня они по-прежнему дети, и я очень о них беспокоюсь… и знаю, что они за меня радуются. За тем воодушевлением, с которым я рассказываю им о себе, совсем другая, чем прежде, счастливая мама.

– Донатас! Я в поезде. Вечером буду у тебя.

– Подожди, подожди, я запишу. Во сколько?

– К десяти часам.

– Я позвоню.

– На литовский номер. После пересечения границы поменяю сим-карту.

…До Нового года остаются сутки. Как будем его встречать? В магазине я купила продукты, две небольшие елки, живую, в вазоне, и искусственную, гирлянду лампочек. Живую поставила

на балконе у окна, чтобы дольше сохранилась, там холодно, а искусственную – в комнате. Не хватало елочного запаха, и в банку с водой я поместила ветку елки. Украсила квартиру. Теперь чувствуется приближение праздника.

На окне цветок и ветка елки.
Он с корнями, а она в воде.
С ветки осыпаются иголки.
На подушку падают к тебе…

Остается приготовить праздничный стол.

– Оля, нас пригласили в гости, – сказал Донатас.

– Нас?

Все было замечательно, но главное – люди. Их гостеприимство и доброжелательность. *«Внимание, снимаю»,* – сказал кто-то. Устроились поудобнее. Ждали фотосъемки, и в этот момент, неожиданно, Донатас громко крикнул. Пошутил. Засмеялись. У него всегда было такое точное попадание в ситуацию, что его шутки запоминались.

…Шестое января. Годовщина ухода из жизни жены Донатаса. Он собирался на кладбище и ждал приезда сына. Донатас предложил мне подождать его дома, но я приняла другое решение:

– Я пойду погуляю по городу, а ты, когда вернешься, позвонишь мне.

Я не осмелилась попросить его взять меня с собой. Для него с сыном это важный день. На улице было холодно, и я периодически заходила в магазины и грелась. У драматического театра просмотрела афиши спектаклей. Посидела около часа в кафе.

Через несколько дней я пешком сходила в район Антакальнис на кладбище. Постояла у могилы Оны. Когда Донатас позвонил, я объяснила ему, где нахожусь:

– Скоро вернусь.

Вернувшись, я спросила его о надписи на литовском языке на одной из плит захоронения.

– Это из *«Макбета».* Привези книгу на русском языке, я покажу этот текст.

«Завтра, завтра и опять завтра. Мелкими шагами бегут наши дни. Они бегут до какой-то черты, и солнце нам светит, как безумным, и показывает нам дорогу в темноту».

Я запомнила эти слова. Приготовленную Донатасом для себя эпитафию. Такое жизнелюбие и такие выбраны строчки! Может, оттого жизнелюбие, что дальше – темнота…

…Вокзалы, станции, поезда, автобусы. Жизнь на две страны, два дома. Я знала, что никто не будет ждать меня так, как Донатас. Но иногда мне казалось, что все происходящее со мной я уже когда-то пережила. Смотришь на себя из иного времени, ощущая беспомощность перед невозможностью удержать исчезающие мгновения жизни, в душе растерянность, бесприютность… *«Как будто бы и нет зимы, ни будней и ни дней рождений, толпы, молвы, опять толпы, туда, сюда передвижений. Вокзалов, станций, поездов, автобусов, границ, таможен, в автобусах ночей без снов и боли, спрятанной под кожей…»*

«…Даже если сердишься, все равно продолжай любить». Отчего я вспомнила это вычитанное в каком-то журнале высказывание? Оно имело отношение к моему состоянию в моменты размолвок с Донатасом. Несколько раз мы поссорились. Где-то виновата была я, где-то он. В какой-то момент хотела уехать. Кому-то, в телефонном разговоре, выдал за *«внучку»,* скомандовал… Что в голову пришло, то и сказал. Не хватило у меня ума, жизненного опыта, чтобы понять его тогда. Навалились проблемы в другой жизни. Я находилась между небом и землей. И откуда они из меня вылезли женские глупости? Там, где они проявляются, человеческие отношения превращаются в природное противостояние. Он заметил это и поставил меня на место. А я пошла в костел, чтобы успокоиться и не наговорить лишнего, по инерции. О чем я думала? Стоит выйти за порог его квартиры, и появляется страх потерять его. Уезжаю домой, а в голове мысли – увидимся ли снова?

– Извини меня, я была не права.

Мы сблизились настолько, что могли простить друг другу обиды.

«…Какими путями и средствами люди добиваются счастья, почему они хотят быть счастливыми и почему им это не удается? Почему свои неудачи и ошибки, тревогу люди стремятся отстранить, отодвинуть за пределы собственного сознания? Почему, смеясь над другими, они плачут над собой? Что ведет человека к неудачам? Почему счастье достигается за счет других и только на время? Какой смысл во всем том, что составляет суть жизни?» Такие строки я прочитала на листке бумаги в одной из папок Донатаса. Это были слова Мильтиниса.

Почему, почему? Разве мы не задаемся этим вопросом, пытаясь разобраться в себе и в людях, в жизненных обстоятельствах? Счастье только на время… Эти слова взволновали меня больше всего. Стоит ли стремиться к счастью, если нет будущего? Ну и пусть, что нет. Буду жить прошлым.

– Оля, где ты была? Мобильник не отвечает. Час как прибыл

автобус. Я в полицию звонил.

– Я на вокзале ждала, когда начнется работа транспорта, не было сил добираться пешком.

– А мобильник?

– Разрядился.

– Нужно было взять такси.

– Я в автобусе отравилась.

– Езус Мария! Как это случилось?

– Понимаешь, не успела поесть с утра. После уроков сразу на электричку, потом на автобус. В автобусе познакомилась с попутчиками. Они возвращались из туристической поездки. Я отказывалась, но за дружбу народов пришлось выпить. На голодный желудок. И вот результат.

– Давай лекарства поищем.

– Прости.

Я разрыдалась. Не от того, что мне было плохо, а от чувства благодарности ему за беспокойство обо мне.

…Зимние дни короткие. И мы, как старосветские помещики, тихо и спокойно их проживали. На зиму запаслись с рынка медом и клюквой. А еще Донатас любил мандарины, груши и яблоки. Я варила компоты, а яблоки чистила и резала ему на дольки, потому что нечищеные они так и оставались на блюде нетронутыми. Мне уже приходилось делать неимоверное усилие, чтобы рано утром подняться и выйти в темноту на улицу, на зарядку. Набережная покрыта коркой заледенелого снега. То мороз, то слякоть… Погода все время меняется. А в доме тепло и уютно. Я чувствовала недовольство собой, оттого что разленилась и иногда пропускала пробежки, попросила у соседа Донатаса гантели и стала бороться со своей ленью…Донатас много отдыхал. Возраст. К его режиму я приспособилась. Летом с утра вместо зарядки на велосипеде ездила на озеро или на речку. Пока выспится, я уже вернусь, приготовлю завтрак. Занималась цветами на балконе, *«воевала»* с окнами его квартиры. Рядом с его домом через дорогу что-то строилось, и цементная пыль попадала на окна… Как быстро менялся мир вокруг нас! Кажется, еще вчера из окон квартиры можно было смотреть на виднеющиеся вдали здания города, а сегодня их заслоняет рвущаяся в небо стройка… Увидит ли он, да и я тоже, результат этого проекта? Но его начальный этап Донатас запечатлел, сделав фотоснимок. Для истории. Была у Донатаса замечательная вещь – бинокль. Летом, на балконе, мы поочередно смотрели в него на город: здание оперного театра, купола соборов, ту же стройку… Зимой тоже находилось какое-нибудь занятие. Я купила шерстяные нитки и

связала ему безрукавку. Разобрала залежи просроченных лекарств, в кладовке и на столе кухни. Он поначалу не соглашался на это, но я его убедила в том, что лекарства не представляют никакой ценности, срок их годности давно истек. У Донатаса были настольные часы, отслужившие свой срок, и несколько раз я отвозила их в часовую мастерскую на ремонт. Проходило время, часы останавливались… В его спальне полки для книг были до предела заполнены папками с письмами, поздравлениями, приглашениями на какие-то торжества, объемными сценариями фильмов, и он разрешил мне часть материала перенести в кладовку. Складывая бумаги, некоторые из них просматривала. Собранное разделено по темам, систематизировано. Педантизм? Я в себе тоже такое замечала. Правда, мой педантизм ограничивался стремлением к полноте знаний, а у него был во всем: и в житейских, и в творческих делах. Донатаса навещала внучка со своей дочкой. Я покупала от него подарки-игрушки правнучке. А они приносили свои: фрукты, цветы. Когда мой приезд к нему совпал с их семейными торжествами, он пригласил меня в гости к сыну. Я очень волновалась… С сыном поговорили о его работе в театре. Он ставил тогда спектакль по пьесе *«Стакан воды»*.

Донатас журил меня за то, что занимаюсь домашними делами:

– Лучше посиди рядом.

Какие там дела? И без меня бы обошлись, и без еще кого-нибудь… Дело ведь было не в этом, совсем не в этом, а в общении, которого ему не хватало.

…Уезжаю домой. Нерушимый всесильный визовый график. Нервы иногда на пределе. Просыпаешься в воскресенье, в голове сразу мысли – вечером снова прощание. Разговариваешь с человеком, шутишь, улыбаешься, обсуждаешь какие-то вопросы и вдруг начинаешь посматривать на часы, а потом уходишь. Ни с того ни с сего. Против своей воли.

– Не пущу, – говорил Донатас. – Веревками привяжу.

– Я бы и сама себя привязала. Где веревки?

Засмеялся: *«Пощем»*. Подыграл. Ради шутки принес какую-то веревку… на этот раз я решила вырвать у судьбы день.

– Донатас, я остаюсь. Позвоню на работу, попрошу заменить меня. Скажу, что не могу выбраться из страны.

…Ночь в пути… и по понедельникам первые уроки я вела, моментами проваливаясь в сон. В классе воцарялась тишина. Такой деликатности от детей я не ожидала. Мне повезло с ними, в ином же варианте шум был бы на всю школу, дошло бы и до

директора. Школа – особый мир: беспокойный и пытливый, мир импровизации и озорства. Невольно вспоминаешь свое детство, пытаешься НЕ ОТСТАВАТЬ ОТ ВРЕМЕНИ… и не всегда получается ответить на вопросы, которые волнуют детей. Ты учишь их, а они тебя, потому что непосредственны и чувствуют все глупости взрослого мира. Сопротивляются приспособленчеству, сопротивляются до тех пор, пока не повзрослеют. О важности художественного образования в школе много говорят. Оно необходимо и как противоядие массовой культуре, захватывающей сегодня все большее и большее духовное пространство людей. В книге Донатаса прочитала: *«Как-то на съемках какого-то фильма молодой актер спросил меня: „Вы там кого играете? Какого-то Б… Б… Б…" – „Баха, – отвечаю. – Иоганна Себастьяна Баха". – „Ну и что ваш Бах? – сказал мне юноша. – Кому его музыка сегодня нужна?"»*

Какая она, современная эпоха? Невероятных научно-технических достижений, культа денег, стереотипов мышления, развлекательной культуры, противостоящей серьезному искусству. Массовая культура зрелищна, доступна, отвлекает от жизненных проблем и прибыльна для тех, кто ее производит. Кто создает китч – владеет миром, кто потребляет его – не владеет даже собой… им манипулируют, и очень результативно. Философы отмечают, что в современном обществе все связанное с духовным развитием человека с трудом соотносится с рыночным способом существования и что люди-массы превращаются в публику, которой интересны только зрелища, по какому бы поводу они ни происходили: политические события, катастрофы, частная жизнь… Образы духовного, будь то живопись Возрождения или музыка Моцарта, Бетховена, превращаются с помощью рекламы в символы потребления. Формируется средний человек. Мыслители определили суть происходящего в нашей жизни. *Средний человек ориентирован на сиюминутное потребление и бесконечное отстаивание своих прав и свобод… Массам преподносят смысл, они жаждут зрелищ…* Можно поспорить на этот счет, я не против. Чем меньше точек соприкосновения с массовой культурой, тем больше у человека возможностей сохранить свою индивидуальность и неповторимость. Материальные ценности нашей *«шопинговой цивилизации»* – ничто в сравнении с картиной заходящего над морем солнца, с несущимися к берегу волнами, небом, меняющимся от сине-безоблачного до грозового, от дневного солнечного и до ночного звездного… В *«Триумфальной арке»* Ремарка главный герой с горечью говорит:

«…мы живем в век консервов… Нам больше не нужно думать.

Все за нас заранее продумано, разжевано и даже пережито. Консервы! Остается только открывать банки… Ничего не надо сеять, выращивать, кипятить на огне раздумий, сомнений и тоски».

Пытаясь в слове выразить свое видение творчества и передать его ученикам, я рассчитывала с их стороны на сопереживание… *«Желали руки боготворчества, колокола безмолвны были, и расплескалось одиночество на атомы дозвездной пыли. Душа – незримый камертон, чувствительнее тела скрипки…»*

Все дети талантливы, и ясно, что не все попадают в условия, в которых этот талант может раскрыться. Творчество детей: рисунки, картины, вышивка, поделки из различных материалов… можно было брать у них уроки мастерства… Когда я проводила урок, посвященный жизни и творчеству Шагала, многое открыла для себя благодаря детям. Единомыслие было не во всем, но получилось, наполненное радостью познания, живое общение, и… рядом был Шагал… *«Собаки, кошки, старики, жонглеры, живые души стареньких домов, кочуют по картинам свечи, словом, особый мир из тысячи дорог. Устал ходить – лети, а надоело – ты можешь прислониться к облакам. Душа свободна, и свободно ты так когда-нибудь летал?»*

Глава 5

…Лето, осень, зима, ВЕСНА. Апрель! Появляются первые весенние цветы – подснежники. Приходит ощущение глубочайшей привязанности к жизни. *«А весною я в ненастье не верю и капелей не боюсь моросящих…»* Двадцать восьмой день апреля. С днем рождения, Донатас!

«…Я хотел сказать этой повестью, что в космосе нас наверняка подстерегают неожиданности, что невозможно всего предвидеть и запланировать заранее, что этого «звездного пирога» нельзя попробовать иначе, чем откусив от него. И совершенно неизвестно, что из всего этого получится».

…Неожиданности, подстерегающие людей в космосе, непредвиденное, неизвестное… Для меня повесть Лема, в сегодняшнем моем восприятии ее, вовсе не фантастическое произведение. То, что происходит с человеком на Солярисе в земной реальности, – тот же контакт со своей душой. И не нужны никакие *«гости»,* чтобы понять, что ты равнодушен и милосерден, свят и грешен… несовершенен. И что твоя жизнь имеет смысл. Принято сравнивать книгу Лема и фильм Тарковского. Зачем, когда-то думала я? Эти произведения в моем понимании дополняли одно другое. Но в какой-то момент, просматривая фильм, я увидела, что для меня в нем не хватает логического звена в финале. Крис любит Хари, а потом смиряется с ее потерей. Мгновенный обрыв чувств. И спокойные разговоры со Снаутом. Странно. Какие снятые сцены не вошли в картину?

«– *…Ты устал?*

– Нет, нет, я прекрасно себя чувствую».

Прекрасно?

«– *…тебе пора возвращаться на Землю.*

…уйти – значит зачеркнуть ту, пусть ничтожную, пусть существующую лишь в воображении возможность, которую несет в себе будущее…

…Некоторое время я должен буду делать усилие, чтобы улыбаться, раскланиваться, вставать, выполнять тысячи мелочей, из которых складывается земная жизнь… Появятся новые интересы, занятия, но я не отдамся им весь. Ничему и никому никогда больше…»

…Донатас неожиданно заговорил со мной по-литовски. Я ничего не поняла, но обращение ко мне, Олюте, ввергло меня в состояние радости. Если бы я могла ответить ему на его языке.

Что я знала? *«Спасибо», «пожалуйста». «Доброе утро, день, вечер». «Привет», «доброй ночи», «до свидания»…* Отдельные слова: *улица, площадь, река, мост, собор, замок… счастье…* Запомнила надпись из высаженных на правом берегу реки Нерис цветов: *«As tave myliu» – «Я тебя люблю».* Чтобы пополнить свой словарный запас, я купила русско-литовский разговорник. Донатас исправлял произношение, сердился, когда у меня не получалось… но в конце концов дождалась от него слов: *«У тебя получится выучить».*

– Донатас, когда можно будет посмотреть фильм *«Аппиева дорога»?*

– Запиши номера телефонов режиссера: домашний и мобильный… Позвони ему и спроси, как он сможет передать тебе в Минске диск с фильмом.

– А это удобно будет?

– Я его предупрежу о твоем звонке.

– Ты говорил, что диск привезет его сын.

– Не получается.

– Я позвоню.

По телефону я договорилась о встрече, но что-то перепутала и ждала режиссера на вокзале не в том месте, где должна была с ним встретиться. Через какое-то время догадалась, что жду его не у того эскалатора, осмотрелась и увидела этого человека. Я узнала его, потому что распечатывала с фотоаппарата Донатаса фотографии со съемок фильма, подписывала некоторые из них и запомнила лица всей съемочной группы. К тому же дома у меня была книга *«Закадровые истории…».* На обложке книги его фотопортрет. Ошибиться было невозможно. Фильм и напечатанный литературный материал, переданный ему, Донатас просмотрел. Подписал мне конверт, в который я положила скопированный диск: *«Оле! От Донатаса. Пусть сбудутся Твои мечты!»*

ДОНАТАС! ОНИ СБЫЛИСЬ!

Роль кардинала стала последней ролью Донатаса в кино. В списке его киноролей запись, сделанная рукой Донатаса:

«84. 2011… „Аппиева дорога”… Кардинал… Вл. Орлов».

– Донатас, у меня скоро отпуск, намечается велопоездка по Ягеллонскому пути в Польше. Будет о чем рассказать детям на уроках. Отпустишь? Я буду звонить каждый день.

– Что поделаешь.

– Две недели – это недолго. Я с сыном старшим еду. Хочется побыть с ним. Мы сейчас редко общаемся. Может, ты у сына

поживешь за городом? На природе.

– Привык к дому. Не хочу никуда уезжать.

Ни разу он не попрекнул меня за мои путешествия. Себя вспоминал в такие годы, приветствовал мою любознательность?

…С Максимом мы проехали часть маршрута, в основном по сельской местности, заповедным территориям. Он вернулся домой, а я еще неделю путешествовала с группой. Наверное, каждый из нас хоть раз в жизни сожалел о чем-то. Сожаление чаще всего – это раскаяние за свои неправильные поступки. И нужны мне были уже эти велопробеги? Я не имею в виду ту поездку. Тогда рядом был Максимка. Вспоминаю его улыбку, шутки, смех… Со всем можно смириться в жизни, только не с потерей своего ребенка. Мыслю и чувствую на пределе сил. Пытаюсь обмануть сознание безумным ожиданием его возвращения домой: он позвонит, приедет, откроет дверь… Как в тот день… Приехал домой по делам, переночевал и обратно в Витебск.

– Максим, я провожу тебя на вокзал.

– На велосипеде?

– Мне нетрудно.

– Ладно, мам.

У Максима, как и у меня, появилась привычка не расставаться с велосипедом. Двадцать километров до вокзала на велосипедах проехали за час, не торопясь. Чтобы сократить путь, свернули на тропинку среди полей. Она вывела к заброшенной больнице. Максим после окончания железнодорожного техникума работал проводником в поездах, потом устроился в эту железнодорожную больницу инженером по технике безопасности. После закрытия больницы уехал в Витебск, нашел там работу. Посидели среди этих развалин.

– В годы Отечественной войны, недалеко отсюда, на станции Западная, немцы уничтожили четыре тысячи человек.

– Откуда ты знаешь об этом?

– На работе рассказывали, я интересовался историей города.

– В городе было гетто, но то, что здесь уничтожили столько людей, я не знала.

– Помнишь, я тебе котенка привез?

– Нео?

– Я нашел его на территории больницы. Прибился к людям. Жалко стало.

Я уже и плакать не могу. Окаменела. Без Максима мне ничего не нужно.

– Ты меня спасаешь, – говорил Донатас.

Это ты спасаешь меня сегодня. Я вспоминаю о тебе, и откуда-

то приходят силы на то, чтобы терпеть боль.

…В это лето мы много времени уделяли прогулкам. Ходили к стадиону и школе, которая была недалеко от его дома, к оздоровительному комплексу. Донатас с любопытством всматривался в жизнь. Столько интереса к происходящему, доброжелательности к людям. Особенно к детям. Вспоминается эпизод в магазине. В очереди к кассе рядом с Донатасом оказалась семья с ребенком. Мальчик, его звали Юстасом, смеясь, потянулся к нему. Они улыбнулись друг другу, и каким-то чудом я успела сфотографировать их в этот момент. *«Люди, не взрослейте,* – сказал какой-то мудрый человек, – *это ловушка».* Что происходит со многими из нас после взросления? Мы становимся скучны, расчетливы и предсказуемы. Закономерно, но… Вспомните самые счастливые минуты своей жизни. Вспомнили? Что вы чувствовали? Ощущение полета? Ведь именно счастье дает человеку возможность испытать *невыразимую легкость бытия.* Попробуйте посмотреть на мир глазами ребенка, и вы почувствуете себя свободными и счастливыми, способными в самых обыкновенных вещах видеть чудеса. Вещи из детства были особенными, как у Андерсена, живыми, умеющими рассказывать истории о своем житье-бытье. Я до сих пор не могу расстаться с некоторыми из них: с часами, переставшими показывать время, коробкой для ниток и иголок, подстаканником, вазочкой из дерева… Настоящим праздником была покупка книг. Приобретая их, я чувствовала себя невероятно счастливой и, торопясь домой, бережно держа в руках эти сокровища, представляла свое путешествие в мир древней истории, далеких стран, в мир сказки и опасных приключений. Волнение и грусть испытываешь, взяв в руки книги, которые когда-то читала: *«Дикая собака Динго», «Земля Санникова», «Снежная королева»…*

«Вы не знаете, что душа моя всю жизнь летала в небесах, отдаленная от тела. А когда она вернулась, то нашла тело совершенно несношенным. Оно было совсем как новенькое. Ну а душа, летая в небесах, понятно, не может состариться…» Такие слова мог произнести только Ганс Кристиан Андерсен. Почему мог? Он и произносит их в пьесе Виолетты Пальчинскайте *«Роза Кристиана Андерсена». «Сказки – странная вещь. Сказка почти то же, что и сон».*

Беспечные детские годы. Как мало нужно мне было тогда для радости: деньги на кино и на мороженое, новое платье, сшитое мамой, походы летом на речку… Не вернуться в мир, где ты был ребенком, но хотелось бы сохранить в себе детское мироощущение, наивное восприятие этого мира. Мысленно

прислонитесь к облакам, чтобы поверить в Невозможное, дождаться его. ПРИСЛОНИЛИСЬ?

…Встреча с Донатасом для меня – чудо. И если я спрошу себя, как такое могло случиться, то вспомню звездное небо, на которое я смотрела в детстве, фильм *«Солярис»* Тарковского, книгу Лема, мои мечты и надежды, и тогда все выстроится в логическую цепочку, казалось бы, невероятных событий.

…Вернувшись из отпуска, я не ожидала такого сюрприза в родной школе. Вернее, ожидала, но не сейчас. Директор выпроводил меня на пенсию. Кто будет приспосабливать школьное расписание к моим жизненным обстоятельствам? Эта страница моей жизни, получается, закрыта. Ну что ж, когда-нибудь это должно было случиться. Пришлось согласиться на полставки в двух других школах. Там пошли навстречу и поставили в расписание мои уроки, как мне было удобно, на три дня подряд. Так я и бегала эти три дня от одной школы к другой. И большого смысла в такой работе не было. Больше проездишь, чем заработаешь. Но самым печальным было то, что мне пришлось расстаться со своим классом.

Я не стала рассказывать Донатасу об этом. Ничего как бы и не изменилось. Приезды, отъезды, снова приезды и отъезды…

– Нужно найти тебе работу здесь, – сказал Донатас. – Что за жизнь?

– У меня виза шенгенская, и, если использую подряд все дни визы, потом полгода не смогу въехать в страну.

– Что будем делать?

– Не представляю.

– Я хочу тебе помочь и на книгу деньги дам.

– Я на свои напечатаю.

Донатас обиделся. Как будто я отказывалась от него самого.

– Позвоню в одну серьезную организацию. Где-то есть телефон.

Нашел номер телефона, позвонил. Поговорил.

– Завтра поедем туда.

…На улице холодно. Идет дождь. Одеваемся потеплее. Вот-вот подъедет машина. Донатаса встретили с величайшей радостью и почтением. Пообещали помочь в поиске работы. Но для этого нужна непрерывная виза. *«Доработаю учебный год в школе и, если ничего не изменится, уволюсь, буду искать работу здесь,* – подумала я. – *А что может измениться? Не дадут визу? И такое может быть».*

Я больше не ездила на велосипеде по шоссе. Однажды выходившая на дорогу женщина, открыв дверцу своей машины, задела ею меня, и я упала с велосипеда. Предвидеть такое было нереально… Руки-ноги целы. Правда, голова кружится, ссадины на руках и ногах, но ходить могу и даже ехать. У женщины было такое испуганное и виноватое выражение лица, что я не стала выяснять с ней отношения.

– Не носись. Разобьешься, – сказал Донатас, увидев, что я прихрамываю.

– Хорошо. И сама уже побаиваюсь. Буду ездить по тротуарам.

– Откуда столько книг?

– Твой сосед подарил. Это книги о кино: о Сергее Эйзенштейне, кинокритика…

Донатас удивился:

– Не предполагал, что он интересуется искусством.

– Он когда-то журналистом работал на телевидении. Окончил Вильнюсский университет… Кинословарь, второй том, возьму себе. У меня дома только первый. Остальные пусть у тебя останутся. Может, почитаешь.

– Хочешь посмотреть выставку Юозаса Будрайтиса? – спросил Донатас.

– А где?

Донатас позвонил куда-то и объяснил мне, как найти выставочное помещение на проспекте Гедиминаса.

Из информации о выставке я узнала, что фотографии были сделаны актером на киносъемках в 70—90-х годах. Фотопортреты Эугении Плешките, Лембита Ульфсака, Регимантаса Адомайтиса, Александра Кайдановского, Ирины Мирошниченко… Всматриваюсь в лица.

Черно-белые фотографии непостижимы… На одном из снимков – Донатас. Тогда он снимался в Японии в фильме *«Жизнь и смерть Фердинанда Люса».*

…Полоска уходящего вдаль берега океана, пенящиеся волны и неожиданный образ Донатаса. С долей беспечности, упоения жизнью. Но это конечно же субъективное восприятие увиденного, что я и не преминула отобразить в стихотворении *«Фотография».*

…Он Там и Здесь совсем не одинаков. О нем, сейчас Ином, не надо плакать. Смотри, какой бессмертный – вот беспечность. Мгновенье – жизнь, а немгновенье – вечность.

Около часа я провела на выставке, а когда вернулась, Донатас поинтересовался, какие работы были представлены. Потом достал из книжного шкафа подаренную ему Юозасом Будрайтисом книгу со снимками, внимательно просмотрел их.

…Когда-то Япония не была для меня далекой страной –

соседнее государство. Я родилась и выросла на Дальнем Востоке и это мир моего детства. Помню сопки, огромные пространства тайги, цветущий багульник, свою первую поездку во Владивосток к Океану. Увиденное потрясло. Природа научила меня ценить каждое прожитое мгновение. Нет ничего второстепенного. Рядом столько красоты, и она чудесна! В фильме Сергея Герасимова *«У озера»,* отец убеждает дочь в необходимости жизненных перемен. *«Мир велик. Книги все-таки не люди. Нельзя всю жизнь прожить у озера»,* – говорит он ей. Я с воодушевлением приняла известие о переезде семьи на родину отца. Наконец-то увижу мир, буду путешествовать. Мы уехали на новое место жительства, тогда мне было двадцать три года, переводом оформили документы в институт в Минске, и я продолжила учебу в институте. Но не прошло и месяца, как начались терзания. Все казалось чужим, ненужным. И сны, сны, сны… только в них могла увидеть родные места и почувствовать себя счастливой. Тридцать лет разлуки с Россией можно назвать для меня периодом страшной Ностальгии. Через столько лет я приезжаю в родной город, захожу в дом, где прошли мои детские годы, поднимаюсь по лестнице к когда-то своей квартире и вижу неприступную железную дверь. Между мною и Детством эта ужасная Дверь. На чердаке дома на деревянном столбе опоры крыши нахожу процарапанную перочинным ножиком надпись»: *«Мне 16 лет».* Пишу рядом: *«Мне 53».* Подхожу к чердачному окну, подтягиваюсь к его краю… я на крыше дома. Ветки дерева нависают над крышей. Того самого дерева, на которое я смотрела в детстве из окон квартиры. Оцепенение от переживаний.

Когда уезжали с Дальнего Востока, отец сказал:

– Надо попрощаться с родиной.

После его слов у меня душа заболела. Появились сомнения, а нужно ли нам что-то менять в жизни. Мы поехали с ним на мотоцикле за город… к сопкам. Ехали долго и все не решались остановиться, как будто хотели продлить эти часы прощания. Был конец августа. В природе неразбериха: одни деревья в зелени, на других желтеют и опадают листья… Созвучие с моим настроением. Пустая дорога, уходящая вдаль к сопкам, пламенеющие краски осени… неопределенность того, что будет в том неизвестном для меня мире.

Кажется, думать об осени рано, но почему-то и листья и травы, что-то предчувствуя, стали желтеть, словно от этих предчувствий болеть. Вздрогнуло Время. На циферблате – стрелки часов в обновленном наряде, в синих дождях и туманах молочных, небо со звездами шепчется ночью…

…Самолет взлетает… последний взгляд с высоты на Хабаровск, и в эту минуту я понимаю, что вырвана с корнями из той жизни, к которой уже никогда не вернусь…Брат на родину вернулся. Теперь между нами тысячи километров дорог и годы, прожитые и проживаемые в разлуке.

– Почему ты уехал из Паневежиса? Шестьдесят лет там прожил. Почетный гражданин города.

– Ушел на пенсию. Потом и в театре перестал играть. Это было семейное решение.

– И ты не скучаешь по городу?

– Ну, как скучаю? Остались воспоминания. С коллегами созваниваемся. На открытие памятника Мильтинису был приглашен.

Я видела на стене в кабинете у Донатаса фотографию церемонии открытия памятника. *2007 год. Столетие со дня рождения Юозаса Мильтиниса…* Памятник отделяет Донатаса от людей, собравшихся на площади перед театром… Погруженность Донатаса в свои мысли… Они будто рядом – учитель и ученик.

«…Мы не можем претендовать на то, что нам все удалось, но у нас постоянно живет жажда, этого, – писал Юозас Мильтинис о своем театре. – *И зрители не оставляют нас в одиночестве – это делает наши стремления более устойчивыми. Ведь театральное искусство существует только в настоящем времени, данном месте, сиюминутной необходимости. В театральном спектакле ничего нельзя отложить на будущее, ничего нельзя «омузеивать», как и в живом человеке. Мы хотим быть на сцене живыми людьми… искусство – это настоящая ответственность за все происходящее рядом с нами и вокруг нас».*

О Юозасе Мильтинисе я узнала, когда начала интересоваться творчеством Донатаса. Паневежис – мекка театралов, на спектакли приезжают со всех уголков Союза, билетов не достать… Что же это за театр? Можно было только сожалеть тогда о невозможности для меня побывать в Театре. Дальний Восток и Литва – расстояние в тысячи километров. И можно бесконечно сожалеть о том, что нет записей фильмов-спектаклей этого театра, времени Мильтиниса.

О каждом актере своего родного театра Донатас мог говорить часами. И радости, и беды переживались здесь, как говорил Донатас, как в семье. Не все соглашались с диктатом Мильтиниса, кто-то театр покидал, кто-то, покинув, через какое-то время возвращался в него. Театровед Наталья Крымова отметила в *«Секретах Паневежиса»,* что *«…Мильтинис строил свой театр, не претендуя на известность, наоборот, даже ее избегая… он не только создал коллектив, но утвердил свое*

театральное направление, существенно отличающееся от иных, весьма, впрочем, немногочисленных», тяготеющее *к интеллектуальной драме,* развеял мифы провинциальности в искусстве. За этими словами – жизнь, отданная искусству.

Вспоминая свои поездки в США, Донатас сказал, что раз и навсегда осознал – никакие материальные блага не могут быть равнозначны настоящему искусству, и что без Мильтиниса он мог бы не состоятся как актер: *«Он учил постигать суть человеческой личности, человеческой души, и это сделало его театр бессмертным».*

Юозас Мильтинис руководил Паневежским драматическим театром с 1940 по 1980 год, с перерывом в пять лет. Но и в этот период продолжал ставить спектакли нелегально. Режиссер был человеком западной культуры, не вписывался в советскую систему, вот и была предпринята попытка его устранения от руководства театром. Тем не менее этой же властью его заслуги были признаны, и он получил звание народного артиста СССР. Незаурядность его личности, образованность, преданность театральному делу, принципы реалистического искусства, усвоенные в Париже в школе Шарля Дюллена, собственные идеи обучения и воспитания актеров в студии театра привели к появлению выдающихся мастеров сцены. Он ушел из жизни в 1994 году, прожив четырнадцать лет без своего театра. Был создан центр исследования наследия режиссера, включивший его библиотеку, записи репетиций… Театру и гимназии города присвоили его имя.

– У тебя такое количество открыток для автографов, может, ты подпишешь для моих детей и друзей? Коротко: на память… желаю счастья, удачи… или подпись-автограф. Как сам захочешь. Пожалуйста.

– Что ж, подпишу. Принеси авторучку с чернилами.

Эта магическая авторучка в его руке превращала открытку в бесценный памятный подарок.

– Спасибо, спасибо, спасибо…

– Сколько еще подписывать?

– Немного осталось. Я и на зарядку не побегу ради такого случая.

– Вот-вот. И не беги.

– И завтра не побегу.

– Не хитри.

– А что мне тогда сделать для тебя? Могу песню спеть, чарльстон станцевать… прогулять день на работе…

– Не дурачься.

– Слушаю и повинуюсь. Прогулять не получится, но песню хоть сейчас.

– А теперь кому?

– Максиму, сыну, потом Сереже.

Так мы и переговаривались, шутили.

Видел бы он радостные лица получивших его автограф поклонников!

– Посмотри *«Солярис»* Тарковского, – твердила я Сереже. – Посмотри. Сделаешь рисунки на память, для меня.

– Мама, некогда.

– Максим и без моих советов посмотрел.

– Так это Максим!

…Я заболела. Поднялась температура. Звоню Донатасу:

– Я приболела. Не смогу приехать.

– А когда приедешь?

– Постараюсь через три дня.

– Ты можешь у меня полечиться.

– Я бы с радостью, но тогда и ты заболеешь. Что тебе привезти?

– Себя привези.

Я отшутилась:

– Обязательно.

…За три дня я привела себя в порядок. Используя все средства для выздоровления: таблетки, капли в нос, полоскание горла… продлила больничный лист.

…Возвращаюсь в Вильнюс… Путь от вокзала до дома Донатаса: дорога от улицы к улице, к мосту через реку, мимо величественного костела Святого Рафаила, планетария, зданий торгового комплекса. В памяти осталось ощущение того возвращения, ощущение пронизывающего холодом ветра со снегом.

Снова звонит мобильник. Поздний вечер. Донатас беспокоится.

– Я иду. Через пятнадцать минут буду.

Чтобы сократить время, я даже пробежалась. Заодно и согрелась.

– Так быстро пришла?

– Я бегом.

– Что-то в тебе другое.

– Прическу изменила.

Мы с Донатасом немного посидели на кухне, поговорили. Все как всегда и незабываемо.

…Зимний день. Яркий, солнечный. Как на полотнах у импрессионистов. Откуда-то появляются облака и краски цветовой палитры неба, освещенных солнцем домов, предметов, на которые в квартире падает свет, меняются мгновенно. От белого цвета к серому, от синего к фиолетовому. Смешиваются. Впечатления.

– Я фотографии привезла: свои детские, в молодости и Сережки с Максимкой. Посмотрим?

– А давай.

– Здесь мне четырнадцать лет. Такая веселая… Видишь, на снимке, на стене комнаты, портреты Анны Маньяни, Рона Муди, Алена Делона. Я их из киножурналов вырезала. До *«Соляриса»* моим любимым фильмом был *«Искатели приключений».* Это история о любви, дружбе и поиске сокровищ… На этой фотографии мне шестнадцать лет. Сфотографировала одноклассница на крыше моего дома.

Мы с ней там к экзаменам в школе готовились. Почему на крыше – и не помню… Вот мои дети, Максим и Сережа. Они тебе передают большую благодарность за автограф и пожелания здоровья.

– Мне это приятно слышать.

Донатас вспомнил своего старшего сына.

– Я знал, что его болезнь неизлечима. Мы не сказали ему об этом. Обманывали. Он верил, что все будет хорошо. Ничего нельзя было сделать.

Господи! Такое пережить! Не подсказало мне тогда мое материнское сердце приближающуюся беду. Никаких предчувствий не было. Максим! Никаких.

– Ты устал от моих рассказов?

– Пойду прилягу.

– Я в город схожу. Хочу посмотреть памятник Ромену Гари. *«Мальчик с галошей».*

– Не задерживайся.

– Часа через два я вернусь.

С помощью путеводителя по городу я определила, по каким улицам можно добраться до дома, где когда-то жил Гари. Все время поднимаешься вверх, на пересечении улиц и находится дом. А рядом с домом *памятник возвращению в детство.* Какие только клятвы мы не произносили, будучи детьми. Съесть галошу в доказательство любви? Гари рассказал об этом в романе *«Обещание на рассвете».* Рассказал о себе, девятилетнем мальчишке, влюбившемся в соседскую девочку Валентину.

«…Еще долго после этого, странствуя по свету, я возил с

собой надрезанную ножом детскую галошу. В двадцать пять, в тридцать, в сорок лет галоша всегда была при мне…И в любой момент я готов был приняться за нее, чтобы вновь показать себя с лучшей стороны. Но этого не понадобилось. Жизнь не повторяется дважды…»

…Приближается НОВЫЙ ГОД! Город в наряде праздничного преображения, и телевизионная башня тоже. Она видна в городе отовсюду. В рождественские праздники ее превращают в символическую, светящуюся огнями разноцветных электрических лампочек елку. Огни зажигаются в католическое Рождество и горят до шестого января, Дня Трех Королей. В честь этих королей или волхвов потом на дверях домов, освященным в костелах мелом, пишут латиницей буквы-обереги К+М+В. Каспарас, Мяркялис, Балтазарос – вот имена тех королей. А на улице Святого Ионаса, *«взобравшись»* на стремянку, *«Фонарщик»,* протягивая к небу руки, пытается зажечь свой звездный фонарь. И может быть, это не сказка Старого города – волшебство наяву.

«Фонарь у него, надо полагать, невидимый. Несуществующий. Совершенно невозможный, несбыточный фонарь».

Перед католическим Рождеством в Литве празднуют день зимнего солнцестояния. Истоки этого праздника в языческих временах. Тогда в деревнях по домам в самую длинную темную ночь в году носили старые пни, которые потом, как символ быстротечности жизни и несбывшихся желаний, сжигали. Верили, что после этого все плохое сразу уйдет в прошлое и начнется новая благополучная жизнь. День-то начинает удлиняться, свет побеждает тьму, и желания исполнятся. Чтобы такое произошло, пень нужно обязательно поругать.

Где сегодня находят в городах эти пни? Наверное, заменяют какими-нибудь колодами?

– Мама, с Новым годом тебя!

– Спасибо. Ты где, Сереж?

– У Максима. Передаю ему трубку.

– Мам, ты с Донатасом?

– Да.

– Рады за тебя.

– Я через неделю приеду. С Новым годом! Последний Новый год с детьми я отмечала пять лет тому назад. 31 декабря выпал снег, и это было настоящее событие, потому что накануне прошел дождь. Раньше, на моей памяти, зимой дождей не было. Дети пошли в лес за елкой и долго не возвращались. Я начала волноваться. Вернулись затемно.

– Наверное, в Лапландию за этой елкой ходили?

– На Лапландию не очень похоже. Снега мало. Все время волнуешься по пустякам. Посмотри, какая елка красивая, пушистая.

– Быстренько наряжать ее – и за стол.

– А где игрушки?

– На балконе, в коробке.

Старые новогодние игрушки – шары, звезды, снеговики, картонные зверушки. Стеклянные бусы, хлопушки, серпантин – волшебные символы детской веры в чудеса.

– Мама, конфеты повесим на елку?

– Побольше.

– А лампочки на елке почему-то не горят.

– Не знаю. Год назад все было нормально. Максим, может, ты разберешься, что с гирляндой?

– Попробую.

Пока Сережа наряжал елку, Максим проверял лампочки, я смотрела на них… Грустно и радостно. Такие взрослые, и в то же время дети. Не очень-то прислушиваются к моим советам, идут своей дорогой, и я уже бессильна оградить их от опасностей, ошибок.

Лампочки зажглись.

– Какой ты молодец, Максим! Я загадала желание встретить следующий Новый год вместе.

«…Когда чинили стиральную машину. 04.01.2013». Такой необычный автограф с датой на кинокалендаре TADAS BLINDA 2012 оставил Донатас на память о том хлопотном дне. Я его попросила об этом. Календарь отслужил свой срок, и Донатас заменил его новым. Машину конечно же не сами чинили. До вечера прождали мастера, и Донатас лишь тогда успокоился, когда причина поломки была устранена. Не в его характере было оставлять на потом нерешенные проблемы. Я могла от Парижа до Москвы на велосипеде проехать, проявив при этом недюжинное упорство, и годами не обращать внимания на треснутое стекло в окне дома или остановившиеся часы. Во всем и всегда должен быть порядок. Я тысячу раз соглашусь с ним, и… *делайте со мной, что хотите…* По этой фразе нетрудно догадаться, из какой она роли Донатаса – гения преступного мира в фильме *«Приключения принца Флоризеля».* Потрясающе талантливо сыграно, с таким обаянием. Совсем неожиданный среди его киногероев персонаж: циничный, актерствующий, жестокий и проницательный злодей – Председатель. Но почему-то этому персонажу в какие-то моменты симпатизируешь и в какие-то моменты фильма воспринимаешь

историю его авантюр уже не как фарс, а как трагедию. Почему это так? В чем секрет? Может быть, в том, что Донатас сумел очеловечить своего бесчеловечного героя? А роль пастора? Фильм Эльдара Рязанова *«Берегись автомобиля»* рассказывает совершенно парадоксальную историю о том, как, нарушая закон, человек живет по совести. Чудак для общества, определивший для себя, что значит быть или не быть в этом мире, невероятным образом пытается его изменить, сделать лучше. Тем не менее он пересчитывает деньги, полученные от священника, купившего у него угнанную машину. Благородный разбойник и пастор оказались в одной жизненной цепочке. Сыгранная в фильме Донатасом эпизодическая роль пастора – незабываема. О каких бы его ролях ни шла речь, обязательно вспоминается образ приземленного, практичного священника, цинично рассуждающего о вере в Бога: *«Все люди верят. Одни верят, что Бог есть, другие верят, что Бога нет. И то и другое недоказуемо. Будете пересчитывать?»*

…Я прочитала *«Диалоги…»* Леонида Павлючика и мастера советского кино Натэллы Лордкипанидзе. Я могла назвать все 84 фильма, в которых Донатас снимался. И всех режиссеров, которые его снимали. Его фильмы *«Без улик»* и *«Каунасский блюз»* сегодня я пересматриваю и пересматриваю… Вслушиваюсь в его голос, всматриваюсь в лицо…

…Расписание на второе полугодие изменилось, сократилось количество уроков до пяти в неделю, и мне предложили вариант, при котором пять часов я должна была отработать по одному, двум и двум урокам в три дня, да еще дни поставили не подряд, разбросали с понедельника до пятницы, что для меня было неприемлемо. Пришлось уволиться. Я не почувствовала глубокого сожаления. Что-то такое происходило со школой, чего не принимала душа? Коммерциализация образования, перегруженные информацией учебники, тестирование, убивающее мышление… целостное восприятие мира, бесконечные рейтинги, отчеты, графики уровней развитости и воспитанности… столько времени угробила на такое бумаготворчество. Что теперь делать три дня дома? Буду писать контрольные работы, займусь репетиторством, книжкой. Параллельно напишу о своем путешествии по Парижу. Нашла подходящее название для таких заметок: *«В башмаках, взлетевших кверху».* Памятник поэту-символисту Артюру Рембо в Париже называют *«Путник в башмаках, взлетевших кверху»,* и эта фраза, принадлежит Полю Вердену.

«Где мои старые башмаки? Пора отправляться в путешествие.

Вот негодники! Спрятались. Если бы знали, КУДА мы собрались, – не ворчали бы. Придется их позвать: „Выходите”. Привет всем тем, кто любит Париж, мечтает о нем и в нем живет. Тем, кто износил свою обувь в путешествии по городу. Не выбрасывайте ее, поставьте на самое видное место. Ваши туфли, сандалии, сапоги, ботинки, кроссовки будут напоминать вам о том времени, когда вы и город были вместе».

– Я читала в твоих воспоминаниях, что ты был в Париже, когда представлял фильм *«Гойя»*. А где ты тогда жил?

– Недалеко от Триумфальной арки, в гостинице. Гулял по городу. Конечно же побывал и в Лувре.

– В Париже три раза начинались мои велопробеги. На ноутбуке есть фотографии. Минуточку, принесу… Эта фотография с Сережей и Максимом САМАЯ ДОРОГАЯ ДЛЯ МЕНЯ. Снимались у Лувра. Когда ты был в Лувре, этой пирамиды еще не было.

Донатас вспомнил о Юозасе Мильтинисе, его парижском периоде жизни. И я нашла информацию в книге *«Монологи»* о том, где Мильтинис там жил. Оказывается, напротив Эйфелевой башни, на набережной Френель и в Латинском квартале.

– Оля, как ты в свою деревню попала?

– С мужем к месту его работы поехала. Потом расстались. Не было единомыслия. Я осталась с детьми в деревне… прожила полжизни у *«озера»*… Об одном сожалею, что фамилию прежнюю не вернула.

– А какая твоя фамилия по отцу?

Я назвала…

– Она красивее.

Полжизни… у озера. Трудные были времена. Многие знакомые потеряли работу, мотались по рынкам. Заняться коммерческой деятельностью? Оставить детей не с кем, да я их ни на кого и не оставила бы, а зарплату в школе все-таки выплачивали вовремя. Можно было жить.

– Почему ты не хочешь переехать ко мне? Я бы могла подумать, что это просто слова, если бы не та поездка… для разрешения вопроса о работе.

– Я хочу. Виза не позволяет. Если дадут визу на год, можно что-то будет изменить. А пока так. Надо поговорить с твоим сыном об этой ситуации.

Но Донатас не согласился:

– Это унизит меня.

У него были еще силы решать какие-то свои дела самостоятельно, и я смирилась. Пока приезжаю и уезжаю, я как бы гость для окружающих его людей. В ином же случае – кто я

тогда? Последствия поворота в сторону от устоявшегося порядка – непредсказуемы. Жалею… помощница… Мне плохо без него. Такая у меня выгода.

…После обеда Донатас, как всегда, прилег отдохнуть. Я приготовила ужин и стала смотреть на DVD спектакль *«Встреча»*. Спектакль с титрами на русском языке. Донатас играл Баха, Регимантас Адомайтис – Генделя.

Два великих музыканта встречаются в одной из гостиниц Лейпцига. Всего лишь возможная, придуманная драматургом встреча для разрешения спора о том, ради чего человек творит. Гендель известен и богат, Бах – беден. Но то высокое, вечное, что есть в творчестве Баха, создано им из духовной потребности, а не из желания завоевать мир. Его духовная глубина – несоизмерима ни с богатством, ни со славой, и потому Генделю принять эту истину нелегко:

«…По ночам, тайно, я рассматривал ваши ноты. Гениальные ноты. И снова, и снова посылал мольбы: „О, если бы я был Бахом?”»

– Что ты смотришь?

– Спектакль *«Встреча»*. Запись спектакля – 2005 год. Получается, это твоя последняя театральная работа?

– Мы с этой пьесой гастролировали в Москве, были в Петербурге, в Калининграде на конкурсе *«Бахослужение»*. Силы ушли, память стала подводить – перестал играть.

– Когда смотришь спектакль, удивляешься – откуда столько энергии у тебя? Не успеваешь переключать внимание с одного твоего состояния на другое. Почему Бах так уничижительно, комично ведет себя по отношению к Генделю? Я представляла его строгим, величественным.

– Замысел драматурга.

– Я видела у тебя в коробке диск с записями музыки Баха. Послушаем?

Мы слушали хоральную прелюдию фа минор… Я взглянула на него… такая сосредоточенность… а я отвлекаюсь… Ранящая сознание мысль: буду вспоминать этот вечер… когда не будет никакой другой возможности видеть его, как только в фильмах.

…Удивительно красивая сцена, где Крис и Хари находятся в состоянии невесомости… На лампах – маленькие кристаллики… Их задевали… и звучала фа-минорная хоральная прелюдия И. С. Баха.

…Меня посетило вдохновение. Я попыталась сказать об этом шутливо, без пафоса, и Донатас понял.

– Что так?

– Весна! Все необычно: природа, люди… Жизнерадостно. Я стих написала: *«Весна! Ты слышишь оду радости внутри себя? Молчи, молчи…»* Будет у тебя желание на улицу выходить, можно на скамейке во дворе сидеть. Не захочешь – будем на балконе дышать свежим воздухом…

…В тебе столько внутренней силы. Ты так борешься с разрушением, не сдаешься. Не жалуешься на недомогание. Попробуйте, дожив до таких лет, остаться живым человеком, а не памятником самому себе. Получится ли это у вас?

Глава 6

…Близкие Донатаса собирались на месяц в отпуск, в поездку, и меня вызвали на разговор. Сколько времени буду с Донатасом, какой номер моего телефона, проинформировали, что внучка рядом… есть кому присмотреть. Строгий такой разговор. Как на допросе. Осталось ощущение недосказанности с их стороны, горечи в моей душе. На тот момент я собирала бумаги на получение новой визы и могла уже не отлучаться от Донатаса, используя дни предыдущей: *«Я на все ваши вопросы отвечу».* Но никто ничего не спросил. Именно тогда я поняла, что надо принять то, что есть. Раздражительность по отношению ко мне и терпеливое ожидание того, что все разрешится само собой, без вмешательства со стороны: виза закончится, я сама уйду или Донатас попросит, образумится. Известный, уважаемый человек, а кто такая я, откуда взялась?.. Обид у меня и быть не могло. Я в чужом доме. Да и великое прошлое Донатаса и моя заурядная биография как две стены, между которыми человеческие отношения. Я и два года тому назад понимала это. Объединиться вокруг Донатаса не получилось.

«Меж мной и вами звездные системы, немыслимые странные миры, Карьера, предрассудки, люди, стены, но главное – есть в этом мире вы».

…Из дома Донатас выходил все реже и реже, и тогда прогулки на улице заменили дневными и вечерними посиделками на балконе. Разговаривали, смотрели на проходящих мимо дома людей, на проплывающие в небе огромные воздушные шары, пролетающие самолеты. Смотрели друг на друга. Молчаливый разговор. У него был взгляд человека, осознающего ценность каждого прожитого дня. А я старалась отвлечь его и себя от грустных мыслей. Никаких философских рассуждений, будем пить чай и говорить о хорошем.

Я с радостью выполняла его поручения. Ездила за энциклопедией, которую Донатас, как подписчик, должен был выкупать в издательстве, распечатывала фотографии, отправляла письма поклонникам… Общалась с некоторыми его знакомыми. Когда и стол накрывала для гостей. Запомнилась его встреча с друзьями из Паневежиса. Они вспоминали свою молодость, театральное прошлое Донатаса… В этот раз на душе у меня было спокойно и легко. Я не почувствовала недоброжелательности. Наверное, эти люди понимали его. А ведь бывало и по-другому. Кто-то не здоровался, испепелял взглядом. Кто-то неожиданно

выбрасывал из себя:

– Думаешь, если бы не возраст, он обратил бы на тебя внимание?

Я соглашалась:

– Конечно же не обратил бы.

…Время пролетало быстро, и перемещающийся на настенном календаре квадратик, выделяющий числа дней, приблизился к 28 апреля. В этот день Донатас не отходил от телефона. Звонили с утра до вечера: из Литвы, России, Беларуси, Канады, Америки. По просьбе Донатаса я записывала фамилии поздравлявших его людей. Для него важно было знать, кто звонил, не забыл его.

– С днем рождения! Ты не будешь против, если я приготовлю праздничный ужин? Можно внучку пригласить.

– Конечно. Пригласи.

– Все готово. Будем праздновать. Теперь поздравления: *«Спасибо тебе за твое творчество, за честность в искусстве, за „Солярис”. Здоровья, радости!..»*

…Для получения очередной визы пришлось поменять паспорт. Визу мне дали на год. Оставалось найти работу. Обзвонила знакомых, поговорила с соседом Донатаса. Проблематично. Не поискать ли работу в русскоязычной школе? Но начались летние каникулы, и до конца августа решить этот вопрос не представлялось возможным.

У Донатаса из-за меня проблемы в семье. Он рассказал мне об одном разговоре.

– Я компрометирую тебя. Нужна ли тебе? Я должна уехать?

– Нужна? Еще спрашиваешь. Будем бороться.

– В таком возрасте? Люди не поймут… Не дай бог заболеешь, что случится – буду виновата я.

– Один сказал одно, кто-то еще что-то, и что, теперь не жить? Бывает, кому-то очень плохо, оттого что другим хорошо.

– Это ты сейчас такой смелый. А потом? Я не уйду. Если сам не попросишь уйти или твои родные не попросят.

Есть на земле такая республика Ужупис. Там *каждый имеет право быть непонятым.* Быть таким, какой он есть.

…Ночь… Дочитываю *«Солярис».*

«…В зарождении, росте и распространении этого существа, в каждом его отдельном движении и во всех вместе появлялась какая-то осторожная, но непугливая наивность. Оно страстно, порывисто старалось познать, постичь новую, неожиданно встретившуюся форму и на полдороге вынужденно было отступить, когда появилась необходимость нарушить

таинственным законом установленные границы. Эта резвая любознательность совсем не вязалась с гигантом, который, сверкая, простирался до самого горизонта. Никогда я так не ощущал его исполинской реальности, чудовищного, абсолютного молчания…»

…Много мыслей в книге отдано тому, чего нет в фильме, – описанию Океана, как одного из проявлений непознанного и непонятного. Но земные сцены фильма для меня намного космичнее рассказов Лема о Солярисе. Какое-то вселенское видение, казалось бы, обыденных вещей. Если смотреть на деревья, на колеблющуюся в воде траву, яблоко на столе, омытое дождем, на грациозно бегущую лошадь… глазами человека, покидающего Землю, – обыденное станет бесценным. Земная жизнь – эксперимент высших сил? Мы не одиноки и за нами наблюдают, как выразился Ежи Лец? Океан, соприкасаясь с человеком, способен извлекать из человеческого сознания самые сокровенные и мучительные воспоминания. Зачем Ему это? Изучает ли Он людей, судит, жалеет? И применимы ли такие человеческие определения к Нему? Самоубийство новой Хари – ее выбор или посыл Соляриса, ограниченного в своих возможностях познания человека и *«потерявшего интерес к людям, разгадавшего их»!* Да и как бы Он проявил себя, если бы не Встреча с людьми? Вопросы, вопросы…

Для меня Вселенная – это Книга, в которой все Кем-то *«записано»:* от Начала и до Конца и снова от Начала… И этот Кто-то не захотел ничего в ней исправить, изменить. Он проявил бессилие?

…Этот бог не существует вне материи и не может от нее освободиться, он только жаждет этого.

Те, кому посчастливилось увидеть нашу планету из космоса, я имею в виду космонавтов, говорят, что она очень красивая. Все ничтожное кажется невозможным на Земле, если смотреть на нее с высоты… А Космос всюду: в дождях, в зимнем снеге, в вибрациях красок и звуков планеты, он внутри каждого из нас, и в нем все отмерено и запрограммировано.

Погружаюсь в воспоминания о Фильме. Перед глазами водный мир с островком Памяти, волнами Океана Соляриса. Почему я так выстроила свою судьбу?

Пыталась оторвать себя от земного, а мечты превращались в реальность. Жизнь для меня – это Встреча: с родителями, с моими мальчишками, с братом, с Марком, сыном Максимки, с Донатасом, с теми, кому я обязана ее смыслом, осознанием себя. Кто я без них? Бесчувственное существо. Все не случайно и не напрасно. Невидимыми нитями мы, люди, связаны здесь, на

Земле, друг с другом. Нитями космического и земного родства, сопричастностью к жизни и смерти, к любви, радостям и потерям. КАК ОБЪЯСНИТЬ СЛОВАМИ НЕЖНОСТЬ? ЕЕ НУЖНО ПОЧУВСТВОВАТЬ… ПЕЧАЛЬ ПЕРЕЖИТЬ… ЛЮБОВЬ ИСПЫТАТЬ.

Чувствами управлять невозможно. Они неразумны.
И подняться выше момента истины недостижимо.
Никто не прочувствует твои переживания. Чужое невидимо.
Время расплавлено памятью. Прикосновение к тишине.
В зеркалах отражаются потоки безмолвия, доверчивость
Утраченного неведения, волны Океана Соляриса.
Бездна привыкания. Необходимость видеть и слышать.
Обострение зрения, слуха. Приближение к сущности
Человеческой природы. Беспомощность. Жертвенность.
Всепрощение. Синдром Хари… Я… с тобой.

– Можешь почитать, что я написала тут о тебе?

Донатас прочитал и вынес вердикт, который меня обнадежил:

– По существу замечаний нет.

– Спасибо, что крылья мне не обрезаешь. Я еще и о Париже пытаюсь выговориться и о своем зрительском отношении к творчеству Тарковского. Ты встречался с Тарковским перед его отъездом?

– В Москве. И была поездка по Италии с фильмом *«Солярис»*. В Риме нам устроили встречу с Федерико Феллини… Зря Андрей уехал из России. Для истинно русского художника разлука с родиной – тяжелое испытание. Можно потерять себя.

– Когда-то, очень давно, я просматривала журнал *«Советский экран»,* а там статья о съемках *«Соляриса»*. Удивилась, что ты играешь Криса Кельвина. Мне он представлялся другим. Внешне. Ты не любишь громких слов, но скажу, с того момента, как увидела фильм, никого, кроме тебя, в этой роли не вижу. Я и телевизионный спектакль Ниренбурга посмотрела, в записи. Криса играл Василий Лановой, Хари – Антонина Пилюс. Тоже душу переворачивает.

– Я сам удивлялся, почему Тарковский пригласил меня на эту роль. Предполагаю, что ему нужен был нерусский актер. Ярвет – Снаут, Саркисян – Гибарян, Солоницын – Сарториус… интернациональный состав.

– И в этих ролях я не представляю других актеров. А каким был Тарковский на съемках?

– Мне он показался странным. И здесь и не здесь.

– Как это?

– Погруженным в себя. Смотрит сквозь тебя, думает о чем-то своем…

– Знаешь, какая сцена меня больше всего потрясла в *«Солярисе»?*

– Любопытно. Какая?

– Когда Крис Кельвин вспоминает о своей матери. Как ты смотришь на нее, плачешь, всхлипывая, как ребенок: *«Мама».* Это через сердце пропущено, пережито.

…*«Солярис»* Стивена Содерберга я посмотрела через одиннадцать лет после выхода его на мировой экран. Почему-то все не решалась. Разрекламированный проект, как принято сегодня часто творчество называть проектом. *«Мужественный человек,* – подумалось мне. – *Наверное, знает что-то такое о людях и космосе, что позволило ему взяться за экранизацию книги Лема? Не хочется сравнивать. Не буду смотреть».* Но зашел разговор с Донатасом об этой картине, и я решилась. Смотрю фильм. История о любви со счастливым финалом. Она могла произойти где угодно, при чем здесь *«Солярис»!* Фильм ради фильма? Может быть, я ошибаюсь?

«Работая над этим фильмом, я был ближе к нервному истощению, чем когда-либо. Каждый день был просто пыткой», – сказал в одном интервью режиссер.

Можно снять тысячи *«Солярисов»,* но будет ли достигнута планка Андрея Тарковского в постижении человеческих переживаний? Для меня его фильм построен на тайнах сознания и чувств людей, и без познания Высшего, Космического их не разгадать.

– Оля!

– Да.

– У Евгения Татарского сегодня юбилей. Семьдесят пять лет. Звонили с *«Ленфильма».*

– Что будешь делать?

– Телеграмму отправлю.

Донатас показал мне листок с записями, и я переписала адрес. На велосипеде поехала на почтамт, чтобы дать телеграмму. Такой услуги там не оказалось. Связи по факсу не было. К сожалению, отправить поздравление в этот день не получилось. Рассказала Донатасу об этом. Но к вопросу о телеграмме он больше не возвращался. Текст же телеграммы я сохранила. *«Дорогой Евгений Маркович! Счастлив поздравить тебя с юбилеем. Радости, бодрости, долголетия! Наше содружество на съемочной площадке для меня незабываемо. Твой Донатас Банионис. 10.09.2013. Вильнюс».*

Город, к которому у Донатаса особое отношение, – это Петербург. Разговор о городе зашел, когда я спросила о картине в его комнате, на которой был изображен храм Спаса на Крови в Петербурге. Вода, камень. Острова, реки. Каналы, мосты. Набережные, проспекты. Соборы. Дворцы. Памятники. Музеи. Театры. Город поэзии Пушкина, романов Достоевского, музыки Чайковского… настоящая сокровищница искусств. Донатас вспомнил о своей первой поездке, тогда еще в Ленинград, организованной Мильтинисом для театра, о съемках у Саввы Кулиша и Григория Козинцева. Посещение Эрмитажа, Русского музея, просмотр спектаклей БДТ… впечатления, мысли… в последующем киносъемки, встречи с людьми, ставшими частью его души…

…Большую часть своей жизни Донатас отдал творчеству: работе в театре, кино, репетициям, съемкам, встречам со зрителями, коллегами, журналистами. Всегда спрашиваю себя, откуда у актеров, музыкантов, художников берутся силы, чтобы творить? Как потом они живут, актеры, сыгравшие Гамлета, короля Лира или чеховского героя, маленького человека со своим миром забот и желаний? Спросила об этом у Донатаса.

– Я стремился познать своих героев, разобраться в их судьбе, найти правду жизни, но это не меняло моей внутренней человеческой сути. Я всегда оставался самим собой.

Правда жизни… Вспоминается Гойя, ищущий правду там, где она запрещена и не может быть выше церкви. Путь к ней лежал через чудовищные сны разума, изматывающее душу искусство, в котором правда преобразуется в образы грехов и боли человека. Тяжкий путь. И тяжкий труд актера, идущего вослед художнику. Над ролью Гойи, как рассказал Донатас, он работал с такой самоотдачей, что не оставалось сил ни на что другое, и он серьезно подумывал об уходе из театра. В подлинных местах жизни художника, в Мадриде, снимать было нельзя. Причина запрета – обострение отношений между СССР и режимом Франко.

– Создать в фильме атмосферу того времени, так необходимую для раскрытия человеческой сущности Гойи, не совсем получилось.

– О том, что натурные съемки проходили в Болгарии и Югославии, я узнала из твоей книги. Начало фильма – не скажешь, что не Испания.

– Эти сцены снимались в Дубровнике. *«А еще там очень красивое море. Особенно ночью, когда в нем отражаются мерцающие звезды. Я специально ходил смотреть на него».* Такие слова Донатаса я прочитала в его книге *«Я с детства хотел играть».*

– Удивительно, как тебе удалось прожить такую интересную жизнь?

– Учился, работал, стремился овладеть профессией. Было бы трудно жить вне этой профессии. Если люди помнят мое творчество – значит, не зря прожил жизнь. Я не учитель, а ученик.

Вот и формула успеха: учился, работал.

…Я позвонила женщине из организации. После поездки туда с Донатасом мы обменялись с ней телефонами, созванивались.

– Вы хоть ходите куда-нибудь? – спросила она меня и пригласила в театр на спектакль *«Три Жизели»*.

У нее была возможность помочь мне с работой в школе, и этот вопрос мы хотели обсудить с ней, встретившись в театре. Появилась надежда устроиться на работу, и я сказала об этом Донатасу. Он обрадовался. Обнял меня.

За эти два с половиной года я два раза побывала в театре, съездила с соседом Донатаса на велосипеде в древние столицы Литвы: Кернаве, Тракай и Медининкай, на машине в Друскининкай. Донатас сам просил его показать мне дорогу и даже сопроводить меня. Так ему было спокойнее. Как бы не заблудилась и в какую-нибудь историю не попала с моим характером. В Друскининкай я поехала, чтобы посмотреть скульптурную композицию Миндаугаса Юнчиса *«Донатас Банионис»,* сделать фотографии для книжки. В доме у Донатаса был макет этого очень необычного памятника, что меня и натолкнуло на мысль о поездке.

Донатас изображен сидящим на скамье, с книгой в руке. Никакой торжественности, пафоса. Вдали – скульптура журавля. Здесь просматривается связь с наградой Донатасу за его вклад в развитие кинематографа Литвы.

– Я не понимаю, что от меня хотят. Оля, поговори.

Донатас передал мне трубку телефона. Звонили из Москвы по поводу его участия в передаче.

– А кто вы такая?

– Я материал для книги о Донатасе собираю, забочусь о нем. Вы лучше с сыном его поговорите.

На следующий день снова позвонили:

– Вы можете приехать на передачу?

Меня стали уговаривать.

– Если Донатас отпустит, поеду.

Донатас несколько минут разговаривал, а потом сказал: *«Поезжай».*

Что в моей голове тогда было? На какие искушения я поддалась: книгу помогут напечатать, с сыном младшим встречусь в Москве? Наивность за пределами разума. Все, что

потом произошло, стыдно вспоминать. И винить, кроме себя, некого.

На передаче я рассказала о том, что мое поколение выросло на фильмах Донатаса, о том, как я познакомилась с ним, что мы дружим, общаемся и что я им восхищаюсь. Донатас, вышедший на связь по телемосту сказал:

– Я ее не знаю, – а потом: – Как ты туда попала?

Как ни странно, аудитория *«не закидала меня камнями».*

– Да мы все поняли, не переживайте.

И куда мне теперь возвращаться после его слов? Но нужно было передать Донатасу гонорар, и я вернулась в Вильнюс. В полном отупении от переживаний.

Поговорила с ним. Он почему-то решил, что все это кто-то подстроил.

– Если я не понимаю суть дела, его смысл, говорю: не знаю. И тогда вопросов больше никто не задает.

Старый человек. А я, получилось, воспользовалась его старостью, искупалась в лучах его славы и своего позора. Я уехала домой. И чем больше вспоминала о тех минутах, тем сильнее меня охватывал ужас. На тот момент я чувствовала себя преступницей. Сегодня я вижу все в ином свете. И смысл для меня той передачи уже другой. Знак свыше. Я должна была уехать, чтобы обратить внимание на Максима.

Беспощадное время то несется со скоростью света, то замирает на мгновение, то медленно переливается через край невидимого сосуда, наполненного энергией мыслей и чувств человеческих. Как растянуть эти мгновения? Стоять на месте? Бежать туда, куда и все: к благополучию, определенности? С уверенностью в том, что никакие обстоятельства не отбросят тебя в сторону от людей. Но успеешь или нет это понять, на твоем пути может возникнуть пропасть, на краю которой будешь призраком среди живых. Не задумываешься о том, что будет с тобой завтра… Расставание с любимым человеком, несчастный случай, болезнь, потери родных людей… все может быть. Мы же живем так, как будто вечные: суетимся, расстраиваемся из-за мелочей, выясняем отношения… и опаздываем. К прощаниям и встречам, к самым дорогим для нас людям. Оборвать эмоциональную связь с теми, кого любим, – невозможно, даже если их уже нет рядом.

А я и не нагляделась на тех, кто был мне дорог.

…Донатас звонил, ждал. После его звонков родные тут же перезванивали. Сначала попросили не приезжать неделю, снимался фильм к юбилею Донатаса. Потом не приезжать три

месяца. Меня так по-человечески просили об этом, поблагодарили за заботу о Донатасе. Я разрывалась между ним и его родными… Я не отделяла Донатаса от его родных. Самые близкие для него люди. Чувство вины за эту передачу меня просто задавило. Что-то во мне сломалось. Подчинилась чужой воле. И какой смысл кого-то осуждать? Я могу спрашивать только с себя. Никто не сможет сломать человека, если он сам не позволит это сделать. *«Забудет – смирюсь. Может, так им всем и ему будет лучше? Не откажется от меня – ничто меня не остановит».*

Не забыл. И мне и ему больно. Новое условие – не приезжать совсем. Будут приняты все меры, к нему меня не допустят. Я перестала с ними разговаривать: оправдываться и объясняться. Мне стало безразлично, что уже там обо мне думают. Я сидела в маленькой комнате своей квартиры на полу, уставившись в стены, и выла от тоски по нему. Я думала о нем каждую минуту. Как он там? Проснулся… завтракает… отдыхает… смотрит новости по телевизору. Сидеть рядом, молча, держать за руку… ничего больше и не нужно. Твердила себе, как молитву: позвони, позвони… И он звонил. Сейчас торжества, награждения, такое внимание к его личности… я была особенно не ко двору. Пообещала приехать чуть позже, с младшим сыном, Донатас приглашал его в гости. Мы с Сережей стали собирать документы для его визы… Я дописала книжку и начала печатать ее самиздатом… Торопилась сделать подарок Донатасу к его девяностолетию… В один миг мир для меня перестал существовать, потерял все свои смыслы, кроме одного – спасти сына. Что-то непонятное происходило с Максимом. Упал в обморок, головные боли, больницы… Я уже не думала о Донатасе. Та боль, которую я терпела из-за разлуки с ним, в сравнении с внезапно обрушившейся на нас бедой и болью не назовешь. Я боролась за жизнь Максима. Верила, что спасу, вытащу его. Сережа был рядом. Мы не отходили от Максима ни на минуту. Готовы были жизнь за него отдать, только бы жил… Сначала самое дорогое, что у тебя есть, отнимает судьба, потом Время. Протягиваешь руки… Максим… а его уносит дальше и дальше, голос не слышен… Пусть это будет безумием – буду тебя ждать, разговаривать с тобой… Молодой, красивый, талантливый… родной. Превращаю этот мир в Ничто. Обрываю связи с людьми, которые пытаются вытянуть меня из горя, помочь. Максима помнят: его отзывчивость, жизнерадостность, доброту. Его музыку. Никто не верит, что такое могло случиться. Соболезнования, соболезнования… письма… из России, Франции, от друзей из Германии… Выслали приглашение на получение новой визы, но я не в состоянии даже выйти из дома, принять

помощь, поддержку…

Слушаю песню *«Earth angel»,* песню, которую ты записал для меня… Прижимаю к себе книги о живописи и кино, подаренные тобою к моему дню рождения… Смотрю на номер твоего мобильного телефона… Хожу машинально по квартире. Что-то делаю… с неимоверным трудом и ненавистью к своей материальной сущности. Ощущение, что предаю тебя, пытаясь выжить, спасти на время бренную оболочку. Сохранить ее во здравии, чтобы не быть ни себе, ни людям в тягость. Мысли хаотично появляются и исчезают, образуя в памяти картины прошлого, которое вижу только я. Помню, как ты впервые заявил о себе. В моем животе что-то происходило. Какое-то шевеление, удар, и вдруг появлялся выступ. Я чувствовала – ты живешь: дышишь, ворочаешься. В морозный, солнечный день февраля в 14 часов 15 минут… ты родился! Первые шаги, слова… Рядом с нашим домом был детский сад, и в окно можно было часто видеть тебя гуляющим на улице с другими детьми. Я смотрю в это окно на тебя… в своих воспоминаниях.

Выписали из больницы умирать. Врачи отмахивались от нас. А ты стеснялся сказать, что тебе страшно и больно. *«Отче наш!»* – произносили мы с тобой молитву, надеясь на чудо. Часами ждали, пока оформят бумаги на получение сильного обезболивающего. Здоровые, умные специалисты, не желающие жертвовать своим психическим здоровьем ради обреченного на смерть парня, просто издевались над нами.

– Дома ему будет лучше. Вызывайте скорую помощь, колите уколы.

– Я никуда не уеду.

– Бог закрывает двери и открывает окна. Всегда есть шанс. Боритесь.

И мы боролись. В какую-то минуту я почувствовала, что у меня больше нет сил видеть, как уходит мой ребенок: *«Уйдем вместе».* И тут же мысль: я сдамся, а вдруг в этот момент придет помощь свыше? Прости меня, мое солнышко.

…Мой сын ушел из жизни в хосписе, пробыв там один день. Ушел у меня на глазах. Как вы живете теперь, Ирина Александровна? Думаю, хорошо. На всех больных сил не напасешься, не так ли? А как живу я? Как будет жить Сережа? Каждую секунду надо делать усилие, чтобы жить. Вы себе представить не можете, что это такое. Придет Неизбежное – я буду счастлива, потому что уйду туда, где Максим.

Через четыре месяца после ухода из жизни Максима не стало Донатаса. Я давно уже не понимала, где нахожусь, в этом мире или за его пределами. Я не осознавала, что его уже тоже нет.

Позвонила соседу Донатаса с просьбой положить ему цветы от меня. Вспоминаю последний его звонок. Кто-то стал вмешиваться в разговор, и Донатас сказал: *«Я перезвоню».* Не перезвонил. Позвонила женщина из редакции одного журнала. Объяснила, что к ним обращался Донатас и просил найти меня. Донатас знал, что я была в больнице с сыном, даже поговорил с Максимом в день Пасхи, а мне сказал: *«Будем держаться друг друга».* Почему он сам не позвонил? Что с ним случилось? Потерялся номер моего телефона?

Он не мог его потерять. Номер, записанный на узкой бумажной полоске, был приклеен к его мобильному телефону…

…Законы небожительства, возраст Донатаса… встреча недолгая. Но она была, и та ниточка, которая связывала меня с ним, не оборвалась. Я живу в другом измерении. Там, где нет обид, судейства, чужих и своих людей… есть нежность и любовь к Максиму, к Донатасу.